

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 1 (17)

Киров
2020

Главный редактор

В. Т. Юнгблуд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Печенкин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 1 (17)

Kirov
2020

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

- A. M. Belavin**, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. Institute of Russian History of RAS (Moscow);
A. A. Pechenkin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

- O. I. Kolesnikova**, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

- A. S. Drikker**, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Рукоусев Е. Ю., Шумкин Г. Н.</i> Условия труда и быта китайских рабочих на Урале в годы Первой мировой войны.....	7
<i>Шалак А. В.</i> Политический портрет Колчака: историко-геополитическая интерпретация.....	22
<i>Попова А. Д.</i> «Гражданином быть обязан!» (Эволюция представлений о социальной активности в ментальных установках советских граждан)	30
<i>Касанов А. С.</i> Путешествия туристов-иностранцев по территории Вятской губернии в конце XIX – начале XX века.....	40
<i>Уланов К. А.</i> Доставка продукции уральских казенных заводов в европейскую часть России в первой половине XVIII века	48

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Гасанов К. Н.</i> Геополитическое влияние ЕС в Средиземноморье после «арабской весны»	64
<i>Турава Г. М.</i> Грузино-азербайджанские отношения: вызовы стратегическому партнерству	75
<i>Буранок С. О., Соколова А. В.</i> Карикатуры США и революция в России: ноябрь-декабрь 1917 г.	88

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Росина М. А.</i> Советизация Румынии в контексте американо-советских отношений 1944–1945 гг.: отечественная историография.....	95
---	----

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Моряхина К. В.</i> Особенности погребального обряда Плесинского могильника.....	112
--	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Осипова Н. О.</i> «Третья нота» в русскоязычной литературе эмиграции	120
<i>Петухов В. Д.</i> Образы «добрых провинциалов» в повестях В. А. Соллогуба.....	128

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Петров А. В., Харитоновна С. В.</i> Возвращение забытого вятского поэта: Ермил Костров и русская поэзия XVIII века.....	134
--	-----

CONTENTS

PROBLEMS OF DOMESTIC HISTORY

<i>Rukosuev E. Yu., Shumkin G. N.</i> Conditions of work and life of Chinese workers on Urals in the years of the First World War	7
<i>Shalak A. V.</i> Political portrait of Kolchak: historical and geopolitical interpretation.....	22
<i>Popova A. D.</i> "Must be a citizen!" (Evolution of ideas about social activity in the mental attitudes of Soviet citizens)	30
<i>Kasanov A. S.</i> Travel of foreign tourists on the territory of the Vyatka province in the late XIX – early XX century	40
<i>Ulanov K. A.</i> Delivery of products from Ural state-owned factories to the European part of Russia in the first half of the XVIII century	48

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

<i>Gasanov K. N.</i> The EU's geopolitical influence in the Mediterranean after "the Arab spring"	64
<i>Turava G. M.</i> Georgian-Azerbaijani relations: challenges to strategic partnership	75
<i>Buranok S. O., Sokolova A. V.</i> Cartoons of the United States and the revolution in Russia: November–December 1917	88

ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

<i>Rosina M. A.</i> Sovietization of Romania in the context of US–Soviet relations 1944–1945: domestic historiography	95
---	----

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

<i>Moryakhina K. V.</i> Peculiarities of the funeral rite of the Plesinsky burial ground.....	112
---	-----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Osipova N. O.</i> "Third note" in Russian-language literature of emigration	120
<i>Petukhov V. D.</i> Images of "good provincials" in the stories of V. A. Sollogub.....	128

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

<i>Petrov A. V., Kharitonova S. V.</i> Return of the forgotten Vyatka poet: Yermil Kostrov and Russian poetry of the XVIII century.....	134
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470.5)

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.001

Условия труда и быта китайских рабочих на Урале в годы Первой мировой войны

Е. Ю. Рукосуев¹, Г. Н. Шумкин²

¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: rukosuev@mail.ru

²кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: shumk@mail.ru

Аннотация. На рубеже XIX–XX вв. в процессе модернизационных преобразований формируется система современных международных экономических отношений, важнейшим элементом которой является обмен рабочей силой. Российская экономика в целом обладала достаточными трудовыми ресурсами, но после массовых мобилизаций мужского населения в армию во время Первой мировой войны она приобретает актуальность во многих регионах страны. Эта проблема решалась применением труда военнопленных, мобилизацией на выполнение трудовой повинности местного, как правило, крестьянского населения и организованным ввозом иностранных рабочих из Китая, Кореи и Персии. В работе показаны причины появления китайских рабочих на Урале в период Первой мировой войны. Предпринята попытка на основе архивных документов комплексно осветить процесс трудовой миграции китайских рабочих на Урал в первой трети XX в. Рассмотрены постановления центральных и местных органов власти, на основе которых осуществлялась вербовка рабочих в Китае, их доставка на Урал и размещение на предприятиях. Особое внимание уделено таким вопросам, как квалификация и дисциплина рабочих, условия труда, заработная плата, жилищные условия, питание, охрана здоровья и др. Условия труда и быта рабочих, нанятых в Китае для уральских предприятий, были в целом хуже, чем у их российских коллег, и существенно отличались от тех формальных прав, которые были прописаны в нормативно-правовой документации. Но в то же время следует отметить, что материально-бытовое обеспечение рабочих находилось в прямой зависимости от производительности их труда.

Ключевые слова: Первая мировая война, Урал, иностранные рабочие, китайские рабочие, материально-бытовые условия.

В процессе становления рыночной экономики в России прослеживается немало параллелей с аналогичным процессом, протекавшим больше столетия назад – во второй половине XIX – начале XX вв. В их числе – заметная активизация международных миграций, включая иммиграции китайцев в Россию. Данный процесс и в начале XX в., и на рубеже XX–XXI вв. вызывает озабоченность и тревогу российских властей и общественности. Сплоченные, преданные своей исторической родине и практически неподверженные ассимиляции, трудолюбивые и выносливые, адаптирующиеся к тяжелым условиям, китайцы рассматривались и рассматриваются как опасный или, во всяком случае, подозрительный, а потому нежелательный социальный элемент. Но при всем при этом они являются дешевой рабочей силой, которая может восполнить дефицит российских трудовых ресурсов, как это было, например, во время Первой мировой войны, когда на различные работы в горнодобывающей, лесной, строительной отраслях, в сельском хозяйстве было завербовано более 65 тыс. китайцев [1, с. 42]. Из них каждый шестой работал на предприятиях Урала.

Российская экономика конца XIX – начала XX вв. в целом обладала достаточными и даже избыточными трудовыми ресурсами и поэтому по сравнению со странами Западной Европы и Нового Света была слабо вовлечена в процессы международной миграции. Но на Дальнем Востоке ощущался дефицит рабочей силы. Здесь китайцы обосновались весьма прочно. Их труд

использовался в строительстве, сельском хозяйстве, на золотых промыслах, в качестве прислуги и т. д.

На Урале до Первой мировой войны численность китайцев была незначительна. По Первой всероссийской переписи 1897 г., в Пермской губернии зафиксировано всего два китайца [10, с. 36]. Во время Русско-японской войны на Урал были репатриированы заподозренные в шпионаже в пользу противника китайцы, корейцы и японцы. В 1905 г. в Перми проживало сосланных 69 китайцев [13, с. 192].

Проникновение китайцев на Урал активизировалось накануне Первой мировой войны. Циркуляром от 3 мая 1913 г. пермский губернатор И. Ф. Кошко поручил уездным полицейским исправникам «совершенно секретно, тактично и крайне осторожно выяснить в отношении всех... желтолицых, с какой целью они в данной местности появились, чем занимаются, на какие средства существуют, с кем ведут знакомство или вообще какие-либо сношения, не держат ли каких-либо отлучек, куда и с какой целью, не получают ли какой-либо корреспонденции, обращают ли на себя внимание, <...> установить за ними для выяснения всего этого тщательное, но безусловно конспиративное наблюдение». При этом следовало так выполнить это задание, чтобы не причинить «ни малейшего стеснения этим иностранцам» и не вызвать «подозрения о своем наблюдении» [5, ф. 65, оп. 1, д. 117, л. 4–5]. Рапорты уездных исправников показывают, что к лету 1913 г. в населенных пунктах губернии, за исключением Перми, постоянно проживавших китайцев не было. В Перми после Русско-японской войны постоянно жили 22 «желтолицых» (китайцы, японцы и корейцы) [5, ф. 65, оп. 1, д. 117, л. 8].

Негласная слежка за китайцами продолжалась и во время Первой мировой войны, по крайней мере, до конца 1915 г. Полицейские исправники каждую неделю посылали сведения губернатору. По этим сводкам вырисовывается такой портрет типичного китайца начала XX в., прибывшего самостоятельно на Урал: это мелкий торговец (реже – актер), 18–35 лет, холост, приехал с целью реализовать товар, редко подолгу задерживается в одном населенном пункте. Обычно китайцы переезжали группами 2–5 человек.

В целом власти относились весьма настороженно к проникновению китайцев на Урал, рассматривая их не иначе, как «желтую угрозу». Отношение властей к китайцам весьма откровенно выражено в письме директора Горного департамента В. И. Арандаренко от 5 мая 1914 г., разосланном по горнозаводским предприятиям Урала с требованием организации контроля за перемещением китайцев: «К нам стремится из Китая исключительно люд, которому терять решительно нечего и который, благодаря своим расовым свойствам и принципам, смотрит на многие вопросы совершенно иначе, чем русские и вообще европейцы, они во время своего пребывания в наших пределах являются элементом в высшей степени незаконномерным, совершают самые тягчайшие преступления и затем источником всевозможных инфекционных болезней, разносимых ими, так как не только их жилища, но и сами они при отсутствии у них самых элементарных понятий о санитарных требованиях являются в полном смысле слова очагом всевозможных болезней, кроме того, вместе с поселением китайцев наблюдается постепенный переход в их руки, благодаря минимальным требованиям и исключительной способности приспосабливаться ко всякой обстановке, многих отраслей чернорабочего труда, торговли и промыслов. Что же касается политической стороны вопроса, то, будучи непоколебимо стойкими в своей национальной культуре, не теряя духовной связи с родиной, оставаясь на чужой стороне верными сынами своего отечества и не чувствуя поэтому решительно никакой потребности ассимилироваться с окружающим его населением, китаец и с этой стороны представляется элементом прямо враждебным.... В этих соображениях и ввиду того, что наблюдается теперь движение китайцев в сторону Европейской России, принимает угрожающие размеры и что дальнейшее развитие этого движения, безусловно, повлечет за собой нежелательные для нас последствия и создаст русским людям непосильную конкуренцию во многих отраслях торговли и труда» [5, ф. 174, оп. 1, д. 97, л. 21–21об.].

Эти опасения имели под собой определенные основания. Косвенно один раз уральские рабочие уже проиграли китайцам в конкурентной борьбе. Во время промышленной депрессии 1905–1909 гг. возник проект перевода части уральских рабочих, лишившихся заработка в результате закрытия заводов, в Восточную Сибирь на строительство крепостных сооружений и Амурской железной дороги. Однако военные отказались от услуг уральских рабочих. Китайцы, по их мнению, были более дисциплинированы, менее склонны к пьянству, менее требовательны к условиям быта и, кроме того, не имели опыта революционной борьбы [6, ф. 24, оп. 20, д. 119, л. 14–16].

С началом Первой мировой войны ситуация изменилась кардинально. Массовые мобилизации трудоспособного мужского населения вызвали нехватку рабочих. Особенно пострадали лесное хозяйство и добыча каменного угля, составлявшие основу топливно-энергетической базы всей уральской промышленности и железнодорожного транспорта. Если в целом в горно-заводской промышленности Урала в первый год войны было мобилизовано 22,3 % рабочих, на основных, заводских производствах – только 12,5 %, то на вспомогательных производствах (лесозаготовках, добыче руды и каменного угля) было мобилизовано 43,7 % рабочих [8, с. 355]. В некоторых округах в результате мобилизации выбыло до 2/3 дроворубов и углежогов [7, с. 97]. «Явная недостаточность рабочих создает в настоящее время значительные затруднения в деятельности промышленных предприятий и заводов, в будущем грозит еще большими осложнениями, вплоть до прекращения отдельных производств. Нижнетагильский и Луньевский округа испытывают значительный недостаток рабочих рук на лесных заготовках. На заготовке лесных материалов в округах занято ежегодно 7800 человек, в настоящее время на этих работах занято 2520 человек – 38 % требуемого числа. Нанять рабочих из других губерний не удалось. Если такое положение сохранится, то заводы округа будут вынуждены сократить производство на 60-70 %, а некоторые производства – и совсем прекратить» [14, ф. 37, оп. 73а, д. 301, л. 2].

Нехватка рабочих рук на вспомогательных производствах привела к топливному кризису. Зимой 1914–1915 гг. было заготовлено меньше половины необходимого топлива [7, с. 97]. На рынке резко возросли цены на древесное сырье. Из-за недостатка топлива были потушены 22 доменных печи, выплавка чугуна сократилась с 55,7 млн пудов в 1913 г. до 46 млн пудов в 1916 г. [8, с. 355–356].

Чтобы покрыть дефицит трудовых ресурсов, к работам стали привлекаться военнопленные, жители Средней Азии и рабочие «желтой расы» – китайцы и корейцы.

В начале 1915 г. бывший сотрудник газеты «Новости жизни» Н. Л. Каплан, проанализировав для «Харбинского вестника» изменения в экономике страны с начала войны, пришел к выводу о том, что предприятия стали испытывать недостаток рабочих рук. 22 марта 1915 г. Н. Л. Каплан разослал по предприятиям и властям предложения об организации поставки китайских рабочих. Эта идея была подхвачена в Харбине [13, с. 582]. В марте 1915 г. председатель Харбинского биржевого комитета телеграммой известил Горный департамент Министерства торговли и промышленности о готовности комитета взять на себя посредничество в доставке рабочих китайцев на рудники и заводы и просил сообщить, не встретится ли этому вопросу препятствий со стороны правительства. Телеграмма эта была препровождена Министру путей сообщения с заключением, что пользование трудом китайцев в предприятиях горной и горнозаводской промышленности законом не возбраняется.

В апреле 1915 г. администрация Кизеловского горного округа князя С. С. Абамелек-Лазарева, в составе которого находились Кизеловские угольные копи, ходатайствовала перед пермским губернатором о разрешении привлечь к работам китайцев: «Лишь с помощью китайских рабочих можно надеяться исполнить наши обязательства по поставкам нашего каменного угля как казенным, так и частным учреждениям». По предварительным расчетам 3000 рабочих-китайцев дали бы увеличение ежемесячной выработки на 3 млн пудов. 22 мая 1915 г. в письме Пермскому губернатору о своем желании принять на работу 1000 китайцев заявило также и управление Нижнетагильского и Луньевского округов [14, ф. 37, оп. 73а, д. 301, л. 2, 23–24; 5, ф. 65, оп. 3, д. 569, л. 7–8].

Первые 650 китайских рабочих прибыли на Урал, в Кизеловский горный округ 4 августа 1915 г. [5, ф. 65, оп. 3, д. 569, л. 13]. Осенью 1915 г. партии китайских рабочих стали поступать регулярно. Основным поставщиком выступила фирма тобольского купца 2-й гильдии Д. Е. Дризина «Восточно-Иркутское мукомольное товарищество», имевшего своего представителя в Екатеринбурге.

Уже к декабрю 1915 г. китайцы работали, кроме Кизеловского округа Абамелек-Лазаревых, в Екатеринбургском уезде: на Медном и Калатинском рудниках, в Верхнетагильском лесничестве акционерного общества Верх-Исетских заводов, на Соймановских промыслах общества Кыштымских горных заводов, в Нижнеуфалейском заводе товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов, на химическом заводе акционерного общества Шайтанских горных заводов и в Пермском уезде – в лесничестве Камского акционерного общества в Чусовском заводе [2, с. 77–78].

К 1916 г. численность китайцев увеличилась до 10 тыс. человек [1, с. 42; 20, с. 13; 23, с. 298]. По подсчетам А. Л. Сидорова, в конце 1916 г. на предприятиях Урала было занято

178,6 тыс. человек рабочих, в том числе 53,4 тыс. (30 %) военнопленных и 10 тыс. (5,6 %) китайцев [17, с. 418]. Если принять во внимание, что китайцы были заняты в основном в заготовке дров и угледобыче, то, исходя из расчетов А. В. Дмитриева, оценивавшего численность рабочих Урала, занятых на заготовке топлива в 75-80 тыс. чел. [7, с. 106], можно предположить, что в этом важнейшем секторе уральской экономики каждый 8-10 рабочий был китайцем. В литературе встречаются и другие сведения, в частности, Л. А. Чемезова пишет: «На заводах одного лишь Верхотурского уезда работало около 20 тыс. китайцев и корейцев...» [22, с. 63].

Китайские рабочие прибывали на предприятия Урала вплоть до Октябрьской революции. По результатам обследования, проведенного в начале 1918 г. Отделом Желтого Труда Комиссариата Труда, к сентябрю 1917 г. на Уральских предприятиях работало 11 тыс. китайцев. Зимой-весной 1918 г. из-за начавшегося спада производства численность китайских рабочих стала сокращаться. К апрелю 1918 г. на предприятиях Урала работал 971 китайский рабочий [1, с. 40–43].

Сразу же после прибытия первой партии рабочих из нейтрального Китая за китайцами и их подрядчиками полиция установила пристальное наблюдение «с целью пресечения, с их стороны, шпионской деятельности» [5, ф. 65, оп. 5, д. 151, л. 103; 6, ф. 621, оп. 1, д. 288, л. 95] в пользу Германии. В рапортах уездных исправников достаточно точно отражено изменение численного состава китайских рабочих. Так, рапорты Соликамского уездного исправника показывают, что 7 марта 1916 г. на Губахинские копи прибыло 2000 человек; 12 июня 1916 г. на Мариинские копи – 130; 2 мая 1916 г. на Кизеловский завод 68 человек.

Трудовая миграция китайцев в российской исторической науке является относительно «новой» темой. В советской историографии вопросом китайской миграции на Урале исследователи обращались в основном в связи с изучением двух более крупных тем: рабочее движение на Урале накануне революции 1917 г. и интернационалисты в годы Гражданской войны.

В 1927 г. уральским Истпартом был издан трехтомный сборник документов «Рабочее движение в годы войны», в первом томе которого имеется подборка документов об использовании «желтого труда», а во введении, написанном А. П. Таняевым, содержится раздел, посвященный тяжелому социально-экономическому положению китайских рабочих на Урале: «Им не платили жалования, ограничиваясь выдачей продуктов, и при том в гораздо меньшем размере, чем это было обусловлено контрактами; а если платили, то размер и срок выплаты заработка устанавливались самые произвольные, ограничиваясь иногда выдачей 3-5 рублей за несколько месяцев; за каждую жалобу и недовольство своим положением или желание оставить работу они подвергались телесному наказанию. Не удивительно, что не было ни одного завода, рудника или шахты, чтобы китайские рабочие, выведенные из терпения этой бесчеловечной эксплуатацией, не бросали работы, что вело обычно к вооруженным столкновениям с полицией и стражниками, избиением китайцев и насильственным принуждением их встать снова на работу» [20, с. 14–15]. Эта характеристика вполне соответствовала тезису о двойном гнете нерусских народов в царской России и в различных вариациях была повторена в ряде работ [16; 17]. Но она противоречила нормативно-правовой базе пребывания китайских рабочих в России: законам, обязательным постановлениям местных властей, договорам руководителей предприятий с подрядчиками. Ключевой идеей нормативной документации касательно социально-правового положения китайцев было то, что они должны иметь «одинаковые условия, как для русских рабочих» [6, ф. 45, оп. 1, д. 274, л. 2–4об.]. Детально условия труда и быта рабочих прописывались в договорах, которые заключались администрацией предприятий с подрядчиками, бравшими на себя поставку и организацию работы китайских рабочих. Социальное положение китайцев определялось нормами Российского права. 30 июля и 3 ноября 1915 г. Советом Министров были изданы постановления, предусматривающие паспортные льготы китайцам и корейцам, привлекаемым на работы в России. Постановлением от 15 марта 1916 г. были детально прописаны условия найма и перевозки китайских рабочих [14, ф. 37, оп. 73а, д. 301, л. 142–144]. Специально для промышленности Урала пермским губернатором М. А. Лозина-Лозинским были изданы «Обязательные постановления» (26 октября 1915 г. [6, ф. 645, оп. 4, д. 333, л. 40], 10 декабря 1915 г. [6, ф. 45, оп. 1, д. 252, л. 1] и 1 мая 1916 г. [6, ф. 45, оп. 1, д. 252, л. 1; 5, ф. 65, оп. 1, д. 151, л. 2]), дополненные секретной «Краткой инструкцией о порядке содержания под стражею и вывода на работы иностранцев» [6, ф. 621, оп. 1, д. 288, л. 131–131об.].

По этим документам на китайцев, корейцев и персов распространялись те же права и обязанности, что и на местных российских рабочих. Более детально условия труда и прожи-

вания китайских рабочих были расписаны в договорах, заключавшихся администрацией заводов с подрядчиками.

Чтобы разрешить противоречие между историографической традицией и формальными условиями труда, необходимо обратиться к делопроизводственной документации. Следует отметить, что систематического мониторинга социального положения китайцев не проводилось. Сведения по данному вопросу в основном отражены в переписке, вызванной какой-либо конфликтной ситуацией. Такие ситуации не были большой редкостью. Благодаря различным ограничениям, введенным в связи с военным временем, (запрету требовать внести изменения в контракт, запрету переходить на другое предприятие, запрету на самовольные отлучки с предприятия и т. д.), китайцы фактически были прикреплены к одному предприятию на срок действия контракта. Это создавало возможности для нарушения их прав, как со стороны администрации, так и со стороны подрядчиков.

Наиболее информативными являются документы комиссии, обследовавшей условия проживания и труда китайских рабочих на Кизеловских угольных коях в ноябре 1916 г. Эта комиссия была создана из-за того, что месяцем ранее вид крайне истощенных, возвращавшихся на родину рабочих вызвал международный скандал. Китайские власти стали препятствовать вербовке новых рабочих для работы в России. Очевидно, что негласной целью комиссии было предоставление таких сведений, которые могли успокоить и российские, и китайские власти. Поэтому при всей внешней объективности и взвешенности оценок комиссии в предвзятости ее членов сомневаться все же не приходится.

Квалификация и дисциплина рабочих. В основном труд китайских рабочих применялся на физически тяжелой работе, не требующей высокой квалификации: на лесозаготовках и на добыче руд и каменного угля, но на некоторых предприятиях использовались высококвалифицированные специалисты (например, на Надеждинском заводе китайские токари занимались обточкой артиллерийских снарядов). Несмотря на то что производительность китайцев была вдвое меньше, чем у русского рабочего, применение их труда помогло частично решить проблему энергетического кризиса в регионе. На Кизеловских коях размеры добычи угля оставались на довоенном уровне.

Весьма серьезной проблемой для администраций предприятий оказалась крайне низкая квалификация большинства китайцев, весьма слабая трудовая дисциплина, склонность к симуляциям. При этом китайцы в конфликтных ситуациях проявили себя как сплоченная и хорошо организованная масса, которая не боялась российских тюрем и других репрессий со стороны властей.

Заводууправления, как правило, заключали с подрядчиками контракт на поставку рабочих определенной квалификации и имеющих опыт работы по профилю. Например, по договору, заключенному в июле 1915 г. Конторой Кизеловского горного округа с фирмой Д. Е. Дризина, фирма брала на себя обязательство поставить на угольные копи округа 3000 рабочих. Из них 2250 (75 %) должны были быть знакомы с добычей минерального сырья, в их числе две трети должны были быть забойщиками и одна треть – катальями [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 116]. В договоре управляющего Нижнетагильским и Луньевским округами Б. А. Рулева с подрядчиком Хо-Го-Жуном были прописаны аналогичные требования к квалификации рабочих: «Рабочие должны быть хорошо знакомы с заготовкой дров и рубкой леса, не моложе 20 лет и не старше 40 лет, вполне здоровые и работоспособные» [6, ф. 643, оп. 4, д. 333, л. 46].

Однако подрядчики нередко не выполняли своих обязательств и на предприятия прибывали люди, которые не только не обладали должным опытом, но и не имели ни малейшего представления о тех работах, которые им предстояло выполнять. Так, Нижнеуфалейский завод выписал через фирму Д. Е. Дризина 230 дроворубов, доставлены же были углекопы [5, ф. 65, оп. 5, д. 151, л. 69]. В первой партии китайцев, завербованных фирмой Д. Е. Дризина для Кизеловских угольных копей, вместо трех четвертей горнорабочими оказалась только половина [5, ф. 65, оп. 5, д. 154, л. 14–15]. А остальные прибывшие под видом горнорабочих, по словам окружного инженера Чердынского горного округа Н. П. Блументаля, представляли собой «всякий сброд в виде цирюльников, фокусников, цветочников и прочих типичных представителей китайского пролетариата, никогда в шахтах не работавшего» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 38].

Аналогичная картина наблюдалась и на предприятиях Екатеринбургского уезда. Екатеринбургский уездный исправник писал пермскому губернатору о нанятых Кыштымским горным округом китайцах следующее: «Заводами заключены договоры с фирмой Д. Е. Дризина на доставку рабочих известных специальностей, слесарей и дроворубов, большинство же ока-

зались сбродом, не имеющим понятия о назначаемой им работе; в слесари присланы такие, которые никогда не видели слесарного станка, а дроворубами – не имеющие понятия об обращении с пилой и подходом к дереву» [5, ф. 65, оп. 3, д. 595, л. 34–35]. Многие китайцы категорически отказывались работать на воздухе – рубить дрова и выполнять земляные работы [5, ф. 65, оп. 3, д. 595, л. 42–42об.].

Свидетельства официальных лиц подтверждаются данными статистики. Так, на 1 февраля 1917 г., когда система вербовки китайских рабочих уже была отлажена, на Надеждинском заводе на основных, горнозаводских работах, требовавших достаточно высокой квалификации, был занят 61 % русских рабочих, 54 % военнопленных и только 27 % китайцев. На вспомогательных работах (транспортировка, обеспечение рудой и топливом) были, соответственно, 39 % русских, 46 % военнопленных и 73 % китайцев.

Таблица 1

Распределение рабочей силы по основным цехам Надеждинского завода*

Цехи	Русские		Военнопленные		Китайцы	
	горнозаводские	вспомогательные	горнозаводские	вспомогательные	горнозаводские	вспомогательные
Доменный	415	139	190	163	–	–
Мартеновский	378	215	183	59	85	65
Механический	424	218	114	226	–	12
Крупносортный	625	165	167	47	–	72
Снарядный	630	868	60	104	96	325

* Буранов Ю. А. Положение и состав рабочих Надеждинского завода в годы Первой мировой войны (к Февральской революции 1917 г.) // Из истории заводов и фабрик Урала : сборник статей. Вып. II. Материалы к истории рабочего класса Урала. Свердловск, 1963. С. 168.

Многие из вновь прибывших имели весьма смутные представления о трудовой дисциплине. Прогулы, симуляции болезней, побеги с предприятий были в их среде нормой. В Белорецком округе более двух месяцев не могли организовать работу китайцев [5, ф. 65, оп. 5, д. 167, л. 8–38]. В декабре 1915 – январе 1916 гг. из 251 китайцев в среднем ежедневно на работу выходил только 121 рабочий. Попытки организовать рабочих при помощи традиционных репрессивных средств (угроза тюрьмы), как правило, не давала никакого эффекта. Чаще получалось «обратное действие», «так как китайцы при водворении их в тюрьмы нашли их настолько хорошо обставленными, что старались поставить себя в такие условия, чтобы их вновь подвергли тюремному заключению» [5, ф. 65, оп. 3, д. 595, л. 42]. Поэтому в качестве меры принуждения китайцев к труду в Кизеловском и Богословском округах использовалась запрещенная порка нагайками. По словам служащего Нижнетагильского округа Мишина, наблюдавшего за работой китайцев в Кизеловском округе, китайцы-переводчики утверждали, что некоторые ленивые китайцы нуждались «в порке, как куске хлеба» [6, ф. 643, оп. 1, д. 333, л. 29об.]. Серьезная проблема для властей возникла из-за китайцев, прибывавших на заработки по чужим паспортам. Уже в сентябре 1915 г. полицией было установлено, что лица на фотографиях в паспортах «не всегда похожи» на лица владельцев паспортов [5, ф. 65, оп. 5, д. 152, л. 35].

Очевидно, что в низкой квалификации завербованных рабочих были ответственны, в первую очередь, подрядчики. А. И. Габеев, бывший драгоман при Управлении Китайско-Восточной железной дороги, так описывал деятельность подрядчиков в Китае: «Вновь открывшиеся в Харбине и других местах Маньчжурии частные конторы <...> набор рабочих <...> производят по линии Китайско-Восточной железной дороги и в окружающих, ее местах, <...> они вербуют всех попавших под руку бродячих китайцев, из которых добрая половина окажется не только ни на что путное не способной, но еще выделит из себя выходцев весьма вредных и опасных, как для остальных рабочих, так и для тех мест, где они окажутся» [14, ф. 48, оп. 1, д. 145, л. 6–7об.].

Наибольшие нарекания и заводчиков, и властей вызывала фирма Д. Е. Дризина, не обладавшая ни опытом вербовки рабочих, ни знанием рынка труда в Китае, но развернувшая при этом самую бурную деятельность. Некомпетентность ее представителей, а иногда и явное мошенничество, отмечалась на всех предприятиях, куда фирма поставляла рабочих-китайцев. Попытки привлечь подрядчиков к ответственности не давали желаемого результа-

та. Например, во время конфликта на Белорецких заводах представители фирмы Д. Е. Дризи-на, Н. Л. Каплан и М. Б. Дененбург скрылись. Первый был мобилизован в армию, второй – уехал в Китай [5, ф. 65, оп. 5, д. 167, л. 38].

Следствием низкой квалификации, усугублявшейся слабым представлением китайцев о трудовой дисциплине, был низкий уровень производительности труда. В среднем производительность труда китайцев составляла не более 40 % обычной выработки русского рабочего. Она в большей мере соответствовала производительности труда военнопленных и каторжан, работавших исключительно по принуждению. Низкая производительность труда китайцев не могла не отразиться и на их заработках, и на отношении к ним нанимателей, которые, не желая терпеть убытки, старались свести к минимуму выполнение своих обязательств перед рабочими (бесплатное жилье, топливо, освещение, еда, медицинское обслуживание и т. д.).

В завершение сюжета о квалификации китайских рабочих и их дисциплинированности приведем данные о динамике рабочих в Кизеловском горном округе на конец 1916 г. Из 6692 китайцев, завербованных в июле 1915 – ноябре 1916 гг., для работы на Кизеловских копиях:

1361 человек (20,3 %) сбежал из поезда по дороге на Урал;

603 (9,0 %) – были отправлены обратно в Китай из-за непригодности к работе по состоянию здоровья (ревматизм, цинга, чахотка, глазные болезни, слепота, порок сердца, сифилис, худосочие, малокровие);

142 (2,1 %) – были отправлены на родину за активное участия в «бунтах»;

1618 (24,2 %) – сбежали из округа (часть бежавших была поймана и водворена на место работы);

38 (0,6 %) – умерло в Кизеловском округе;

319 (4,8 %) – уехали осенью 1916 г. по окончании срока договора.

Таким образом, к началу 1917 г. на предприятиях округа оставалось 2611 (39,0 %) рабочих.

Однако картина была бы не полной, если бы мы не обратились к тем положительным качествам китайских рабочих, которые отмечались работодателями.

Во-первых, они были настроены нейтрально по отношению к России и уже поэтому были лучше военнопленных. Как отмечал управляющий Кизеловского округа горный инженер В. Н. Грамматчиков, «пленные же кроме плохой – может быть, умышленно – работы, представляют, <...> опасность для копей, ибо один фанатик может устроить пожар копи, несмотря на все принимаемые меры» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 48].

Во-вторых, китайцы работали круглый год практически без выходных и летом в период сенокоса. Местное горнозаводское население в июле уходило в «отпуск», чтобы заготовить сено, вследствие чего производство резко сокращалось, а некоторые предприятия полностью останавливали работу.

В-третьих, в условиях острого дефицита рабочей силы заводчикам выбирать не приходилось. Особенно если учесть, что труд китайских рабочих в основном использовался в горнодобывающем производстве и на лесозаготовках. Данная работа на Урале всегда считалась самой тяжелой, наименее оплачиваемой. Поэтому еще до начала Первой мировой войны, задолго до начала массовых мобилизаций эти производства испытывали дефицит рабочих рук [7, с. 78–81]. Например, на Саткинском заводе для того, чтобы обеспечить предприятие топливом, администрация допускала к снарядоотделочным работам в цехе только тех рабочих, которые выполнили норму вырубki дров.

И, наконец, в-четвертых, граждане Китайской Республики, экономика которой была охвачена сильнейшей безработицей, являлись очень дешевой рабочей силой. Благодаря языковому барьеру и неграмотности, их обманывали и заводчики, и подрядчики, и свои же «старшинки», и переводчики. Более того, низкооплачиваемыми китайцами можно было шантажировать местных рабочих, требовавших увеличения заработков, «полегчавших» из-за инфляции как минимум в три раза за время войны [15, с. 15; 7, с. 109]. Как бы ни жаловались заводчики на высокие издержки, связанные с доставкой китайцев и выполнением различных формальностей, ни одно крупное хозяйство до конца 1917 г. не желало добровольно отказываться от применения их труда. Очевидно, что только одно это качество перекрывало все названные и неназванные недостатки китайских рабочих.

Условия труда. Рабочий год должен был длиться 350 дней. Китайским рабочим в год предоставлялось 15 выходных – пять обязательных нерабочих русских праздничных дней и не более десяти дней китайских праздников [6, ф. 643, оп. 4, д. 333, л. 34об., 46об.; 5, ф. 65, оп. 3,

д. 595, л. 50]. Рабочий год русского рабочего в довоенный период был значительно меньше. В начале XX в. средняя продолжительность рабочего периода в фабрично-заводской промышленности Европейской России составляла 287 дней, а в горнозаводской промышленности Урала – 214 дней [3, с. 177; 9, с. 73]. Правда на Кизеловских коях, столкнувшись с крайне низкой дисциплиной рабочих, администрация при заключении контракта с подрядчиками Крыловым и Ти-Ю-Сином сократила количество обязательных рабочих дней в году до 300 (по 25 – в месяц) [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 119].

Рабочий день длился 10,5 часа, плюс время на обед [6, ф. 45, оп. 1, д. 274, л. 2об.; ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 116об.]. То есть в год китаец должен был отработать 3570 часов, что в среднем на 1000 часов превышало продолжительность рабочего года на вспомогательных производствах горных заводов Урала в конце XIX – начале XX вв. [3, с. 177]. При этом условия труда на лесозаготовках и в шахтах были крайне тяжелыми. «Условия труда на уральских шахтах, нелегкие сами по себе, усугублялись большим притоком в выработки грунтовых вод. В Кизеловско-Губахинском районе угольные пласты залегают в карстовых известняках, так что работать нередко приходилось по колено в воде. Осенью и зимой, просачиваясь с поверхности почвы, она была очень холодной. Поэтому, кроме традиционных профессиональных заболеваний, местные шахтеры страдали от ревматизма и туберкулеза» [3, с. 174]. «Куренные рабочие, бесспорно, подвергались меньшей опасности, чем шахтеры или люди, соприкасавшиеся с горячим металлом. Однако условия труда в лесу, где все делалось вручную, были также нелегкими. Летом заготовителей топлива одолевал гнус, зимой они работали на морозе, по колено в снегу. Сплавщикам дров в период весеннего половодья приходилось подолгу находиться в холодной воде» [7, с. 111–112].

В начале 1916 г. вице-губернатор Пермской губернии Н. Н. Максимов изучил условия жизни китайцев на горных заводах Екатеринбургского уезда. Среди замеченных им нарушений наиболее распространенными являлись: отсутствие перевода условий работ и расценок с русского на китайский язык, нехватка переводчиков, стражи для охраны рабочих на случай побега, отсутствие помещений, приспособленных для содержания арестованных рабочих, отсутствие у некоторых рабочих паспорта [5, ф. 65, оп. 5, д. 151, л. 68–70об.].

Заработная плата. Сведения о реальной зарплате и рабочие, и администрация по разным причинам стремились скрыть от официальных лиц [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 54–54об.]. Представление о величине денежного заработка дает счет рабочего углекопа Ин-Тао-Тхина, умершего в апреле 1916 г. от гангрены на каменноугольных коях Кыштымских горных заводов.

С сентября 1915 г. по конец марта 1916 г. он работал с ежедневной оплатой по 70 коп. Всего им было заработано 75 руб. 54 коп. Удержано за прокорм в прогульные дни по 30 коп. в день – 20 руб. 10 коп. (получается, что он из 175 дней отработал 108 и прогулял 67 дней). Кассой было выдано на руки 22 руб. 75 коп. Вычеты за одежду и обувь составили 24 руб. 18 коп. Всего было выдано 67 руб. 03 коп. Оставалось к выдаче на руки из заработанного 3 руб. 00 коп. и 30 руб., удержанных в качестве обеспечения при приеме на работу. За вычетом долга конторе – 24 руб. 49 коп. – осталось 8 руб. 51 коп. Из этой суммы 70 коп. было выдано старшинке китайцев Чан-Зы-Сян на поминование, а остальные 7 руб. 81 коп. отосланы семье в город Анпинзян – жене и двум сыновьям [4, ф. 10, оп. 1, д. 407а, л. 728–729].

Низкие расценки за труд китайцев были вызваны также и явной дискриминацией иностранцев со стороны местной администрации. Так, Н. Л. Каплан обращал внимание на то, что в лесничествах Верх-Исетского, Сергинско-Уфалейского и Кыштымского горных округов китайским рабочим платили по 3-4 руб. за кубическую сажень дров, в то время как частные лесопромышленные предприятия и казенные лесничества своим рабочим платили не менее 5 руб. [5, ф. 65, оп. 3, д. 595, л. 40–41об.].

Широкое распространение получили различные вычеты из зарплаты. Из зарплаты китайцев создавался страховой фонд на случай побега или ухода рабочего на другое предприятие. После завершения контракта эти деньги, правда, уже обесцененные инфляцией, рабочему возвращались. На эти цели ежемесячно в течение полугода высчитывалось по 5 руб., что должно было составлять для рабочих на Кизеловских коях 28,7 % заработка «поверхностного» и 24,6 % «подземного» рабочего [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 116–117]. Дневной заработок наземного рабочего составлял 60 коп., рабочего, работающего под землей, – 70 коп. При 29-дневном рабочем месяце (365 минус 15 выходных) первый мог заработать 17,4 руб., второй – 20,3 руб. Следует, однако, отметить, что после ряда выступлений китайских рабочих их заработок был увеличен, а с ноября 1916 г. они стали получать наравне с русскими рабочими

[6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 118–121]. На рудниках из зарплаты китайцев высчитывали стоимость свечей и взрывчатки, рыночные цены на которые во время войны резко возросли. В Кизеловском, Богословском, Нижнетагильском горных округах (обычно в связи с переходом на сдельную оплату труда) прекращалось бесплатное снабжение рабочих продовольствием [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 60–61]. За малейшие провинности рабочих штрафовали [6, ф. 45, оп. 1, д. 297, л. 16–17].

Китайцам изначально предлагались более низкие расценки, и те, очевидно, не зная цен в России, на них соглашались. Например, в декабре Уральский областной военно-промышленный комитет предлагал заводчикам услуги финских «пильщиков». За одну складочную сажень не колотых на дрова поленьев длиной в 33 вершка (147 см) профсоюз финских лесорубов просил 4 руб. [6, ф. 643, оп. 4, д. 333, л. 43–43об.] В апреле 1916 г. китайский подрядчик Хо-Го-Жун договорился с управлением Нижнетагильского и Луньевского горных округов о поставке китайских лесорубов. За одну складочную сажень округ соглашался платить по 2 руб. 70 коп. Причем дрова должны быть распилены «строго длиной» 1,5 аршина (106,5 см) и расколоты, и складочная сажень для китайцев «при, безусловно, плотной кладке» была больше, чем для финнов. В месяц китаец должен был вырубать не менее 7 сажень. То есть его месячный заработок составлял 18,9 руб., а дневной – около 63 коп. [6, ф. 643, оп. 4, д. 333, л. 47]. Китайцы были «заподряжены» на 2 года. За этот срок китаец должен был заготовить 168 сажень колотых дров. Финны подряжались на вырубку не более 50 сажень на каждого. Таким образом, один китаец за 400 руб. соглашался вырубать в три раза больше дров! Понятно, почему уральские заводчики ни разу не обратились к услугам финнов, а китайские рабочие прибывали на Урал вплоть до октября 1917 г.

Нередко в среде китайцев, разобравшихся в уровне цен в России, начинались волнения с требованием повысить оплату труда. Например, уже в августе 1915 г., сразу по прибытии первой партии китайских рабочих в Кизеловский округ, они начали забастовку. «Находя по-денную плату 60-70 коп., при готовом содержании, низкой», рабочие потребовали увеличить оплату до 1 руб. 10 коп. [5, ф. 65, оп. 3, д. 593, л. 11–11об.] Однако, как правило, рабочим не удавалось добиться удовлетворения своих требований. По нормативным документам они не имели права требовать изменения условий найма в течение всего срока действия контракта, и поэтому официальные власти, несмотря на то что некоторые ее представители выражали сочувствие рабочим, поддерживали заводчиков.

Если учесть, что за годы войны цены на продукты питания и товары массового спроса выросли в 4-6 раз, а расценки на основные виды работ по рубке дров, выжигу и транспортировке угля для русских рабочих увеличились в 1,5-2,5 раза [7, с. 108.], то следует признать, что труд китайских рабочих обходился уральским промышленникам очень дешево.

Жилищные условия. Основным показателем условий проживания в начале XX в. являлась кубатура воздуха в помещении на одного человека в кубических сажнях (куб. саж.). В материалах комиссии, обследовавшей условия труда на Кизеловских угольных копях в ноябре 1916 г., содержатся данные о жилищных условиях рабочих. Сводные данные приведены в таблице 2.

Таблица 2

Жилищные условия на Кизеловских угольных копях*

Копи	Жилья на одного человека (куб. саж.)				
	Русские и татары	Китайцы	Киргизы	Пленные	Итого
Половинка	1,27	0,83	0,47	0,71	1,18
Верхняя Губаха	1,33	0,69	–	0,50	0,97
Нижняя Губаха	1,45	0,54	–	–	1,20
Княжеская	1,14	0,68	–	0,79	1,00
Княгининская	1,02	0,82	–	0,41	0,87
Коршуновская	1,29	0,61	–	0,58	0,90
Всего по копям:	1,33	0,71	0,47	0,59	0,97

* ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 78–79об.

Материалы таблицы показывают, что в среднем на одного китайского рабочего приходилось почти в два раза меньше воздуха в жилом бараке или казарме, чем на русского рабочего; но в полтора раза больше, чем на киргиза (казаха), и в 1,2 раза больше, чем на военно-

пленного. То есть жилищные условия китайцев были ближе к военнопленным, чем к русским рабочим, а на Княжеской копи были даже хуже, чем у военнопленных. Интересно отметить, что обеспеченность жильем находилась в прямой зависимости от производительности труда рабочих. Китаец-рабочий вырабатывал каменного угля в два раза меньше, чем русский, но больше, чем военнопленный или рабочий, завербованный в Средней Азии.

Следует, однако, учесть, что примерно половина русских рабочих проживала в этих помещениях вместе со своими семьями. Китайцы, киргизы и военнопленные по понятным причинам были бесхозяйными рабочими. По действовавшим еще с довоенного времени правилам один рабочий без семьи должен был быть обеспечен жильем с объемом воздуха не менее 1,5 куб. саж.; на семью из четырех человек должно было приходиться не менее 3 куб. саж.

Таким образом, при общем количестве русских рабочих 4835 человек и общей площади их жилья 6421,09 куб. саж. на одного русского холостого рабочего приходилось: $(6421,09/3) / (4835/2) \approx 0,9$ куб. саж.

То есть условия проживания русских рабочих оказывались не многим лучше, чем остальных групп рабочих. В целом ни у одной группы рабочих жилищные условия не соответствовали требованиям. Как объясняла администрация Кизеловского округа, «скученность рабочего населения на копиях <...> неизбежна, <...> так как в противном случае соблюдение установленных норм требовало бы не увеличения, а сокращения добычи угля, что противоречит в высшей степени серьезным требованиям, предъявляемым военным временем» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 43]. Следует отметить, что и в довоенное время соблюдение норм обеспечения жильем рабочих на Урале и в целом по России было скорее исключением, чем нормой. Если коренное горнозаводское население, имевшее собственные дома, было обеспечено жильем сравнительно неплохо, то относительно рабочих приисков и рудников утверждать этого нельзя. Например, в 1881 г. в среднем на одного жителя поселков горных заводов Екатеринбургского уезда (Невьянского, Петрокаменского, Верхнетагильского, Быньговского, Шуралинского, Рудянского и Верх-Нейвинского) приходилось 1,68 куб. саж. воздуха в жилых помещениях. В 1891 г. на золотых приисках в Серебрянской даче на одного человека приходилось 0,33 куб. саж.; в 1882 г. на Чернушкинском руднике Кыштымского завода – 0,45 куб. саж. [3, с. 275, 281]. В 1908 г. на одного рабочего-текстильщика в Петербурге приходилось от 0,84 до 0,97 куб. саж., на рабочего кожевенного производства в Нижнем Новгороде в 1901 г. – от 0,3 до 0,5 куб. саж. [9, с. 244].

Касательно китайцев, обеспечение их жильем осложнялось их внутренней жесткой стратификацией. Например, китайцы-плотники не желали жить вместе с горнорабочими [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 43].

Питание. Помимо зарплаты, рабочие бесплатно получали продовольствие из расчета в месяц на человека: 1 пуд 20 фунтов – 1 пуд 30 фунтов (24,57–28,66 кг) муки крупчатки 2-го сорта, 6 фунтов (2,5 кг) постного масла, 8 фунтов (3,28 кг) соленой рыбы, 2 фунта (0,8 кг) соли, 8 фунтов (3,28 кг) проса или пшена, морской капусты 8 фунтов (3,28 кг) или обыкновенной капусты 1 пуд (16,36 кг), разных приправ на 80 коп. [6, ф. 45, оп. 1, д. 274, л. 2–4об.]. Рацион рабочих был достаточно стандартным. Ниже для наглядности в таблице 3 сведены условия обеспечения продовольствием китайских рабочих на предприятиях трех округов: Богословского, Нижнетагильского и Кизеловского.

Таблица 3

Месячные нормы обеспечения китайских рабочих провиантом по договорам, заключенным между подрядчиками и администрацией предприятий*

	Округ		
	Богословский	Нижнетагильский	Кизеловский
Мука крупчатка 2-го сорта (фунт)	70	–	60
или 3-го сорта (фунт)	100	100	–
Масло постное (фунт)	6	6	6
Соленая рыба (фунт)	8	8	8
Пшено (фунт)	8	8	8
Капуста или картофель (фунт)	20	20	40
Соль (фунт)	2	2	2
Приправы (копейки)	80	80	80

*ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 274. Л. 2; Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 116; Ф. 643. Оп. 4. Д. 333. Л. 46–48.

Сравнение условий обеспечения продовольствием китайских рабочих с рационом русских рабочих (см. табл. 4) показывает, что питание китайцев формально было примерно таким же, как и у русских, и по качеству пищи, и по калорийности. Пища была насыщена углеводами при почти полном отсутствии белков животного происхождения. Основу рациона составлял черный хлеб, который давал более 70 % энергетической ценности всего питания. Энергетическая ценность дневного рациона рабочего Каменского завода составляла 4681,8 Ккал, рабочего-рудокопа медеплавильного завода – 4470,9 Ккал, китайского рабочего в Богословском округе – 4817 (при снабжении мукой 3-го сорта) или 3688,8 (при снабжении мукой 2-го сорта) [6, ф. 45, оп. 1, д. 274, л. 2; 3, с. 246, 250].

В то же время питание китайцев качественно было значительно хуже питания военнопленных, социальное положение которых защищалось не только российским законодательством, но и международной Гаагской конвенцией 1907 года. Пленным полагался паек по рациону нижних чинов русской армии. При примерно таком же количестве печеного хлеба военнопленный ежедневно получал щи или суп с 0,25 фунта (102 г) мяса, 0,43 золотника (1,8 г) чая, 6 золотников (25,6 г) сахара [19, с. 107].

Таблица 4

Дневной рацион рабочих уральских предприятий (граммы)*

Составляющие рациона	Рабочего-китайца на Богословских заводах, 1916 г.	Рабочего Каменского завода, середина 1880-х гг.	Рудокопа медеплавильного завода Пермской губернии, начало 1880-х гг.
Черный хлеб из муки 2-го сорта	1385,4	1414,1	1983,2
Черный хлеб из муки 3-го сорта	1979,2	–	–
Масло постное	81,9	4,3	2,6
Соленая рыба	109,2	58,5	–
Крупа	109,2	136,5	53,5**
Капуста	273,0	53,8	71,1
Картофель	273,0	269,3	748
Соль	27,3	26,8	32

*Подсчитано по: ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 274. Л. 2; *Гаврилов Д. В.* Рабочие Урала в период доомонополистического капитализма. 1861–1900. Численность, состав, положение. М., 1985. С. 246, 250.

**Горох.

Формально по договорам свой весьма однообразный паек китайские рабочие должны были получать бесплатно за счет нанявших их заводчиков. Однако, столкнувшись с неожиданно низкой производительностью рабочих, администрации предприятий стремились заменить бесплатное снабжение продажей продовольствия китайцам, что не могло не отразиться на их заработках и качестве питания [6, ф. 45, оп. 1, д. 252, л. 12]. Во время войны «вздорожание продуктов питания на 300-400 % обрекало рабочих на голодное существование» [11, с. 211].

Кроме того, следует учесть, что китайцы были не адаптированы к новым для них пищевым продуктам, что вызывало в их среде вспышки цинги. В качестве средства борьбы с цингой окружной инженер Н. П. Блументаль предлагал разнообразить рацион рабочих капустой, перцем, луком, «а также давать внутрь, как лекарство, раствор соляной кислоты» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 100–100об.]. Следует отметить, что данная проблема была в целом характерна для китайских рабочих в России. Например, цинга у рабочих, занятых на строительстве Мурманской железной дороги, была распространена очень широко [13, с. 637]. Чтобы предотвратить возникновение цинги, заводоуправления стали выписывать из Китая более привычные для рабочих продукты питания: сушеную рыбу, перец, лук, чеснок, сою [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 54–54об.].

Но даже непривычными продуктами рабочие снабжались весьма нерегулярно. Расстройство транспорта затрудняло доставку хлеба на заводы. Под продовольственные грузы для Урала ежедневно назначалось 75 вагонов, подавалось же их не более 50, и то нерегулярно [11, с. 214]. Как следствие, из-за перебоев с поставкой продовольствия вспыхивали голодные бунты [13, с. 632].

В самой среде китайских рабочих обеспечение имело свои особенности. На тех предприятиях, где распределение продуктов среди китайских рабочих не контролировалось местной администрацией, некоторые, по-видимому, более привилегированные артели получали значительно больше продуктов. Данная несправедливость объяснялась тем, что эти артели привыкли «лучше кушать» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 103–103об.].

Здоровье. По действовавшим правилам медицинскую помощь китайцы должны были получать бесплатно. Кроме того, рабочим, проработавшим не менее шести месяцев и потерявшим трудоспособность в результате травмы, предприятие обеспечивало бесплатный проезд на родину и провиант на всю дорогу.

В среде китайских рабочих проблема здоровья была весьма острой несмотря на то, что они еще в Китае проходили обязательный медицинский осмотр. Примерно каждый десятый из прибывших на Кизеловские копи не был допущен к работам по состоянию здоровья. Администрация округа была вынуждена их сразу отправить обратно на родину.

Оставшиеся китайцы обращались за медицинской помощью в два раза чаще, чем рабочие из других групп (русские, татары, казахи, военнопленные) – на долю китайцев приходилось 26,6 % рабочих (2464 из 9237). В течение десяти месяцев 1916 г. лечилось 1043 рабочих, из них китайцев – 579 (55,5 %).

Основные заболевания китайцев – травмы (23,1 %), нарывы, фурункулы (11,2 %), воспаление дыхательных путей (10,4 %), грипп и другие инфекции (10,4 %), болезни глаз (7,6 %), «болезни кишок» (7,4 %) [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 47]. Высокая подверженность различным болезням объяснялась местными властями рядом причин.

Во-первых, «непривычка» к климату.

Во-вторых, «неосторожность» китайцев: «Нередко вспотевший, разгоряченный китаец идет, распахнувшись зимой против ветра, и смеется, когда ему указывают запахнуться».

В-третьих, изменившееся питание. Китайцы не получали традиционных продуктов: напитка ханьшина или сули (маньчжурской водки) и острых приправ. Кроме того, китайцы, по заявлениям местных властей, были «весьма неразборчивы и неопрятны в пище (едят сырые грибы, травы)».

В-четвертых, «детски легкомысленное отношение» к работе было причиной высокого уровня травматизма.

В-пятых, преднамеренные травмы: «всыпание в глаза золы, песку, нюхательного табаку, мелу и пр.; повреждение полового члена перетяжкой ниткой, вталкивание в крайнюю плоть инородных тел: ниток, бумаги, ваты» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 38], вызванные желанием «не работать, а быть на больничном содержании».

В-шестых, нечистоплотность, «которая чрезвычайно осложняет все поранения, мозоли и нарывы, а так как очень часто китайцы не обращаются своевременно к помощи, то нередки случаи заражения крови со смертельным исходом» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 38]. «Свое знаменитое, национальное неряшество китайцы сюда доставили целиком и до ужаса поражают даже наших, невзыскательных приисковых рабочих» [12].

Отношение к больным часто также не соответствовало элементарным требованиям. Окружной инженер Чердынского округа Н. П. Блументаль в своем письме управляющему Кизеловским округом В. Н. Граматчикову писал: «Перевозка на лошадях увечных, требующих серьезных хирургических операций рабочих, из Губахи и Половинки в Кизеловскую больницу не только не отвечает нормальным требованиям постановки медицинской части в больших предприятиях, но и противоречит понятиям простой человечности» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 104]. Возможно, что чувство пережитой несправедливости предопределил во время Гражданской войны в России выбор китайцев.

Рабочий, утративший трудоспособность и проработавший не менее шести месяцев, получал бесплатный обратный проезд до станции Манчжурия и шесть рублей на пропитание.

Слабая обеспеченность предприятий медицинским персоналом, языковой барьер стимулировали в среде рабочих практику лечения средствами китайской традиционной медицины. Эффективность этих методов, по мнению врачей, была весьма сомнительна. Например, во время изучения комиссией условий труда китайских рабочих на Кизеловских копиях в ноябре 1916 г. «в одной из казарм <...> усмотрен был больной глазами китаец, при чем из расспросов через переводчика выяснилось, что он только один раз показался и был на приеме у доктора; больше он на прием не приходил, очевидно, предпочитая лечиться собственными “домашними” средствами, несмотря на то что в результате применения таковых средств нередко китайцев постигает полная слепота на оба глаза» [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 38].

Рассмотренный материал дает основание сделать следующий вывод. Условия труда и быта рабочих, нанятых в Китае для уральских предприятий, были в целом хуже, чем у их российских коллег. Они примерно соответствовали тем условиям, в которых находились военнопленные. Этот вывод ближе к историографической традиции, чем к букве закона. То, что

большинство китайских рабочих после истечения срока контракта оставались на предприятии, вовсе не означает, что им были обеспечены приличные условия жизни. Очевидно, что на родине их ожидали еще менее радостные перспективы. В то же время следует отметить, что материально-бытовое обеспечение рабочих находилось в прямой зависимости от производительности их труда – предприниматели не желали заниматься благотворительностью.

Однако все права китайцев могли быть нарушены администрацией благодаря ограничениям военного времени – запрету требовать внести изменения в контракт, запрету на переход на другое предприятие и запрету на самовольные отлучки с предприятия. Фактически китайские рабочие оказывались привязанными к одному предприятию на весь срок действия контракта. Это давало большие возможности для их притеснения со стороны как подрядчиков, так и администрации предприятий.

В результате на предприятиях к гражданам из нейтрального Китая часто складывалось отношение хуже, чем к военнопленным, за соблюдением прав которых следил международный Красный Крест.

Плохое отношение к китайцам на Кизеловских угольных коях спровоцировало международный скандал осенью 1916 г. Вид истощенных, больных цингой, плохо одетых рабочих-китайцев, возвращавшихся на родину, вызвал волнение во встречных эшелонах вновь завербованных китайцев и озабоченность китайского правительства, которое стало препятствовать работе подрядчиков [6, ф. 111, оп. 1, д. 254, л. 56].

Такое отношение к китайским рабочим часто приводило к конфликтным ситуациям. Особенно сложной была ситуация на Кизеловских угольных коях, где социальный протест в самых различных формах – от забастовок и прямого насилия над «старшинками» (представителями администрации из числа китайцев), до побегов и симуляций болезни – были обычным явлением [5, ф. 65, оп. 5, д. 151, л. 44-97; д. 152, л. 61-62об.; д. 154, л. 23-54]. К лету 1916 г. из 6,5 тыс. вывезенных из Китая рабочих на Кизеловских коях работало 3,5 тыс. человек, 195 человек было выслано на родину по болезни и за участие в забастовках, а остальные – почти 3 тыс. человек – бежали [6, ф. 73, оп. 1, д. 388, л. 33, 35-35об.].

Конфликты с участием китайцев могли принимать весьма острый характер и продолжаться длительное время. Большая часть конфликтов была вызвана различными недоразумениями. Нередкими были конфликты в самой среде китайских рабочих. Так, «Алапаевское восстание», во время которого китайцы оказали вооруженное сопротивление полиции, было спровоцировано конфликтом между китайскими рабочими и Жен-Фу-Ченом – представителем подрядчика в Алапаевском горном округе [5, ф. 65, оп. 5, д. 159, л. 1-26; 6, ф. 180, оп. 1, д. 940, л. 107-110; ф. 181, оп. 1, д. 1, л. 103]. Кроме того, попав в иную культурную среду, китайские рабочие самоорганизовывались под руководством неформальных лидеров, которыми нередко становились лица с криминальным опытом – бандиты-хунхузы, которые, управляя рабочими массами, пытались диктовать свои условия администрации предприятий и властям. Следует отметить, что возможность организации и деятельности преступных группировок оценивалась властями как весьма реальная [5, ф. 65, оп. 5, д. 167, л. 15]. В некоторых конфликтах основной причиной было желание китайцев пересмотреть условия контракта, навязать свою волю заводской администрации, как это было, например, на Белорецком заводе.

Конфликты на межэтнической почве не принимали серьезных масштабов из-за того, что иностранцы в начале XX в. занимали действительно вакантные рабочие места и поэтому не воспринимались в качестве конкурентов.

После революции в конце 1917 г. на Урале начался спад промышленного производства. Началась репатриация китайцев на родину, но она была прервана Гражданской войной. Китайцы приняли в ней активное участие, в основном на стороне красных. Части, сформированные из китайских интернационалистов, воевали на всех фронтах Гражданской войны, в том числе и в уральском регионе. На Урале был сформирован пехотный полк, полностью укомплектованный китайцами. Командиром полка был назначен Жен-Фу-Чен, бывший представитель подрядчика при китайских рабочих, работавших в Алапаевском округе. Во время наступления белых осенью 1918 г. эта часть была почти полностью уничтожена. После войны процесс возвращения китайцев на родину был возобновлен. Однако не все китайцы покинули Советскую Россию. Небольшая часть их осталась и приняла заметное участие в жизни советского общества. В 1923-1924 хозяйственном году в Уральской области проживало 645 китайцев, что составляло около 0,1 % от общей численности населения области (6 365 195 чел.). Из них в Верхнекамском округе проживало 114 чел., в Екатеринбургском – 223, в Пермском – 116,

в Челябинском – 83, в Шадринском – 49 чел. Типичный среднестатистический китаец на Урале того времени являлся жителем города – 618 чел. (96 %), мужчиной – 622 чел. (96 %), неграмотным – 450 чел. (70 %). Более высокий уровень грамотности был у мужчин – 192 грамотных (30,9 %), из 23 женщин-китайок, проживавших на Урале, грамотными были только три (13 %) [21, с. 32–35]. Китайцы занимались мелочной торговлей, содержали прачечные.

К 1930-м гг. китайская диаспора практически полностью исчезает, часть бывших граждан Китая была выслана на родину или репрессирована, часть – обрусела.

Список литературы

1. Аникст А. Организация распределения рабочей силы (Статьи и доклады за 1918–1920 гг.). М., 1920.
2. Бушмаков А. В. Китайские и корейские рабочие в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Федеральная миграционная служба и миграционные процессы в регионах России: история и современность : материалы интернет-конференции. Пермь, 2008. С. 75–81.
3. Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период монополистического капитализма. 1861–1900. Численность, состав, положение. М., 1985.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).
5. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
7. Дмитриев А. В. Состав и положение лесных рабочих горнозаводского Урала в годы Первой мировой войны // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). Свердловск, 1990. С. 96–113.
8. История Урала в период капитализма. М., 1990.
9. Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979.
10. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905.
11. Очерки большевистских организаций на Урале. Свердловск, 1951.
12. Пермская земская неделя. 1915. 8 ноября. № 44.
13. Петров А. И. История Китайцев в России. 1956–1917 годы. СПб., 2003.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА).
15. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925.
16. Селенгин А. Дружба, скрепленная кровью // Урал. 1958. № 2. С. 111–114.
17. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
18. Смирнов С. В. Китайские и корейские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны: проблемы взаимоотношений с русскими // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1999. С. 146–149.
19. Суржикова Н. В. Военнопленные Первой мировой войны в Златоусте и Златоустовском уезде // Вторые Бушуевские чтения. Челябинск, 2004. С. 105–110.
20. Таняев А. П. Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны // Рабочее движение в годы войны. Свердловск, 1927. С. 5–34.
21. Уральский статистический ежегодник 1923–24 г. Свердловск, 1925.
22. Чemezova JI. А. Дело корейцев по найму: рабочие Богословского горного округа Пермской губернии 1916–1917 гг. // Уральское востоковедение : международный альманах. Екатеринбург, 2005. Вып. 1. С. 60–66.
23. Щербakov Ю. Иностранцы интернационалисты на Восточном фронте (1918 г.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 297–337.

Conditions of work and life of Chinese workers on Urals in the years of the First World War

E. Yu. Rukosuev¹, G. N. Shumkin²

¹Doctor of Historical Sciences, leading researcher, Institute of history and archeology,
Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Yekaterinburg. E-mail: rukosuev@mail.ru

²PhD of Historical Sciences, senior researcher, Institute of history and archeology,
Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Yekaterinburg. E-mail: shumkin@mail.ru

Abstract. At the turn of the XIX–XX centuries in the process of modernizing transformations, the system of modern international economic relations is formed, the most important element of which is the exchange of labor. The Russian economy as a whole had sufficient labor resources, but after mass mobilizations of the male population in the army during the First World War, it becomes relevant in many regions of the country. This problem was solved by the use of prisoners of war, the mobilization of the local, usually peasant, population to perform labor duties, and the organized importation of foreign workers from China, Korea, and Persia. The paper shows the reasons for the

appearance of Chinese workers in the Urals during the First World War. An attempt is made on the basis of archival documents to comprehensively cover the process of labor migration of Chinese workers to the Urals in the first third of the XX century. The resolutions of central and local authorities, based on which the recruitment of workers in China, their delivery to the Urals and placement at enterprises were carried out, are considered. Special attention is paid to such issues as the qualification and discipline of workers, working conditions, wages, housing conditions, nutrition, health protection, etc. The working and living conditions of workers employed in China for Ural enterprises were generally worse than those of their Russian counterparts, and significantly different from the formal rights that were prescribed in the regulatory documents. But at the same time, it should be noted that the material and household provision of workers was directly dependent on the productivity of their labor.

Keywords: First World War, the Urals, foreign workers, Chinese workers, material and living conditions.

References

1. Anikst A. *Organizatsiya raspredeleniya rabochej sily (Stat'i i doklady za 1918–1920 gg.)* [Organization of labor distribution (Articles and reports for 1918–1920)]. M. 1920.
2. Bushmakov A. B. *Kitajskie i korejskie rabochie v Permskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Chinese and Korean workers in the Perm province during the First World War] // *Federal'naya migracionnaya sluzhba i migracionnye processy v regionah Rossii: istoriya i sovremennost': materialy internet-konferencii* – Federal migration service and migration processes in the regions of Russia: history and modernity : materials of the Internet conference. Perm. 2008. Pp. 75–81.
3. Gavrilov D. V. *Rabochie Urala v period domonopolisticheskogo kapitalizma. 1861–1900* [Workers of the Urals in the period of pre-monopolistic capitalism. 1861–1900. Number, composition, status]. M. 1985.
4. State archive of the Orenburg region (SAOR).
5. State archive of Perm territory (SAPT).
6. State archive of Sverdlovsk region (SASR).
7. Dmitriev A. V. *Sostav i polozhenie lesnyh rabochih gornozavodskogo Urala v gody Pervoj mirovoj vojny* [Composition and status of forest workers of the mining Urals during the First World War] // *Social'no-ekonomicheskoe i pravovoe polozhenie rabochih Urala v period kapitalizma (1861–1917 gg.)* – Socio-economic and legal status of workers of the Urals during the period of capitalism (1861–1917). Sverdlovsk. 1990. Pp. 96–113.
8. *Istoriya Urala v period kapitalizma* – History of the Urals in the period of capitalism. M. 1990.
9. Kir'yanov Yu. I. *Zhiznennyj uroven' rabochih Rossii (konec XIX – nachalo XX v.)* [Living standard of workers in Russia (late XIX–early XX)]. M. 1979.
10. *Obshchij svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannyh pervoj vseobshchej perepisi naseleniya, proizvedennoj 28 yanvarya 1897 goda* – General summary of the results of the development of data for the first general population census, conducted on January 28, 1897. SPb. 1905.
11. *Ocherki bol'shevistskih organizacij na Urale* – Essays on Bolshevik organizations in the Urals. Sverdlovsk. 1951.
12. *Permskaya zemskaya nedelya* – Perm regional week. 1915. November 8. No. 44.
13. Petrov A. I. *Istoriya Kitajcev v Rossii. 1956–1917 gody* [History of the Chinese in Russia. 1956–1917 years]. SPb. 2003.
14. Russian state historical archive (RSHA).
15. *Rossiya v mirovoj vojne 1914–1918 goda (v cifrah)* – Russia in the world war of 1914–1918 (in figures). M. 1925.
16. Selengin A. *Druzhiba, skreplennaya krov'yu* [Friendship, sealed with blood] // *Ural* – Ural. 1958. No. 2. Pp. 111–114.
17. Sidorov A. L. *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Economic situation of Russia during the First World War]. M. 1973.
18. Smirnov S. V. *Kitajskie i korejskie rabochie na Urale v gody Pervoj mirovoj vojny: problemy vzaimootnoshenij s russkimi* [Chinese and Korean workers in the Urals during the First World War: problems of relations with Russians] // *Vtorye Tatishchevskie chteniya* – Second Tatishchev readings. Yekaterinburg. 1999. Pp. 146–149.
19. Surzhikova N. V. *Voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Zlatouste i Zlatoustovskom uezde* [Prisoners of war of the First World War in Zlatoust and Zlatoust district] // *Vtorye Bushuevskie chteniya* – Second Bushuev readings. Chelyabinsk. 2004. Pp. 105–110.
20. Tanyaev A. P. *Ural'skij rabochij nakanune i v gody imperialisticheskoy vojny* [Ural worker on the eve and during the imperialist war] // *Rabochee dvizhenie v gody vojny* – Labor movement during the war. Sverdlovsk. 1927. Pp. 5–34.
21. *Ural'skij statisticheskij ezhegodnik 1923–24 g.* – Ural statistical yearbook 1923–24. Sverdlovsk. 1925.
22. Chemezova L. A. *Delo korejcev po najmu: rabochie Bogoslovskogo gornogo okruga Permskoj gubernii 1916–1917 gg.* [The case of Koreans for hire: workers of the Theological mountain district of the Perm province in 1916–1917] // *Ural'skoe vostokovedenie: mezhdunarodnyj al'manah* – Ural Oriental studies: international almanac. Yekaterinburg. 2005. Is. 1. Pp. 60–66.
23. Shcherbakov Yu. *Inostrannye internacionalisty na Vostochnom fronte (1918 g.)* [Foreign internationalists on the Eastern front (1918)] // *Internacionalisty v boyah za vlast' Sovetov* – Internationalists in the battles for Soviet power. M. 1965. Pp. 297–337.

Политический портрет Колчака: историко-геополитическая интерпретация

А. В. Шалак

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений
и таможенного дела, Байкальский государственный университет.
Россия, г. Иркутск. E-mail: Shalakav@bgu.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена радикально противоположными оценками политической деятельности А. В. Колчака в исторической и публицистической литературе. Научный подход предполагает исследование фактов его политической биографии в рамки определенной системы знаний (теории). Традиционно данная проблема освещалась с классовых позиций. Однако в современных условиях такой подход вряд ли приемлем, поскольку «марксистско-ленинская теория» по принципиальным позициям отличается от марксистского понимания процессов развития общества и человека, и она в большей степени является идеологией, выражающей интересы определенных социальных групп. Наиболее объективно политическую деятельность в современных условиях можно оценить, опираясь на геополитический подход. В статье формулируется содержание историко-геополитического подхода, на основе которого исследуется политическая биография А. В. Колчака, то есть факты его биографии рассматриваются через призму геополитической системы знаний. Ключевыми событиями в его политической биографии являлись пребывание в плену после Русско-японской войны, участие в разработке и лоббировании программы строительства военно-морского флота, его реакция на государственный переворот в феврале 1917 г., поездка в Англию и США с целью передачи секретной информации, переход на военную службу Великобритании и деятельность в качестве «Верховного правителя России». Анализ этих фактов позволяет сделать вывод, что политическая деятельность А. В. Колчака объективно выражала интересы тех государств, которые не были заинтересованы в укреплении Российской империи, стремились к ее ослаблению и расчленению. Независимо от того, действовал Колчак в силу своих убеждений или его деятельность объясняется «политической наивностью», с точки зрения геополитического подхода оснований для реабилитации подобных государственных деятелей не имеется. Историко-геополитическая интерпретация с позиций интересов национальной безопасности, защиты территориального, культурного, политического пространства позволяет более объективно сформулировать оценочные суждения в отношении политических деятелей, подобных А. В. Колчаку. Одновременно исследование фактора внешнего влияния на внутривнутриполитические события расширяет исследовательское поле и позволяет вписывать события отечественной истории в контекст мировых политических процессов.

Ключевые слова: Колчак, «союзники», геополитический подход, реабилитация.

Образ Колчака на уровне обыденного восприятия во многом сегодня определяется его воспроизведением в СМИ и кино. В этом ракурсе А. В. Колчак оценивается через его научно-исследовательскую деятельность в северных морях, примеры личной храбрости в различные периоды его военной службы, идеализацию любовной истории с А. Тимиревой. В исторической литературе также излагаются разные точки зрения на предмет его политической деятельности. И для этого есть определенные основания. Но поскольку речь должна идти о научной интерпретации, то факты биографии Колчака нужно рассматривать в рамках определенного методологического подхода.

Исследовать этот вопрос через призму «марксистско-ленинской теории» сложно, поскольку марксово понимание процессов развития общества и человека и «марксистско-ленинская теория» – это разные социально-политические доктрины, их анализ и разбор является темой отдельной дискуссии.

С позиций идеологических приоритетов деятельность колчаковского правительства также объяснить весьма сложно. Ценностные (смысловые) предпочтения большевиков вытекали из их политической программы, «белые» эти вопросы оставляли на рассмотрении Учредительного собрания. Колчак не примыкал открыто к какой-либо политической силе, не имел и собственной какой-либо внятной идейно-политической программы.

В ряде исследований пытаются оценить политическую деятельность А. В. Колчака с точки зрения права, где главным аргументом выступает его расстрел без решения суда [8].

При таком подходе под сомнение ставятся не факты, а процессуальные нормы, то есть игнорируется конкретно-исторический контекст, оправдать или обвинить можно всех.

С нашей точки зрения, наиболее объективно оценить политическую деятельность Колчака возможно только на основе геополитического подхода.

Содержание геополитического подхода, который стал оформляться на рубеже XIX–XX вв., в следующем. Проблема национальной безопасности любого государства обусловлена доступом к ресурсам планеты. Поскольку к началу XX в. сухопутное пространство оказалось распределенным, везде появились границы, борьба за ресурсы стала определяющим вектором мировой политики. Получить доступ к ним можно только за счет перераспределения контроля за пространством. Основные ресурсы планеты сосредоточены в Евразии, именно поэтому «Мировой остров» превратился в шахматную доску, на которой разыгрывается партия и ее победитель расширяет контролируемое пространство и усиливает позиционные преимущества. Причем играют в эту «партию» за ресурсы не в одиночку, а в рамках определенной коалиции, либо стратегических блоков. По итогам этой партии перекраивается и контролируемое пространство. Основным противником англосаксонского мира, представляющего интересы морских государств, в Евразии в начале XX в. являются Германия и Россия. Реализовать свои интересы на этом континенте англосаксонский мир может только в случае недопущения союзнических отношений между ними и их максимального ослабления. Идеальный вариант для них есть столкновение России и Германии, их самоуничтожение в войне друг с другом. В войне «чужими руками» англосаксы поднаторели и равных им в этой «шахматной партии» как в начале прошлого века, так и в настоящее время нет.

Чтобы проиллюстрировать истинные намерения западных стран в отношении России, приведем только один факт. В январе 1919 г. для делегации США на Парижской конференции была подготовлена географическая карта «Предлагаемые границы России». Границы прочерчены таким образом, что за пределами России оказывались не только Польша, Прибалтика и Финляндия, но и часть территории Кольского полуострова и Карелии, Украина, значительная часть Белоруссии, Закавказье, вся Средняя Азия, Сибирь, а также ряд других областей. Восточная граница России на этой карте проходила по Уралу [13, с. 6–7]. Именно поэтому генерал военной разведки России, геополитик А. Е. Ядрихин еще в начале XX в. писал «Плохо иметь англосакса врагом, но не дай Бог его иметь другом. Хуже войны с англосаксом может быть только дружба с ним» [4].

Таким образом, критерием оценки государственных и политических руководителей, с позиций геополитического подхода, является их деятельность по обеспечению национальной безопасности. Национальная безопасность, а вместе с ней социальный и технический прогресс находятся в прямой зависимости от плотности контроля за пространством (территориально-географическим, экономическим, политическим, информационно-культурным и пр.), его ресурсами, а следовательно, определяются деятельностью государства по отстаиванию интересов в этой сфере. В эту борьбу за ресурсы включены все основные субъекты мировой политики. Поэтому, начиная с начала XX в., невозможно объективно оценить внутривнутриполитические процессы, революции, гражданские войны, государственные перевороты без анализа «внешнего фактора». Именно с таких позиций необходимо рассматривать и оценивать деятельность «Верховного правителя России» Колчака.

В связи с этим следует отметить, что официальный суд над правительством Колчака, который проходил с 20 по 30 мая 1920 г. в Омске, обвинял правительство Колчака в бунте и восстании при поддержке иностранных вооруженных сил; расхищении золотого запаса, а также передаче иностранным государствам системы железных дорог Сибири. Причем обвинение базировалось на широкой документальной основе. Всего в ходе судебного процесса было предъявлено более трех тысяч документов [8, с. 269]. Однако вместо обращения к этим свидетельствам и фактам в современных публикациях акцентируется внимание на противостоянии Колчака интервентам и «сбережении золотого запаса России». Ситуация с золотым запасом воспроизводится таким образом, что «Верховный правитель России» был готов отдать золото большевикам, но не позволить вывезти его «союзникам» за пределы России. Эта фраза, воспроизведенная в мемуарах управляющего делами правительства Колчака Г. К. Гинса, изданных в Пекине в 1921 г. [6, с. 440], ныне широко используется, чтобы представить Колчака как охранителя национальных богатств страны. Если учесть то, что к этому времени Колчаком за рубеж при помощи англичан уже было отправлено около 200 т. золотого запаса России, то приписываемые Колчаку слова звучат, как минимум, лицемерно. Различ-

ных фраз о Колчаке можно найти множество, как с положительным оттенком, так и с отрицательным. Историко-геополитическая интерпретация политического портрета «Верховного правителя России» должна ответить на вопрос, насколько деятельность Колчака соответствовала интересам сбережения России и ее безопасности, и в какой степени отвечала интересам ее геополитических противников.

Именно через призму такого подхода необходимо интерпретировать основные факты биографии Колчака. Основным источником для подобного анализа является документальная исповедь самого «Верховного правителя России» в последние дни его жизни, изложенная в «Протоколах допроса Колчака» [1]. Первый опыт общения Колчака с границей произошел в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Англия и США, обеспокоенные наращиванием военно-морской мощи России на Дальнем Востоке, поддержали агрессивные устремления Японии. Без их поддержки Япония вряд ли решилась на войну с Россией. Германия в этом конфликте была на стороне России. Не зная об этом раскладе Колчак не мог, так как российские газеты печатали многочисленные материалы и карикатуры на данную тему.

Для Колчака участие в войне закончилось пленом. В «Протоколах допроса» о своем пребывании в плену он свидетельствует следующее: «В Нагасаки партия наших больных и раненых получила очень великодушное предложение японского правительства, переданное французским консулом, о том, что правительство Японии предоставляет нам возможность пользоваться, где мы захотим, водами и лечебными учреждениями Японии, или же, если мы не желаем оставаться в Японии, вернуться на родину без всяких условий» [1, с. 23]. Обратим внимание на то, что Колчак оценивает обращение японцев и их союзников с пленными как «великодушное». Но главное здесь не в этом. После плена Колчак почему-то отбывает в США, затем в Великобританию. Колчак не объяснял никогда, почему он не вернулся в Россию через Владивосток по железной дороге. Именно после этого начинается стремительный взлет его карьеры. Колчак с группой офицеров начинает определять приоритеты военно-морской деятельности, его превозносят в СМИ, он выступает с докладами в высоких кругах. Лейтенант Колчак стал постоянным членом думской комиссии по обороне. Морской офицер со скромным званием лейтенанта стал принимать участие в определении стратегии обороноспособности Российской империи, не будучи депутатом Думы. Столь стремительный карьерный взлет наводит на мысль, что за ним стоит некая сила.

В конечном итоге группа «младотурок» продавливают программу строительства ВМФ. Как известно, ее стержнем являлось строительство линкоров для русского флота. Построенные линкоры можно было использовать только на Балтийском и Черном морях, поскольку Россия не имела военно-морских баз (угольных станций), позволявших линкорам в составе эскадр действовать на большом удалении от родных берегов. Но, запертые во внутренних морях, они становились чрезвычайно уязвимыми для вооруженных торпедами подводных лодок. По своему предназначению эти огромные корабли на просторах мирового океана так и не будут использованы. В итоге реализации данной программы даже на Балтике Россия оказалась неспособной противостоять германскому или английскому флоту в открытом бою, а уязвимость нашего флота даже во внутренних морях возросла в связи с угрозой со стороны подводных лодок [19].

При этом Колчак в этот период не устал утверждать, что главным противником России как на суше, так и на просторах Мирового океана является Германия. В 1908 г. в журнале «Морской сборник» он публикует статью «Какой флот нужен России», в которой утверждает, что «Флот Англии на всех наших морях нам непосредственно не угрожает» и что для России «...создание мощной силы, способной бороться за обладание морем в Тихом океане, едва ли является целесообразным» [10]. При такой логике программа строительства мощного линкорного флота, способного контролировать морские коммуникации и обеспечивать безопасность внешнеторговых перевозок страны, выглядит вообще абсурдной.

После того как данная программа была запущена, начался стремительный карьерный взлет Колчака на флоте, минуя все предписанные правила и требования. Капитаном первого ранга на флоте можно было стать, только командуя в течение года линейным кораблем второго класса. Но Колчак звание получает, минуя данное предписание. В декабре 1915 года его назначают начальником минной дивизии Балтийского флота в обход установленного правила обязательного прохождения перед назначением на контр-адмиральскую должность такой важной служебной ступеньки, как командование кораблем 1-го ранга. В апреле 1916 года (т. е. всего через три месяца нахождения в должности) Колчака производят в контр-адмиралы.

А еще через два месяца, не отмеченный никакими новыми заслугами, он еще более неожиданно для всех становится вице-адмиралом и командующим Черноморским флотом [7].

Причина столь быстрого карьерного продвижения Колчака заключается в том, что еще до Февральской революции он примкнул к заговору против императорской власти. Военный министр Временного правительства генерал-майор А. И. Верховский писал в своих мемуарах, что «Колчак еще со времен японской войны был в постоянном столкновении с царским правительством и, наоборот, в тесном общении с представителями буржуазии в Государственной думе» и выдвижение Колчака на пост командующего Флотом Черного моря было «первой крупной победой этих кругов» [5, с. 169–170]. Поскольку государственный переворот в феврале 1917 г. протекал при самом активном участии британской стороны, то объективно Колчак выступал на стороне тех сил, которые ввергали российскую империю в смуту. Примечательно, что Колчак первым из высшего командного состава, опередив даже заговорщиков, присягнул Временному правительству.

Однако верность присяге Временному правительству он сохранял чуть более трех месяцев. Социальный хаос, порожденный переворотом в феврале 1917 г., который Колчак поддержал, проникает во все сферы государственной жизни, распространяется и на вооруженные силы. Колчак использует данное обстоятельство в качестве аргумента для сложения с себя полномочий командующего Черноморским флотом. С этого момента начинаются его прямые контакты с представителями союзников по Антанте, которые завершатся переходом на военную службу Великобритании. Колчак добровольно отказывается командовать флотом во время приезда американского контр-адмирала Дж. Гленнона. Американец прибывает в Севастополь для встречи с Колчаком, и обратно в Петроград они возвращаются вместе в одном вагоне. А затем американский адмирал инициирует поездку Колчака в США.

Союзников интересуют два вопроса: планы России относительно установления контроля над проливами, позволяющие иметь безопасный выход на мировые морские коммуникации из Черного моря, а также минные заграждения в Балтийском море, обеспечивающие безопасность российской столицы с моря. Колчак в силу своего должностного положения был посвящен в обе проблемы и демонстрирует предательскую лояльность по отношению к интересам союзников. В «Протоколах допроса» он повествует следующее: «Кроме того, совершенно секретно он (адмирал Гленнон) сообщил мне, что в Америке существует предположение, предпринять активные действия американского Флота в Средиземном море против турок и Дарданелл. Зная, что я занимался аналогичными операциями, адмирал Гленнон сказал мне, что было бы желательно, чтобы я дал все сведения по вопросу о десантных операциях в Босфоре. Я ответил на это, что не отказываюсь от этого и готов поделиться теми сведениями, которые у меня имеются. <...> Относительно этой десантной операции он просил меня никому ничего не говорить и не сообщать об этом даже правительству» [1, с. 106]. Англичане через свои пункты контроля обеспечивают безопасный выезд Колчака из России через Швецию под чужой фамилией. В Лондоне Колчак общается с британским военным министром и начальником штаба британского флота [19]. Англичан больше всего волнует северно-балтийский театр военных действий, и нет никаких сомнений, что всю информацию они от Колчака получили. Как известно, британский флот после этого курсировал в Балтийском море вблизи берегов России и минные заграждения, выставленные Колчаком, этому не препятствовали.

В США несколько недель Колчак передавал требуемые сведения американской стороне, рассчитывая, как он излагает в «Протоколах допроса», «продолжить свою боевую деятельность» на службе в американском флоте [1, с. 124]. Но американцы на это желание Колчака не отреагировали.

Колчак вынужден возвращаться в Россию. На обратном пути, находясь в Японии, он принимает решение о переходе на военную службу Великобритании, просит принять его в английскую армию «на каких угодно условиях» [1, с. 128]. В конце декабря 2017 г. британское правительство удовлетворяет просьбу Колчака и отправляет его в Индию на Месопотамский фронт. В Сингапуре его догоняет телеграмма из генерального штаба Великобритании с требованием вернуться на Дальний Восток. Таким образом, на Дальнем Востоке Колчак оказывается не как идейный противник большевиков, а как человек, находящийся на службе у Великобритании. Цель его возвращения засекречена, но в письме к А. Тимиревой Колчак пишет, что он знает о ее задачах [15, с. 264]. Именно этот открытый переход Колчака на сторону геополитических противников России должен стать краеугольным камнем для оценки его дальнейшей политической судьбы.

Вначале ему поручается организация антибольшевистских сил в районе КВЖД, но Колчак с этой работой не справляется. Ему предлагают поехать в Японию отдохнуть и подлечиться. Летом 1918 г. Колчак в течение двух с половиной месяцев спокойно отдыхает в Японии по приглашению помощника начальника Генерального Штаба генерала Г. Танака. Большую часть времени он проводит вместе с возлюбленной А. В. Тимиревой на курортах Атами и Никко. И только 16 сентября 1918 г. А. В. Колчак отплыл из Иокогамы во Владивосток [20, с. 774–776].

Подчеркнем, что привезен в Россию Колчак с разрешения правительства императорской Японии, на английском корабле, вместе с руководителями английской и французской союзническими миссиями. Из Японии во Владивосток А. В. Колчака сопровождает глава французской «дипломатической миссии» Ренью, а из Владивостока в Омск Колчака доставляет английский генерал Нокс, являвшийся главой британской военной миссии на востоке России. Дальше под давлением английского Верховного уполномоченного и главы британской военной миссии и под обязательство признания Англией правительства Директории Колчак был введен в его состав. Директория была принуждена Англией включить Колчака, находившегося у нее на службе, в состав правительства. После назначения его военным министром Всероссийского временного правительства 9 ноября Колчак отбывает в Екатеринбург в вагоне, который прицепили к поезду английского полковника Д. Уорда. Это не поездка на фронт для встречи с войсками. В Екатеринбурге Колчак встречается с Р. Гайдой, возглавлявшим чехословацкий корпус. Сделав ставку на Колчака, англичанам требовалось урегулировать отношения с Р. Гайдой, с чехословаками, являвшимися наиболее реальной военной силой за Уралом. При этом следует напомнить, что орден Георгия 3-й степени, который Колчак постоянно носил на шее, вручил «Верховному правителю России» чех Гауда.

Так называемый военный переворот Колчака являлся хорошо спланированной акцией, в детали которой сам Колчак не был посвящен. Подобное возможно было спланировать и осуществить, реально контролируя политическое пространство. Такой силой за Уралом в это время были только так называемые «союзные войска». Искусственность возвышения Колчака отмечали в том числе и антибольшевистские политики [11, с. 52].

Какие цели преследовали «союзники», продвигая Колчака на роль «Верховного правителя России»?

Через «Верховного правителя» они контролировали процесс принятия стратегических решений, позволяющих им вести войну «чужими руками». Сильная консолидированная власть в Сибири им была невыгодна. Их планам отвечало максимальное истощение России через разжигание гражданской войны, только в этом случае они могли контролировать ресурсы страны. Колчак, который находился на службе британского правительства, во многом идеально подходил для этой цели. Наиболее подробная характеристика Колчака содержится в дневнике генерал-лейтенанта царской армии А. П. Будберга, управляющего военным министерством, а затем военного министра правительства Колчака. Будберг постоянно докладывал ему о состоянии на фронте, общался по другим вопросам и наблюдал Колчака непосредственно в процессе принятия решений. Он дает такую уничижительную характеристику Колчаку, которой даже не встретишь в работах советских историков 1920-х гг. Она сопровождается такими чертами Колчака, как «ничего не понимает в сухопутном деле», «легко поддается советам и уговорам», «никнет и жалуется на отсутствие честных помощников», «болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие», «бесхарактерность и отсутствие у него собственного мнения», «мечущийся мечтатель», «непрактичность и неподготовленность по большинству вопросов государственного и военного управления», «большой и больной ребенок», «несомненный неврастеник», «живет миражами и навязанными идеями», «отсутствие твердых взглядов и твердой воли», «больной идеалист», «военного дела не знает совершенно», «безвольный, бессистемный и беспамятливый»; «непонимающий совершенно обстановки и неспособный в ней разобраться» и пр. [3, с. 37, 83, 108, 199, 332]. «По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора», – подводит итог барон Будберг [3, с. 110]. Как и Николай II, Колчак в силу своих личных качеств и зависимости от «союзников» не был способен справиться с хаосом, и именно это отвечало долгосрочным интересам прежде всего Великобритании. Поскольку у Колчака не имелось никаких заслуг в борьбе с большевизмом, а также какой-либо политической силы, на которую он мог опираться, то объективно это повышало роль иностранных союзников, позиции которых на фоне политического кризиса укрепились.

Используя Колчака, англичане сумели ограничить влияние Японии, которая являлась наиболее мощным соперником Великобритании, имела на Дальнем Востоке больше свободных войск и высказывала претензии на всю Сибирь. Колчак, имея за спиной поддержку Британской империи, уведомил японцев, что перемена правительства означает также и перемену политики относительно продвижения японских войск и занятия ими железной дороги. Япония была вынуждена ограничить сферу своего влияния Приморьем, Манчжурией и Забайкальем.

И еще одно обстоятельство нужно учитывать, объясняя удивительное вознесение Колчака на политический олимп, – прибытие в Омск золотого запаса Российской империи.

Эшелон с золотом прибывает в Омск в ноябре 1918 г. И по времени это удивительно совпадает со следующими событиями. В это же время созданное в Уфе Временное Всероссийское правительство местом своей дислокации выбирает Омск.

18 ноября Колчак, не имея никаких заслуг в борьбе с большевизмом, только что прибывший в Омск, провозглашается «Верховным правителем» России.

Еще царское правительство переправило в Лондон 440 т золота, в счет которого были открыты кредиты на приобретение вооружения и обмундирования для действующей армии [14, с. 162–163]. Временное Всероссийское правительство в Омске имело основания потребовать пролонгировать выполнение обязательств, взятых перед царским правительством союзниками, что совсем не отвечало интересам последних. Привод к власти Колчака и свержение Всероссийского Временного правительства означало, что возобновить поставки под золото царского правительства в таких условиях было невозможно. Власть диктатора, именуемая «Верховным правителем», не могла претендовать на правопреемственность царского и Временного правительства. В этой ситуации снабжение армии Колчака могло осуществляться только за счет золотого запаса, оказавшегося в Омске. Пока «союзники» контролировали ситуацию через Колчака, 193,049 т (37 %) золотого запаса Российской империи, оказавшегося в Омске, было переправлено во Францию, Англию, США и Японию через Русско-Азиатский банк в Шанхае, Гонконг и пр. [18, с. 170]. Несложно предсказать, что стало бы с золотым запасом России, продержись Колчак еще год.

Такова судьба этого человека. Можно строить различные предположения о его политической позиции до февраля 1917 г., но после февральского государственного переворота Колчак все более открыто эволюционирует на сторону геополитических противников России, а осенью 1918 г. открыто перешел на сторону тех иностранных сил, с которыми геополитическое противостояние продолжается и сегодня. Следует отметить, что об этом факте знали многие и Колчаку его невозможно было скрыть. Но поскольку лидеры белого движения исходили из того, что без поддержки «союзников» организовать эффективное сопротивление большевикам невозможно, то такая демонстрация связи Колчака с «союзниками» объективно работала и на его возвышение, и на вполне терпимое отношение к данному факту со стороны представителей «белого движения». Со стороны пропагандистов Колчака преподносился данный факт не как открытый переход на военную службу геополитическому противнику России, а как некий рыцарский шаг: «Через английского посла в Токио он предложил английскому правительству свою шпагу» [2, с. 36]. О мотивах этого выбора можно строить различные предположения. Но именно этот геополитический выбор закончился для него катастрофой. Очевидно, именно это и должно являться основанием для отказа в возвеличивании и реабилитации Колчака.

Список литературы

1. Адмирал Колчак. Протоколы допроса. С предисловием Николая Старикова [Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии (21 января – 6 февраля 1920 г.)]. СПб. : Питер, 2015. 272 с.
2. Ауслендер С. А. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак. Омск : [б. и.], 1919? URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000548343>.
3. Будберг А. Дневник белогвардейца. Мн. : Харвест ; М. : АСТ, 2001; 3 августа – 31 октября 1919 г. Архив русской революции в 18 т. М. : Терра, 1991. Т. 15. URL: <http://militera.lib.ru/db/budberg/03.html>.
4. Вандам А. Наше положение (1912) / А. Вандам, Н. Головин, А. Бубнов // Неуслышанные пророки грядущих войн. М. : АСТ ; Астрель, 2004. 368 с. Его же. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии (1913) // А. Вандам. Наше положение. СПб. : Наука, 2009. 176 с.
5. Верховский А. И. На трудном перевале. М. : Воениздат, 1959. 448 с.
6. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 440.
7. Дроздов С. Штрихи биографии Колчака URL: <https://www.proza.ru/2015/11/26/674>.
8. Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории / С. В. Дроков. М. : Центрполиграф, 2009. 591 с.

9. Из истории золотого запаса адмирала Колчака : сборник документов из фондов Государственного архива Иркутской области / отв. за вып. Е. В. Ильина. Иркутск : Отгиск, 2017. 156 с.
10. Колчак А. В. Какой флот нужен России / А. В. Колчак // Армия и Флот. 2002. № 1 (149). URL: <http://www.armiyaiflot.ru/nomera/2002/20021-02.html>.
11. Колчаковщина. Гражданская война в Сибири / под ред. Г. Вендриха. Иркутск : Провинция, 1991. 224 с.
12. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке : документы и материалы. Владивосток : Наука, 1995. 216 с.
13. Кунина А. Е. Об одной забытой географической карте России // Европейские исследования в Сибири : материалы региональной науч. конф. 10–11 декабря 1999 г. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. Вып. 2. 148 с.
14. Лapidус М., Головин Ю. Судьба золотого запаса царской России // Вестник. 1999. № 23 (230), 24 (231). URL: <http://www.vestnik.com/issues/1999/1109/win/lapidus.htm>.
15. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак. Исследователь, адмирал, Верхов. правитель России. М. : Центрполиграф, 2002. С. 264.
16. Сабов А. Кто же послал Колчака на Голгофу? // Российская газета. 2019. № 26 (7 февраля). С. 9.
17. Смирнов С. С. Адмирал Колчак. Неизвестное об известном. URL: <https://military.wikireading.ru/30573>.
18. Шалак А. В. Иркутская история золота Российской империи / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 2. С. 155–175. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(2).155-175. URL: <http://jhist.bgu.ru/reader/article.aspx?id=22902>.
19. Шалак А. В. К вопросу о политической и правовой реабилитации А. В. Колчака: историко-геополитический контекст / А. В. Шалак // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).2.
20. Шишкин В. Адмирал А. В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19 сентября – 18 ноября 1918 г.) // Голоса Сибири : литературный альманах. Вып. 6. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. С. 773–824. URL: http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_6/043_007_kov_01.html.

Political portrait of Kolchak: historical and geopolitical interpretation

A. V. Shalak

Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of international relations and customs, Baikal State University. Russia, Irkutsk. E-mail: Shalakav@bgu.ru

Abstract. The relevance of the article is due to the radically opposite assessments of A. V. Kolchak's political activity in historical and journalistic literature. The scientific approach involves the study of the facts of his political biography in the framework of a certain system of knowledge (theory). Traditionally, this problem has been covered from a class perspective. However, in modern conditions, this approach is hardly acceptable, since the "Marxist-Leninist theory" differs in principle from the Marxist understanding of the processes of development of society and man, and it is more an ideology that expresses the interests of certain social groups. The most objective assessment of political activity in modern conditions can be based on a geopolitical approach. The article formulates the content of the historical and geopolitical approach, based on which the political biography of A. V. Kolchak, that is, the facts of his biography, are viewed through the prism of a geopolitical knowledge system. Key events in his political biography were his time in captivity after the Russian-Japanese war, his participation in the development and lobbying of the Navy construction program, his reaction to the state coup in February 1917, his trip to England and the United States to transmit secret information, his transfer to the British military service, and his activities as the "Supreme ruler of Russia". Analysis of these facts allows us to conclude that the political activity of A. V. Kolchak objectively expressed the interests of those states that were not interested in strengthening the Russian Empire, sought to weaken and dismember it. Regardless of whether Kolchak acted because of his beliefs or his activities are explained by "political naivety", from the point of view of the geopolitical approach, there are no grounds for the rehabilitation of such statesmen. Historical and geopolitical interpretation from the perspective of national security interests, the protection of territorial, cultural, and political space allows us to formulate more objective value judgments in relation to political figures like A. V. Kolchak. At the same time, the study of the factor of external influence on domestic political events expands the research field and allows us to fit the events of national history into the context of world political processes.

Keywords: Kolchak, "allies", geopolitical approach, rehabilitation.

References

1. Admiral Kolchak. *Protokoly doprosa. S predisloviem Nikolaya Starikova [Protokoly zasedanij Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii (21 yanvarya – 6 fevralya 1920 g.)]* – Admiral Kolchak. Record of interrogation. With a preface by Nikolai Starikov [Records of the sessions of the Extraordinary Commission of inquiry (January 21–February 6, 1920)]. SPb. Piter. 2015. 272 p.

2. Auslender S. A. *Verhovnyj pravitel' admiral A. V. Kolchak* [Supreme ruler Admiral A. V. Kolchak]. Omsk. [without a publisher]. 1919. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/repository/vtls:000548343>.
3. Budberg A. *Dnevnik belogvardejca* [Diary of a white guardsman]. Mn. Harvest; M. AST. 2001; 3 August – 31 October 1919. Archive of the Russian revolution in 18 vols. M. Terra. 1991. Vol. 15. Available at: <http://militera.lib.ru/db/budberg/03.html>.
4. Vandam A. *Nashe polozhenie (1912)* [Our position (1912)] / A. Vandam, N. Golovin, A. Bubnov // *Neuslyshannye proroki gryadushchih vojn – Unheard prophets of future wars*. M. AST ; Astrel. 2004. 368 p. *Him also. Velichajshee iz iskusstv. Obzor sovremennogo mezhdunarodnogo polozheniya pri svete vysshej strategii (1913)* [The greatest of arts. Review of the modern international situation in the light of higher strategy (1913)] // A. Vandam. *Nashe polozhenie* [Our position]. SPb. Nauka. 2009. 176 p.
5. Verhovskij A. I. *Na trudnom perevale* [On the difficult pass]. M. Voenizdat. 1959. 448 p.
6. Gins G. K. *Sibir', soyuzniki i Kolchak* [Siberia, allies and Kolchak]. M. 2008. P. 440.
7. Drozdov S. *Shtrihi biografii Kolchaka* [Strokes of Kolchak's biography]. Available at: <https://www.proza.ru/2015/11/26/674>.
8. Drovok S. V. *Admiral Kolchak i sud istorii* [Admiral Kolchak and the court of history] / S. V. Drovok. M. Centrpoligraf. 2009. 591 p.
9. *Iz istorii zolotogo zapasa admirala Kolchaka: sbornik dokumentov iz fondov Gosudarstvennogo arhiva Irkutskoj oblasti – From the history of the gold reserve of Admiral Kolchak: a collection of documents from the funds of the State Archive of the Irkutsk region* / resp. for the issue of E. V. Ilyin. Irkutsk. Ottisk. 2017. 156 p.
10. Kolchak A. V. *Kakoj flot nuzhen Rossii* [What fleet Russia needs] / A. V. Kolchak // *Armiya i Flot – Army and Navy*. 2002. No. 1 (149). Available at: <http://www.armiyaiplot.ru/nomera/2002/20021-02.html>.
11. *Kolchakovshchina. Grazhdanskaya vojna v Sibiri – Kolchakovshina. Civil war in Siberia* / ed. by G. Vendrih. Irkutsk. Provinciya. 1991. 224 p.
12. *Kolchak i intervenciya na Dal'nem Vostoke : dokumenty i materialy – Kolchak and the intervention in the Far East : documents and materials*. Vladivostok. Nauka. 1995. 216 p.
13. Kunina A. E. *Ob odnoj zabytoj geograficheskoj karte Rossii* [About a forgotten geographical map of Russia] // *Evropejskie issledovaniya v Sibiri : materialy regional'noj nauch. konf. 10–11 dekabrya 1999 g. – European studies in Siberia : materials of the regional scientific conference, December 10–11, 1999*. Tomsk. Tomsk University. 2000. Is. 2. 148 p.
14. Lapidus M., Golovin Yu. *Sud'ba zolotogo zapasa carskoj Rossii* [Fate of the gold reserve of tsarist Russia] // Herald. 1999. No. 23 (230), 24 (231). Available at: <http://www.vestnik.com/issues/1999/1109/win/lapidus.htm>.
15. Plotnikov I. F. *Aleksandr Vasil'evich Kolchak. Issledovatel', admiral, Verhov. pravitel' Rossii* [Alexander Vasilyevich Kolchak. Explorer, admiral, Supreme. ruler of Russia]. M. Centrpoligraf. 2002. P. 264.
16. Sabov A. *Kto zhe poslal Kolchaka na Golgotu?* [Who sent Kolchak to Golgotha?] // *Rossijskaya gazeta – Russian newspaper*. 2019. No. 26 (February 7). P. 9.
17. Smirnov S. S. *Admiral Kolchak. Neizvestnoe ob izvestnom* [Admiral Kolchak. The unknown about the known]. Available at: <https://military.wikireading.ru/30573>.
18. Shalak A. V. *Irkutskaya istoriya zolota Rossijskoj imperii* [Irkutsk history of gold of the Russian Empire] / A. V. Shalak // *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya – Historical and economic research*. 2019. Vol. 20. No. 2. Pp. 155–175. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(2). Pp. 155-175. Available at: <http://jhist.bgu.ru/reader/article.aspx?id=22902>.
19. Shalak A. V. *K voprosu o politicheskoj i pravovoj rehabilitacii A. V. Kolchaka: istoriko-geopoliticheskij kontekst* [On the question of political and legal rehabilitation of A. V. Kolchak: historical and geopolitical context] / A. V. Shalak // *Baikal Research Journal – Baikal Research Journal*. 2017. Vol. 8. No. 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).2.
20. Shishkin V. *Admiral A. V. Kolchak: na puti k voennoj diktature (19 sentyabrya – 18 noyabrya 1918 g.)* [Admiral A. V. Kolchak: on the way to military dictatorship (September 19 – November 18, 1918)] // *Golosa Sibiri: literaturnyj al'manah – Voices of Siberia: literary almanac*. Is. 6. Kemerovo. Kuzbassvuzizdat. 2007. Pp. 773–824. Available at: http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_6/043_007_kov_01.html.

«Гражданином быть обязан!» (Эволюция представлений о социальной активности в ментальных установках советских граждан)*

А. Д. Попова

доктор исторических наук, профессор, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина.
Россия, г. Рязань. E-mail: a.d.popova@mail.ru

Аннотация. В статье автор исследует ментальные установки советского общества через призму восприятия гражданских обязанностей, представлений о должном поведении образцового советского гражданина, что является актуальным в свете формирования гражданского общества в современные дни. Гражданское общество невозможно создать без формирования представлений в обществе о должном поведении и обязанностях гражданина перед обществом. Автор проследил проблему в двух аспектах: формирование соответствующих установок с помощью массового искусства и пропаганды со стороны власти и реакция общественного сознания. Для выявления первого аспекта использовались художественные фильмы и публикации в периодической печати, для анализа второго аспекта были рассмотрены обращения граждан в органы власти за разные годы. Автор приходит к выводу, что в качестве главных черт образцового гражданина выдвигалось добросовестное отношение к труду и общественной работе, аскетизм, приоритет общественного интереса над личным. При этом анализ писем выявил, что некоторые весьма положительные и актуальные в современные дни идеи массового сознания (уважительное отношение к труду, умение учитывать потребности общества) сочетаются с некоторыми специфическими установками советского общества – приверженность к принуждению как главной форме управления, слабое уважение к альтернативным точкам зрения.

Ключевые слова: гражданское сознание, гражданское общество, социальная ответственность, обязанности, общественное благо, ментальные установки.

Важное место в системе ценностей любого общества занимают представления о должном поведении, о критериях его оценки. Говоря о гражданском обществе, очень важно выделить в ментальных установках представления не только о правах и свободах человека, но и о его обязанностях, о достойном и должном поведении. Поэтому в современные дни очень важно проследить процесс формирования и представления в общественном сознании обязанностей гражданина, его социальной активности. Представляется актуальным исследовать ментальные установки, которые сформировались в общественном сознании относительно гражданской активности человека, выполнения им обязанностей по отношению к государству и другим людям. Проблема интересна в двух аспектах: проводимая государством политика и отражение этой политики в сознании людей. Первый аспект может выясняться с помощью материалов, призванных воздействовать на умы людей: агитационных плакатов, лозунгов, массового искусства – песен и художественных фильмов. Советская пропаганда очень активно обращала внимание на формирование образа идеального советского человека. Плакаты, советские фильмы и книги, в том числе и детские, были направлены на формирование определенных черт, которые должны быть присущи советским гражданам.

Для выявления второго аспекта анализировались письма граждан в органы власти за различные периоды, то есть обращения граждан в органы власти, газеты и государственным или общественным деятелям. Даже в наиболее жесткие тоталитарные годы сталинского режима поток подобной корреспонденции был велик. В письмах люди не только докладывали о своих достижениях или просили власть помочь им в трудной ситуации (оказать финансовую помощь, пересмотреть уголовное дело, разрешить проживать в определенном месте), но и высказывали свои соображения по различным вопросам. Особенно повышалась активность граждан в период политических или экономических трансформаций или обсуждений проектов значимых документов. Советский Союз фактически не был демократическим государством, хотя это было прописано в Конституции и других документах. Однако в истории советского общества

есть целый ряд примеров, когда общественное мнение подключалось к обсуждению значимых вопросов. Например, без общественного обсуждения не обошлось принятие Конституций 1936 и 1977 гг. Конечно, очень часто такое обсуждение было во многом подконтрольно власти, ею же направлялось в определенное русло и имело цель не столько выслушать мнение граждан, сколько получить поддержку своего курса, сформировать картину поддержки населением государственной политики. Более того, в некоторые моменты власть специально сама организовывала обсуждения отдельных вопросов, чтобы с помощью этой «дискуссии» направить общественное мнение в нужное русло, использовать его как рычаг управления.

Однако в любом случае письмо во власть является документом, ярко отражающим как состояние общественного сознания и уже сложившиеся ментальные установки, так и работу власти по формированию этих самых ментальных установок. Не случайно в современной исторической науке проявляется большой интерес к этому виду источников [20; 21; 22; 23; 26]. Особенно ценными в этом плане представляются письма-отзывы на различные публикации в прессе или действия властей. В исследовании использовались письма граждан двух периодов: 1960 гг., когда началось обсуждение проекта новой Конституции и периода перестройки, которая началась в нашей стране в конце 1980 гг.

Одним из важнейших столпов советской идеологии была идея общественной пользы, то есть целью жизни достойного гражданина советского общества должно быть принесение пользы обществу. Жить надо не для себя, не для удовлетворения собственных интересов, а чтобы приносить пользу другим людям. Личное и общественное противопоставлялось, личное должно быть вторичным по отношению к общественному, думать о себе – значит, заведомо не думать о благе общества.

В качестве главной формы заботы о благе общества пропагандировался труд. Созидательный труд воспевался как естественная форма бытия каждого человека, соответственно, и образцовый советский человек – это человек, который беззаветно трудится на благо общества. Один из наиболее часто встречающихся героев советских плакатов – это красивый молодой человек, который успешно трудится на стройке или у станка. Таланты советских режиссеров и артистов тоже были направлены на формирование привлекательного образа трудового человека. Много замечательных фильмов отражали идею, что трудиться надо добросовестно: «Свинарка и пастух» (реж. И. Пырьев, 1941 г.), «Добровольцы» (реж. Ю. Егоров, 1958 г.). Даже комедии были направлены воспитывать добросовестное отношение к труду («Неподдающиеся» (реж. Ю. Чулюкин, 1959 г.), «Королева бензоколонки» (реж. Н. Литус, А. Мишури, 1962 г.). Более того, именно труд представлялся как главный способ социальной мобильности. Например, в фильме «Светлый путь» (реж. Г. Александров, 1940 г.) показан путь простой сельской девушки, которая поступила на фабрику ткачихой и стала Героем социалистического труда. Бесспорно данная установка советской пропаганды не может не быть одобряемой, в том числе и в современные дни. Добросовестный и созидательный труд является не просто источником существования, но и способом самореализации, раскрывает творческие способности человека. И в принципе понятны эмоции граждан, которые в своих письмах осуждали паразитический образ жизни. При обсуждении проекта новой Конституции в письмах граждан начала 1960-х годов неоднократно встречается требование обязать работать каждого, закрепить это нормой закона.

Например, очень эмоционально и образно этот вопрос обсуждает И. А. Паршина из Самарской области. Она пишет, что была командирована в военную часть и была поражена образом жизни жен военных: «Их дело: встать попозже, поесть получше, проваляться на пляже полный день, проболтать языками вечер. И это в то время, когда на другом берегу реки Самары идет напряженная посевная работа, создается изобилие продуктов потребления нашими тружениками села и города от мала до велика» [13, л. 118]. Возмущение автора вызывают даже отставные военные, которые вышли на пенсию, но физически способны работать. Поэтому женщина требует создать закон, который обязал бы всех без исключения трудиться на благо народа, при этом трудовой вклад в общее дело может быть только на производстве, а не дома (это личное благо): «Лица, уклоняющиеся от трудовой деятельности и тем самым подрывающие благо страны, являются врагами народа. Каждый должен отработать на благо народа: мужчины 25 лет, женщины 20 лет за исключением больных, многодетных матерей (выше 7 человек), несовершеннолетних и престарелых».

Гражданин В. М. Мутьян из Киргизии тоже сетовал, что в последнее время развелось слишком много тунеядцев, которые нигде не работают. Поэтому надо закрепить не только

право работать, но и обязанность делать это [14, л. 65]. Аналогичные формулировки предложены в письме Израиля Моисеевича Абрамовича, учителя истории из г. Муром: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу “кто не работает, тот не ест”» [11, л. 10]. Гражданин Пансенко, возмущаясь, что есть пожилые люди, которые не достигли еще пенсионного возраста, но не работают, так как их содержат другие члены семьи, предложил следующую формулировку: «Все трудоспособные советские граждане (совершеннолетние) независимо от социального происхождения и материальной обеспеченности должны обязательно работать (исключая многодетных матерей), а в случае уклонения от работы привлекаться к ответственности и подвергаться порицанию» [13, л. 96].

Конечно, осуждение тунеядства, паразитического образа жизни соответствует моральным ценностям и современного общества. Однако в обсуждении гражданами этого вопроса проявляются некоторые специфические черты советской ментальности. Упор делался именно на меры принуждения. Граждане рассчитывали на властные меры со стороны государства, а не просто формирование в общественном сознании нетерпимости к праздности и тунеядству с помощью различных способов воспитания и пропаганды. Часто употреблялась формулировка «заставить работать» или даже «заставить работать силой», настаивали на введение юридической ответственности за уклонение от работы. Даже используется наиболее жесткая формулировка эпохи сталинизма в адрес неработающих – «враг народа». Также довольно жесткие формулировки использовал гражданин Н. А. Белоконов из Запорожья: «Их поголовно, независимо чей сын или дочь, заставить работать на благо Родины. Иначе они не имеют право дышать свежим воздухом, ходить по земле, кушать. Их надо всех взять на учет до единого, всех надо заставить трудиться насильно по закону» [19, л. 146]. Подобные идеи повторяются и в письмах граждан, которые писались уже значительно позже, то есть в период перестройки в 1989 г. Так, в письме гражданина Кузнецова, направленного на имя Б. Н. Ельцина, содержится требование: «Заставить всех работать. Мы столько содержим тунеядцев, бичей и др. нечисти, которая только потребляет, а ничего не производит» [9, л. 52]. А беспартийный рабочий предлагал наказывать не только уклоняющихся от трудовой деятельности, но и тех, кто этому способствует: «За укрывательство тунеядцев несет ответственность лицо, укрывавшее тунеядца, в виде штрафа 500 рублей» [7, л. 65].

Вторая специфическая черта, которая проявилась при обсуждении этого вопроса, – это особое отношение к физическому труду. Нельзя не одобрить практику внушения обществу мысли, что полезен любой труд, и на любой должности человек может работать творчески и с самоотдачей, что не может быть плохих профессий. В этом плане как очень грамотный шаг пропаганды можно оценить выход в 1962 г. на экраны кинокомедии «Королева бензоколонки», где представлена история девушки, которая волею случая, мечтая о карьере фигуристки, стала работницей обычной бензоколонки, но проявила очень большую активность и трудолюбие, смогла существенно повлиять на повышение качества обслуживания. Фильм ярко показывает, что работать с душой можно в любом месте. Актуальность данная картина не потеряла и в современные дни.

Однако советская пропаганда в первую очередь воспевала труд физический, то есть в поле, у станка, в забое, причем трудные условия работы (а то и опасные или антисанитарные) не должны служить препятствием, ибо они только закаляют человека. Стремление к комфорту как в быту, так и на работе не приветствовалось. Интеллектуальный труд или творческая деятельность замечались и пропагандировались гораздо меньше. Неслучайно героями фильмов в первую очередь становились рабочие фабрик и заводов, колхозники, строители. В фильме «Карьера Димы Горина» (реж. Ф. Довлатян, Л. Мирский, 1961 г.) главный герой Дима Горин работает в сберкассе, при этом его отличает аккуратность и даже скрупулезность. Однако настоящим советским человеком он формируется, когда попадает на строительство линии электропередач в Сибири. Фильм показывает, что только тяжелый труд, суровые условия труда и быта сделали из него настоящего человека. Неслучайно гражданка И. А. Паршина, переживая, что жены офицеров не работают, видит эту проблему именно через призму задачи убрать урожай, а не через призму нехватки инженеров на заводе или бухгалтеров в различных учреждениях. Автор письма даже не допустила мысли, что проводящие время на пляже женщины могут находиться в отпуске и работать, например, в школе, быть надомниками. Авторы писем были уверены, что уклоняющиеся от работы обязательно должны пополнять ряды занятых именно тяжелым физическим трудом: «Если такая статья будет принята, то люди будут вынуждены ехать осваивать целинные земли или на стройки».

Зато умственный труд в некоторых обращениях граждан явно недооценивался, воспринимался как довольно легкий, не заслуживающий серьезной оплаты. Тот же гражданин Лаптев, рассуждая о вечерних школах, утверждает, что в них должны бесплатно в качестве общественной нагрузки преподавать учителя обычных школ, как это делали учителя до революции: «А почему же теперь человек, носящий галстук и шляпу, обязательно должен запускать руку в кассу государства за такое благодеяние?» [4, л. 151].

Еще одна специфическая черта понимания труда в общественном сознании заключалась в отторжении труда индивидуального. Восхвалялся труд именно коллективный, то есть на государственном предприятии. Данная черта общественного сознания формировалась не один год. Конституция 1936 г. допускала индивидуальную трудовую деятельность.

При обсуждении Конституции в начале 1960-х еще неоднократно встречаются предложения укрепить положение такой категории работников, узаконить индивидуальный труд в сельском хозяйстве. Например, гражданин М. Рыжков предлагал такую формулировку статьи в Конституцию: «Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей, допускается законом частное хозяйство, как то: единоличных крестьян, кустарей, ремесленников, ателье, медицинских учреждений, основанных на соблюдении принципа социализма “от каждого по его способностям, каждому по его труду”» [14, л. 53]. Аналогичную формулировку предлагал и гражданин В. С. Козлов: «Наряду с социалистической системой хозяйства временно допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде, исключаящее эксплуатацию чужого труда, использование наемных работников и личную наживу» [14, л. 63]. Уже цитируемый Лаптев предлагал признать право кустарей самостоятельно реализовывать свою продукцию.

Однако уже в конце 1950-х годов государство все больше и больше наступало на частный труд. В общественное сознание внедрялась мысль, что тяжелый труд на колхозном поле достоин уважения, а вот такой же нелегкий труд на приусадебном участке должен вызывать совсем другие оценки. В 1960 году в журнале «Коммунист» была опубликована статья «Кто не работает, тот не ест!». В ней предлагалось обсудить, насколько соответствует моральному облику советского человека использование личных участков для получения прибыли, что было обозначено как нетрудовые доходы. Все было сделано очень грамотно: редакция вроде бы как открывала дискуссию, где каждый может высказать свое мнение. Однако публикации подлежали только письма, в которых высказывалась позиция, нужная для власти, то есть осуждение владельцев личных участков, которые выращивали овощи и фрукты на продажу [21, с. 76]. Даже комедийное кино вносило свою лепту в формирование отрицательного образа врача. Не случайно в фильме «Берегись автомобиля» (1966 г., реж. Э. Рязанов) тесть Димы Семицветова, отставной военный Сокол-Кружкин, выращивающий клубнику на своем участке, представлен как именно отрицательный персонаж. Его знаменитая фраза «Я торгую клубникой, выращенной собственными руками», приобретает комический характер.

Поэтому в ряде писем при обсуждении проекта Конституции в 1960-х гг. граждане демонстрируют довольно нетерпимое отношение к людям, которые пытаются улучшить собственное благосостояние за счет личной инициативы. Так, пенсионер из Одессы Петр Николаевич Секретарев писал: «Большое зло приносит стремление некоторой части населения к частной собственности и обогащению за счет нетрудовых доходов. <...> многие владельцы участков развели плантации клубники, с помидорами и фруктовыми садами, спекулируя на ранних урожаях с этих участков. Стыдно смотреть на этих стяжателей...» [5, л. 74]. Вполне логично, что подобные настроения еще более ярко проявились в период перестройки, когда граждане увидели реальную возможность сделать свой индивидуальный труд источником доходов. Конечно, отрицательное отношение к кооперативам, которое часто отражалось в письмах граждан, во многом было обосновано. Граждане вполне закономерно возмущались и плохим качеством предлагаемых товаров, и фактической подменой производства элементарной спекуляцией – некоторые кооперативы просто «доставали» дефицитный товар и перепродавали его с огромной наценкой. Однако некоторых людей в деятельности кооперативов в первую очередь возмущал их необщественный, «не советский» образ деятельности.

Многие авторы писем выражали недовольство именно тем, что кооператор работает на себя, а не на государственном предприятии или в колхозе. Так, рижские рабочие с тревогой писали Б. Н. Ельцину в 1990 г.: «Закон о собственности дает возможность бросить работу на заводе и на своей машине зарабатывать деньги, а завод нуждается в рабочих руках» [10, л. 62]. Этим же была обеспокоена читательница «Советской Кубани» Ленина, ей работа кооперативов виделась

сомнительной даже не в плане оценки качества их услуг, а именно в плане соотношения частного и общественного: «На заводах, фабриках, а также в сфере обслуживания, торговле (госторговле), медучреждениях нехватка рабочих и высшего, и низшего персонала. А в это время создаются кооперативы с привлечением рабочей силы (отток с государственных предприятий города). Разве это правильно?» [3, л. 136]. Автор убеждена, что работать в кооперативах должны только те, кто по уважительной причине может не работать на государственном предприятии (инвалиды, пенсионеры), а остальные – только в свободное от основной работы на государственном предприятии время. «Кто идет сегодня в кооперативы? Кто торгует на вокзалах (это же легче, чем у станка или у операционного стола)? Идут те, кто заинтересован в личном, но ничуть не думает об общественном!» – утверждает читательница. Почти слово в слово эту мысль повторяет еще один читатель этой газеты: «Всю молодежь выгнать с кооперативов на государственные предприятия» [3, л. 36об.]. Причем тут опять явно прослеживается идея принуждения как главного регулятора общественных отношений. Именно выгнать или обязать, а не стимулировать прийти на работу в государственный сектор.

Соответственно, советская идеология категорически не рассматривала труд как источник обогащения. Труд должен приносить благо, прежде всего, обществу, а благо самому трудящемуся является вторичным. Думать о личном обогащении считалось постыдным.

Поэтому в качестве яркой черты советского человека пропагандировался аскетизм, отказ от накопления материальных богатств. Стремление даже не просто к богатству, а порой к элементарному комфорту нередко вызывало осуждение в общественном сознании. Общественное мнение даже бралось судить о допустимости тех или иных трат у отдельного гражданина. В обращениях граждан по поводу новой Конституции в 1960-е годы это ярко видно. Одна гражданка с возмущением описывала, что видела, как домашнюю собачку кормили пломбиром: «Что это? Гадкая гадость и никак иначе! Разве может человек так глупо сорить трудовой копеечкой?» [13, л. 119].

В других письмах делаются уже более широкие выводы и предложения. Проблему равенства многие граждане понимали именно как равенство в благосостоянии: «Недопустимо, чтобы в стране, уверенно строящей коммунизм, одни были сынками, а другие пасынками, первые жили в богатстве, роскоши как высшее общество, а другие – кое-как» [4, л. 221]. Неоднократно авторы высказывали мысль, что надо сократить разницу в зарплатах и пенсиях, прийти к тому, чтобы все имели схожий уровень дохода. Относительно пенсий эмоции людей можно понять, так как на рубеже 1950–60 годов у некоторых людей пенсии были очень маленькие (иногда буквально 15 рублей), а некоторые ее не получали совсем (колхозникам она еще не начислялась). Однако подобные мысли высказывались и относительно зарплат. Например, житель Курской области Г. Д. Майданов утверждает, что все зарплаты в стране должны укладываться в «вилку» от 50 до 150 рублей. При этом он намекает, что более высокие зарплаты должны быть именно у представителей рабочего класса: «Уравнения не должно быть, но и не должно быть, когда основной трудящийся производитель всех наших ценностей в среднем получает от 50 до 75 рублей, а те, которые живут за счет их труда, получают в 5-25 раз больше» [17, л. 7]. Он же предлагает изъять дачи, машины, усадебные участки свыше 6 соток.

Установить единую для всех заработную плату предлагал и житель Могилевской области Ефим Кириллович Петроченко. Он доказывал, что весь труд надо оплачивать одинаково, так как стоимость товаров для всех одна: «Считаться с тем, что мой труд дороже, а его дешевле – это глупости...» [13, л. 144]. При этом автор ратует за ограничение права на личное имущество – надо запретить иметь в личной собственности дачи, дома, скот. Он уверен, что это заставит лучше работать всех на общее благо, так как все силы будут направлены именно на общее благо, а не на личное обогащение. Еще он выступает за конфискацию денежных накоплений: «У нас есть денежные магнаты в государстве, которых нужно раскулачить, то есть отнять их деньги и их имущество разделить поровну между всеми гражданами».

Похожие мысли высказывает и гражданин О. С. Торощин. Он выступает против права граждан иметь в собственности дачу и личную машину, предлагает отменить такой способ поощрения работников, как выплата денежных премий. Отличившихся он предлагает отмечать бесплатными билетами в театр, на самолеты и поезда, бесплатным питанием детей в школах. Более того, он настаивает, что у людей, которые смогли накопить большие суммы денег (более 50 тысяч), их накопления надо просто переводить в доход государства, а то они «начинают забывать, где они живут, баловать себя и детей недозволенной роскошью» [12, л. 39]. Аналогичные предложения появлялись в обращении граждан и в период перестройки. Логично, что мно-

гие требовали ликвидировать привилегии партийному и управленческому аппарату, специальные магазины, санатории и прочие блага, которые были мало доступны рядовому советскому человеку. Однако некоторые продолжали настаивать именно на поддержании низкого уровня доходов. Так, для Д. К. Зубковой в письме в редакцию газеты «Советская Кубань» социальная справедливость обозначала именно равенство в невысоком уровне доходов: «Давайте добиваться социальной справедливости конкретно – с понижения высоких зарплат спецам и ответственным работникам до среднего заработка рабочего» [1, л. 114об.].

В этом плане деятельность первых кооперативов вызывала возмущение не только продажей дефицита по завышенным ценам. Людей раздражал сам факт высоких доходов у ново-явленных капиталистов, даже если источником обогащения был честный труд по производству нужных людям услуг. 30 октября 1988 г. газета «Советская Кубань» опубликовала заметку «Дядя Гриша – миллионер», которая рассказывала об успешном фермере. Уровень его доходов был обозначен в заголовке. При этом герой публикации – Григорий Папазян – именно производил товар, а не перепродавал, он был успешным пасечником [25]. Однако, несмотря на это, в последующих номерах газеты появились письма от читателей, которых возмутил сам факт высоких доходов фермера. Письмо ветерана войны П. Овчаренко так и было озаглавлено «Я против такого обогащения!». Автор вопрошал: «Для чего же было пролито столько крови в революцию и Отечественную войну, неужели для того, чтобы отдельные Папазяны жили лучше, чем даже эксплуататоры при царе?» Чувства читательницы Михайловской также были выражены в заголовке «Что снова богатые и бедные?» [24].

Еще одной формой заботы об общественном благе в советском обществе считалась общественная работа. Советская мораль и идеология предписывали достойному члену общества вести общественную работу, которая имела место везде: в школах, вузах, на предприятиях. Формы этой общественной работы были различные – субботники, концерты самодеятельности, деятельность различных общественных организаций – от профсоюза до общества трезвости. Уклоняться от них считалось делом недостойным для строителя коммунистического общества. При обсуждении проекта Конституции в начале 1960-х годов гражданин Тарасов даже предложил ввести в Конституцию статью, которая закрепляла бы право заниматься общественной работой и, более того, предложил ее вписывать в трудовой паспорт, а то «в настоящий момент общественная работа никак не фиксируется и общественникам это очень обидно» [12, л. 3об.]. Конечно, сама идея бескорыстно помогать в решении общественно значимых вопросов весьма позитивна. Однако со временем общественная работа погрязла в рутине, формалистике, окутывалась различными планами и соревнованиями, теряя свой изначальный смысл и становясь самоцелью. Некоторые особо ретивые общественники вызывали раздражение у коллектива, так как выполнение общественной работы в рабочее время неизбежно накладывало на остальных обязанность работать за них. В еще одной очень талантливой комедии Э. Рязанова «Служебный роман» многим зрителям показался весьма знакомым персонаж Шурочки, которая, «кажется, числится в бухгалтерии», но все рабочее время тратит на общественную работу. Поэтому в период перестройки относительно общественной работы граждане выражали уже несколько иные мысли, чем в период оттепели. В письме в газету «Советская Кубань» в 1988 г. читательница требовала «ликвидировать общества, живущие за счет денег трудового народа. Это общество борьбы за трезвость, “Знание” и другие, перечень которых очень длинный. Ихние работники не ходят себе на работу и требуют отчеты с нижестоящих организаций, а мы, простые смертные, не успеваем сдавать взносы и писать никому не нужные отчеты» [2, л. 86об.].

Образ гражданина предполагает и мировоззренческую позицию. Если говорить о представлениях наших соотечественников относительно политических взглядов советского гражданина периода 1960-х гг., то они довольно монолитные и единодушные. Практически все авторы, которые затрагивали вопросы политики и идеологии, подчеркивали свою приверженность идеалам коммунизма. Во многих письмах коммунист выступает как олицетворение всего самого наилучшего в человеке. И именно от народа исходило требование закрепить в новой Конституции наличие в государстве марксистско-ленинской идеологии, официально оформить руководящую роль партии. Например, уже в цитируемом письме муромского учителя истории Абрамовича подчеркивалось: «Коммунистическая партия Советского Союза – ведущая сила Советского государства, она единственная народная партия народного государства» [11, л. 8]. Ветеран войны В. В. Покровский, который не ограничился отдельными предложениями, а прислал полный текст нового варианта Конституции, счел нужным вклю-

чить в раздел о политической системе страны следующую статью: «КПСС принадлежит ведущая роль в административном руководстве страной, как передовой части (авангарда) советского народа, как направляющей организацией, вдохновляющей силы советского общества» [12, л. 105]. Это же предлагал и гражданин М. Б. Тонконогий: «Марксистско-ленинское учение является научным мировоззрением Коммунистической партии и всего советского народа» [12, л. 29об.].

Конечно, эмоции этих людей понятны. Авторы подобных предложений не просто были коммунистами, но и зачастую стали ими в нелегкие военные или послевоенные годы. Например, автор проекта В. В. Покровский вступил в партию в 1943 г. будучи бойцом Советской Армии, когда быть коммунистом обозначало моральную обязанность не уклоняться от опасностей и трудностей. Партийные билеты нередко вручались в окопах на передовой или в цехе завода, с ними потом шли в атаку или вставали к станку на сверхурочную, чтобы обеспечить фронт боеприпасами.

Однако в последующие годы партия не просто сливалась с государственным аппаратом, но и вместе со всей государственной структурой все больше бюрократизировалась. Партийный билет все больше рассматривался как способ сделать карьеру, партийная элита все больше и больше отрывалась от народа, обрастая льготами и привилегиями. Неудивительно, что в период перестройки отношение к членству в партии стало мозаичным. Для многих членство в партии уже не выступало в качестве залога активной гражданской позиции, ответственности и порядочности. Гражданин Корнющенко в своем письме доказывал, что именно эта партия виновна в бедственном положении страны: «Итогом всех ее свершений и побед явился глубочайший кризис социализма (если можно вообще говорить о социализме в СССР» [9, л. 14]. Некоторые с возмущением воспринимали уже привычный лозунг, что партия объединяет наиболее сознательных и ответственных граждан: «Что же это, товарищи депутаты, получается, что если я беспартийный, то я уже автоматически и не передовой, и не наиболее сознательный и пр.?» Однако людей, для которых коммунист олицетворялся со всем лучшим в человеке, тоже было немало. Например, гражданин Семенов считал, что члены партии должны «вести за собой массы на основе личных примеров стойкости и мужества, аскетизма и скромности» [9, л. 8].

Еще более мозаично в общественном сознании оценивался такой элемент мировоззрения, как отношение к религии. Одним из бесспорных достижений советской власти было отделение церкви от государства и провозглашение свободы совести. Формально все советские Конституции это право прописывали. Относительно него в письмах оттепели высказываются различные мнения.

Естественно, поступали письма от верующих, которые требовали не ограничивать их в правах и относиться к их взглядам с уважением. В ряде писем право верить признается наряду с другими правами. Например, в уже цитируемом проекте Лаптева фактически полностью приведена 124 статья Конституции 1936 г.: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа – от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Муромский учитель истории Абрамович даже несколько расширил права граждан в этом вопросе, предложив следующую формулировку, подчеркивающую равенство верующих и неверующих: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды без оскорбления религиозных чувств верующих трудящихся признается за всеми гражданами» [11, л. 32].

Однако были противоположные мнения. Целый ряд авторов выступал очень категорично – советский гражданин должен быть атеистом. Примерно в одинаковых фразах в письмах от гражданина Агапова из города Андиган, В. М. Пойченко из Симферополя и анонимного автора содержатся утверждения, что в новой редакции Конституции надо изъять право человека на религию как реакционную, тормозящую общество идти вперед. «Практика показывает, что существующие религиозные учреждения на территории СССР извращают молодежь, ведут агитацию против науки, иногда и советской власти, проводят политику, идущую вразрез законодательству нашего государства, имеют связи за границей», – утверждал Агапов, а Пойченко призывал объявить верующих государственными преступниками [11, л. 60]. Товарищ Мусин предложил лишать родителей родительских прав за приобщение детей к религии [13, л. 48]. Москвич Нирод был настроен менее радикально, он утверждал, что не против религии, но считает необходимым прописать в Конституции запрет на деятельность различ-

ных сект, сопоставляя их с фашизмом и называя «до мозга костей лицемерием и подлым явлением» [13, л. 73].

В годы перестройки на XIX партийной конференции было заявлено о недопустимости нарушения прав верующих. Это стало сигналом к активизации церковной жизни, храмы и монастыри стали возвращаться верующим, служители культа стали появляться на общественных мероприятиях и даже некоторое время избирались в депутаты. И опять мнение граждан разделилось. Одни упрекали власть за слишком большое внимание к церковной жизни, приравнивали смену курса в этом вопросе к предательству. Для других принадлежность к вере стала выступать признаком высоких нравственных идеалов, и с этой целью призывали ускорить процесс возвращения храмов, утверждая, что это будет содействовать нравственному возрождению людей, голос священнослужителей стал выступать в глазах некоторых людей как источник сокровенной истины. «Особенно прошу Вас не забыть, что Россия – особая страна. Здесь нельзя уповать только на экономические расчеты. Нам нужно духовное возрождение и нужно принять во внимание мнение священнослужителей (в том числе и депутатов)», – настаивал Алексей Мельник, рассуждая об экономическом возрождении страны [6, л. 41]. Надо отметить довольно нетерпимый характер высказываний: каждая сторона писала с убеждением, что только ее точка зрения является верной, а противоположная позиция недопустима.

Таким образом, анализ писем двух эпох показал, что в советские годы сложился довольно яркий портрет образцового советского гражданина: человек, который много трудится на благо общества, ставит личные интересы ниже общественных, не стремится к накоплению материальных благ, готов обходиться малым. При этом выявились и некоторые другие особенности ментальных установок: восприятие принуждения как универсального способа управления, нетерпимость к альтернативной точке зрения.

Ментальные особенности, сложившиеся в советский период, не могут игнорироваться, и в то же время нельзя не признать, что многие из них актуальны и востребованы в современные дни. Конечно, сейчас нельзя говорить об обязательном признании одной политической идеологии или единообразия в вопросе свободы совести. Демократическое общество допускает свободный выбор каждого гражданина в этих вопросах. Вряд ли современное общество примет идеи аскетизма и воздержания от приобретения материальных ценностей.

Однако идея служения обществу актуальна во все времена. Бессмысленно говорить, что все ценности советского общества были ошибочны и должны кануть в историю. Советская идеология во многом опиралась на общечеловеческие ценности, которые будут актуальны при любой политической и экономической системе. Однако если в советское время личное и общественное противопоставлялось, то в современные дни необходим синтез ценности частных и общественных интересов. В этом плане ценность созидательного труда должна занять достойное место и в современной системе ценностей. Хотя, бесспорно, должны быть пересмотрены механизмы формирования такого отношения в сознании подрастающего поколения. В современные дни ставка не может делаться на механизмы принуждения, формула «заставить всех работать» уже устарела. Обществу и власти нужно научиться в полной мере использовать другие механизмы воздействия на сознание людей.

Список литературы

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1811. Оп. 1. Д. 21.
2. ГА КК. Ф. Р-1811. Оп. 1. Д. 22.
3. ГА КК. Ф. Р-1811. Оп. 1. Д. 3.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 327.
5. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 329.
6. ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 78.
7. ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 53.
9. ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 73.
10. ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 54.
11. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 324.
12. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 344.
13. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 328.
14. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 323.
15. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 324.
16. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 334.
17. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 340.

19. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 346.
20. Даренская И. В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920–30-е гг. // Вопросы всеобщей истории. 2013. С. 31–36.
21. Попова О. Д. «Кто не работает, тот не ест?» Советская пропаганда и формирование отношения к собственности у граждан в 1960-е годы (по материалам «писем во власть») // Вестник Рязанского государственного университета имени С. Есенина. 2018. № 3. С. 68–79.
22. Попова О. Д. «Правительство живет при коммунизме, а мы в нищете...»: мысли и думы советского народа накануне 50-летия Октября // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 127–135.
23. Рожков А. Ю., Мамонтова О. А. Письма «во власть» как исторический источник изучения социальных проблем студенчества советской России 1920-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1. С. 85–93.
24. Советская Кубань. 1988. 20 ноября.
25. Советская Кубань. 1988. 30 октября.
26. Тихомирова А. А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «Я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 138–158.

"Must be a citizen!" (Evolution of ideas about social activity in the mental attitudes of Soviet citizens)

A. D. Popova

Doctor of Historical Sciences, professor, Ryazan State University n. a. S. A. Yesenin.
Russia, Ryazan. E-mail: a.d.popova@mail.ru

Abstract. In the article, the author examines the mental attitudes of the Soviet society through the prism of the perception of civil duties, ideas about the proper behavior of an exemplary Soviet citizen, which is relevant in the light of the formation of civil society in modern days. It is impossible to create a civil society without forming ideas in society about the proper behavior and duties of a citizen to society. The author traces the problem in two aspects: the formation of appropriate attitudes through mass art and propaganda by the authorities, and the reaction of public consciousness. To identify the first aspect, we used feature films and publications in the periodical press, and to analyze the second aspect, we considered citizens' appeals to the authorities for different years. The author comes to the conclusion that the main features of an exemplary citizen were a conscientious attitude to work and social work, asceticism, and the priority of public interest over personal interests. At the same time, the analysis of the letters revealed that some very positive and relevant ideas of mass consciousness in modern days (respect for work, the ability to take into account the needs of society) are combined with some specific attitudes of the Soviet society – a commitment to coercion as the main form of government, a weak respect for alternative points of view.

Keywords: civil consciousness, civil society, social responsibility, duties, public good, mental attitudes.

References

1. State archive of the Krasnodar territory (SA KT). F. R-1811. Inv. 1. File 21.
2. SA KT. F. R-1811. Inv. 1. File 22.
3. SA KT. F. R-1811. Inv. 1. File 3.
4. State archive of the Russian Federation. F. P-7523. Inv. 131. File 327.
5. SARF. F. P-7523. Inv. 131. File 329.
6. SARF. F. A-664. Inv. 1. File 78.
7. SARF. F. A-664. Inv. 1. File 53.
9. SARF. F. A-664. Inv. 1 File 73.
10. SARF. F. A-664. Inv. 1. File 54.
11. SARF. F. R-7523, Inv. 131 File 324.
12. SARF. F. R-7523, Inv. 131. File 344.
13. SARF. F. P-7523. Inv. 131. File 328.
14. SARF. F. P-7523. Inv. 131. File 323.
15. SARF. F. P-7523. Inv. 131. File 324.
16. SARF. F. R-7523. Inv. 131. File 334.
17. SARF. F. R-7523. Inv. 131. File 340.
19. SARF. F. R-7523. Inv. 131. File 346.
20. Darenskaya I. V. "Pis'ma vo vlast'" kak istochnik analiza otnoshenij vlasti i obshchestva v 1920–30-e gg. ["Letters to authorities" as a source of analysis of the relations of power and society in the 1920–30s.] // *Voprosy vseobshchej istorii* – Questions of universal history. 2013. Pp. 31–36.

21. Popova O. D. "Kto ne rabotaet, tot ne est?" Sovetskaya propaganda i formirovanie otnosheniya k sobstvennosti u grazhdan v 1960-e gody (po materialam "pisem vo vlast") ["Who doesn't work, doesn't eat?" Soviet propaganda and the formation of attitudes to property among citizens in the 1960s (based on the materials of "letters to the authorities")] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. Esenina* – Herald of the Ryazan State University n. a. S. V. Yesenin. 2018. No. 3. Pp. 68–79.

22. Popova O. D. "Pravitel'stvo zhivet pri kommunizme, a my v nishchete...": mysli i dumy sovetskogo naroda nakanune 50-letiya Oktyabrya ["The Government lives under communism, and we are in poverty...": thoughts of the Soviet people on the eve of the 50th anniversary of October] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* – Ural historical herald. 2017. No. 3 (56). Pp. 127–135.

23. Rozhkov A. Yu., Mamontova O. A. Pis'ma "vo vlast'" kak istoricheskij istochnik izucheniya social'nyh problem studenchestva sovetskoj Rossii 1920-h gg. [Letters "to the authorities" as a historical source for studying social problems of students in Soviet Russia in the 1920s] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* – Society: philosophy, history, culture. 2019. No. 1. Pp. 85–93.

24. *Sovetskaya Kuban'* – Soviet Kuban. 1988. November 20.

25. *Sovetskaya Kuban'* – Soviet Kuban. 1988. October 30.

26. Tihomirova A. A. Zasluzhit', opravdat' i vernut' doverie partii: sovetskoe "Ya" v pis'mah vo vlast' v rannej sovetskoj Rossii [To earn, justify and restore the party's trust: the Soviet "I" in letters to authorities in early Soviet Russia] // *Novejshaya istoriya Rossii* – Modern history of Russia. 2017. No. 3. Pp. 138–158.

Путешествия туристов-иностранцев по территории Вятской губернии в конце XIX – начале XX века

А. С. Касанов

кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и управления персоналом,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: kasanov@rambler.ru

Аннотация. Один из актуальных трендов в сфере современного туризма в субъектах РФ в целом и Кировской области в частности – это привлечение турпотока путешественников-иностранцев. В этой связи уместно обратиться к истории и рассмотреть феномен посещения туристами из зарубежных стран нашего региона в дореволюционный период. Актуальность темы также обуславливается тем, что она еще не становилась объектом изучения историков, в фокусе внимания которых до сих пор был лишь ряд узких тем, связанных с личностью тех или иных туристов-иностранцев. Целью данной статьи стал анализ и обобщение сведений о посещениях Вятской губернии разного рода иностранцами-туристами на рубеже XIX–XX вв. В результате проведенного исследования зафиксировано сразу несколько групп иностранных туристов, посетивших Вятку на рубеже веков: 1) индивидуальные путешественники; 2) участники автомобильных и прочих пробегов и турне; 3) студенты-туристы; 4) дипломаты. В статье фундаментально изучены поездки туристов в Вятскую губернию, систематизированы факты пребывания путешественников-иностранцев на территории региона, изучены их взаимоотношения с местной администрацией. Большое внимание уделено тем сведениям, которые иностранные туристы оставили о дореволюционной Вятке. В статье приведен анализ сообщений иностранных путешественников о городах Вятской губернии, сфере народных промыслов, инфраструктуры и экономики, состоянии развития городского и земского самоуправления, культурной среды. Сведения, изложенные в данной статье, могут войти в монографию по истории туризма в Вятской губернии в дореволюционный период, а также стать частью лекционного и семинарского курса по предмету «История туризма», изучаемого на кафедре туризма и управления персоналом ВятГУ.

Ключевые слова: иностранцы, туристы, путешественники, автопробег, инфраструктура, Вятская губерния.

Рост интереса к туризму в областных центрах и малых городах России в последние годы привел к ревизии старых практик в данной сфере. Одно из перспективных направлений для индустрии регионального туризма в настоящее время – это привлечение турпотока иностранных путешественников, чей интерес к России и ее культуре, искусству, градостроительству после распада СССР значительно вырос. Однако путешественников-иностранцев в наше время нельзя считать частыми гостями в Кировской области, они составляют минимальный процент среди туристов в общем объеме турпотока региона. По данным областного Центра развития туризма, в 2019 г. среди 300 тысяч туристов, которые посетили регион, лишь около 5 тысяч являлись иностранцами.

В то же время в конце XIX – начале XX века сразу несколько десятков совершенно разных туристов-иностранцев с различными целями побывали на территории Вятской губернии. Некоторые из них были весьма именитыми и оставили довольно важные свидетельства своего пребывания в Вятско-Камском регионе – как письменные, так даже в виде фото. Путевые заметки и воспоминания туристов из разных стран мира, помимо всего прочего, дают нам возможность создать картину состояния индустрии гостеприимства, туризма и сервиса на территории Вятской губернии в дореволюционный период.

Целью данного исследования стал поиск, анализ и систематизация сведений о пребывании на территории Вятской губернии различного рода иностранных путешественников на рубеже XIX–XX веков.

К первой группе туристов из-за пределов России мы отнесли путешественников-одиночек. Самый известный представитель данного направления, побывавший в рассматриваемый хронологический период на территории Вятской губернии, – именитый норвежский исследователь Арктики Фритъоф Нансен. В 1913 году он совершал очередное путешествие: Северным Ледовитым океаном на грузовом пароходе «Коррект» Нансен прошел от берегов

Норвегии до устья Енисея. Оттуда по реке поднялся до Енисейска, потом на тарантасе добрался до Красноярска, далее по Транссибирской железнодорожной магистрали до Владивостока, затем через всю Сибирь по железной дороге доехал до Петербурга и оттуда вернулся в Норвегию.

В 1915 г. в Петрограде вышла в свет в переводе на русский язык книга Нансена «В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море». В этом труде он упоминает Вятскую губернию, называя ее «одной из лучших губерний России в смысле порядка и общего развития». Также автор монографии пишет о своей кратковременной остановке в Вятке на пути в Петербург: «Суббота, 25 октября. <...> Перевалили через Урал и снова очутились в Европе. <...> Около полудня прибыли в Вятку, известный центр оригинальной отрасли крестьянского кустарного труда – изделий из дерева и коры. Просто невероятно, какие интересные вещицы мастерятся здесь из березового дерева и корней и продаются по баснословно низким ценам. В лавке на станции большой выбор этих кустарных изделий. Население Вятской губернии, как и Пермской, отличается предприимчивым и свободлюбивым духом. Крупных помещиков здесь нет, но зато есть земство и городское самоуправление, и говорят, что эти губернии зажиточнее и культурнее, чем более консервативные соседние, например, Вологодская...» [13, с. 124].

Рассуждая о настоящих жителях Сибири, Нансен указывает, что они все чаще выступают за введение в сельских местностях общественного самоуправления, которое бы занималось постройкой дорог, образованием, просвещением, то есть тем, чем в центральных губерниях ведали земские органы [8, с. 10]. В качестве аргумента сторонники таких взглядов, по словам Нансена, нередко приводили в пример Вятскую губернию, где подобное самоуправление было хорошо развито.

Еще один путешественник, которого мы можем отнести к данному направлению, – это японец Фукусима Ясумаса. В конце XIX в. японский полковник путешествовал на лошади из Германии в Японию и пересек, помимо других регионов России, и территории Вятской губернии. 504 дня понадобилось японцу, чтобы, преодолев путь почти в 14 тыс. 200 км, добраться до Токио. Фукусима описал свое путешествие в серии очерков, печатавшихся в газете «Окаса Асахи Симбун», в дальнейшем путевые записки вошли в книгу «Поход одинокого наездника от Берлина до Токио», которая вышла в свет в 1918 г. На русский язык этот труд был частично переведен только в 2014 г. при посредничестве Кировского краеведа В. К. Семибратова [12, с. 98].

Фукусима стал свидетелем трагических событий в деревнях Вятской губернии на фоне голода от неурожая, постигшего европейскую часть России в 1891–1892 гг. По воспоминаниям японского путешественника, находиться в Казанской и Вятской губернии в то время было опасно из-за банд разбойников, возникших в голодные годы. Поэтому в деревнях путешественника встречали и провожали полицейские, деревенские старосты, десятники и прочие чиновники.

Помимо сферы безопасности, Ясумаса отмечает гостеприимство вятчан и их доброе отношение к туристу. В городах Вятской губернии путнику оказывали всевозможные знаки внимания, например, в Малмыже японца встретил местный судья и чиновники, которые затем добропорядочно угостили проголодавшегося Фукусиму напитками и мясом. В селе Селты гостеприимство было еще более теплым: помимо различных блюд из мяса и рыбы, путешественнику предложили совершить прогулку по озеру на лодке, что позитивно сказалось на его здоровье, учитывая труднопереносимую в дороге жару. Помимо этого, японский турист увидел в Вятской губернии крупные пожары и активно жаловался на нашествие ранее неизвестных ему насекомых.

Отдельную группу туристов-иностранцев составляли участники модных в начале прошлого века автопробегов. По территории Вятской губернии в 1907 г. прошел первый в мире трансконтинентальный автопробег Пекин – Париж [9, с. 13]. 27 мая 1907 г. автолюбители выехали из Пекина. Всего в пробеге участвовало шесть бригад автотуристов из Франции, Голландии и Италии. Самым именитым был итальянский экипаж на моторе «Италия» в 28 лошадиных сил, который возглавлял принц Сципион Боргезе, путешествовавший с журналистом Луиджи Барзини и механиком Гектором Гаиццарди. Награда победителям была учреждена в 100 000 франков.

Автогонщики должны были преодолеть порядка 16 тыс. км, причем 13 тысяч приходилось на территорию России. Зная о русском бездорожье, участники автопробега решили ехать прямо по путям Транссибирской железной дороги. Железнодорожное начальство прикрепило к итальянцам жандарма со специальным красным флагом, чтобы семафорить им при при-

ближении поезда. Но предосторожности не всегда помогали: однажды на перегоне в колонну едва не врезался паровоз товарного состава. После этого случая руководство Транссиба официально включило пробег в расписание следования поездов на перегонах. Но из-за того, что двигаться на автомобиле по шпалам было довольно мучительно, автолюбители решили свернуть на Сибирский тракт. Главным препятствием для автомобилей стали многочисленные мосты, пребывавшие в крайне ветхом состоянии. Чтобы перебираться через некоторые, приходилось разбирать автомобили – для облегчения конструкции. Иногда нужно было перекакивать мосты на скорости, но однажды гнилой настил моста подломился под задними колесами и машина «Италия» упала. К счастью, при падении автомобиль зацепился за выступающее бревно и повис, а пассажиры, сидевшие на передних сиденьях, плюхнулись в реку, получив ссадины и ушибы. Меньше повезло журналисту Барзини, застрявшему на заднем сиденье: на него хлынуло горячее масло из двигателя. У самого же автомобиля пострадало только левое заднее колесо, что впоследствии доставило путешественникам немало хлопот.

Среди городов, находившихся на пути автопробега, оказались Малмыж и Елабуга – уездные центры Вятской губернии. Губернатор С. Д. Горчаков вынужден был серьезно подготовиться к встрече иностранных автолюбителей, так как 27 апреля 1907 г. из департамента полиции Министерства внутренних дел пришло сообщение о том, что организатор автопробега газета «Ле Матэн» во время Русско-японской войны занималась тайной разведкой по соглашению с японским правительством. Департамент полиции просил губернские власти проследить, чтобы иностранные автомобилисты «не производили никаких разведок и фотографирований в местах, имеющих стратегическое значение» [14, л. 7–7об.].

24 июля лидер автопробега – экипаж Боргезе – прибыл в Елабугу, о чем губернатору С. Д. Горчакову сообщил в телеграмме уездный исправник. На следующий день итальянский автогонщик-турист уехал в Казань, а уже 27 июля его экипаж добрался до Москвы. 10 августа 1907 года, после 60 дней путешествия, машина Боргезе первой прибыла во французскую столицу. Остальные участники добрались до Парижа только на 81-е сутки, а месье Огюст Понс на своей трехколесной машинке вообще не сумел финишировать: его Contal застрял в песках пустыни Гоби и не смог продолжить гонку.

О подробностях пребывания иностранных автогонщиков-туристов в Вятской губернии до последнего времени ничего не было известно. Хотя свидетельства автопробега по вятским землям представлены в книге участника автогонки Луиджи Барзини «Pekin to Paris: an account of Prince Borghese's journey across two continents in a motor-car», но этот труд до сих пор в полном объеме не переведен на русский язык, и только в 2018 г. елабужский краевед А. Н. Иванов опубликовал часть переведенных фрагментов, относившихся к путешествию по Вятской губернии [6, с. 67–76].

Иванов в своем исследовании указывает, что в книге Барзини Елабуга ни разу не упомянута. Это, по мнению историка, позволяет сделать вывод о том, что «ничего интересного с участниками экипажа в Елабуге не произошло, а потому и освещать заезд в очередной город для очередной ночевки не имело смысла» [6, с. 68].

Другой вятский город – Малмыж – Барзини удостоил в книге довольно подробным описанием: «Мы приезжали мало-помалу в более процветающие и более красивые области. Пейзажи сменялись, но, увы, дорога лучше не становилась. Мы проезжали Малмыж – тот самый Малмыж, который мы наивно надеялись достичь в тот же день, когда мы покинули Пермь – маленький городок рядом с рекой Вятка, который, когда вы его пересечете в спешке, выглядит, как будто здесь были заселены только десяток чиновников, два химика и двое полицейских. Жизнь не могла быть очень радостной в Малмыже. Дорога становилась все хуже, или нам это казалось, потому что у нас увеличилась чувствительность к неровностям земли из-за состояния наших рессор. Мы передвигались медленно, предпочитая травянистый путь. Непохожие во всех отношениях татары и славяне, во взглядах и характерах, одни светлые, другие темные, светлые в основном высокие, а темные – маленькие, но все они похожи в одной точке – в их терпимости» [6, с. 74]. Барзини в своих записках неоднократно сетует на бездорожье в Вятской губернии, что особенно контрастно выглядит при сравнении с Казанской губернией, где путешественники обнаружили дорогу, вымощенную в европейском стиле, настолько удобную для проезда, что итальянцы сравнили ее даже с благоустроенными китайскими трассами.

В 1908 г. по Вятской губернии проехали участники еще одного автопробега, на этот раз автогонщики-путешественники ехали по маршруту Нью-Йорк – Париж. Соревновались шесть машин, экипажи которых представляли четыре страны: Германию, Францию, Италию и США

[16, с. 39]. Поскольку организатором мероприятия опять стала «неблагонадежная» газета «*Ле Матэн*», то и в этот раз Министерство внутренних дел просило губернатора уведомить уездных исправников, чтобы они снова не допустили фотофиксации со стороны иностранцев стратегически важных объектов [15, л. 1]. В то же время местные власти просили оказать путешественникам всяческое содействие. Известно, что автотуристы побывали в городе Малмыже, который на рубеже XIX–XX веков неоднократно принимал иностранных туристов. Один из первых случаев отмечен 28 мая 1896 г., когда через Малмыж проехал путешественник Джефферсон, который отправился на велосипеде из Лондона в Иркутск.

В отдельную категорию путешественников-иностранцев входили европейские студенты. Сразу несколько подобных молодых людей в начале XX в. посетили Вятку. Так, 16 марта 1912 г. в губернском центре побывал румынский студент-юрист Парижского университета Базен Ионеско. Его история нетривиальна: молодой человек из-за пари в 40 тысяч франков согласился пройти пешком за 6 лет весь земной шар. Он вышел из Парижа 4 ноября 1907 г. и уже пять лет странствовал по миру. Из Вятки студент-путешественник отправился в Пермь. Газетная хроника указала, что в нашем городе Ионеско посетил городскую думу, однако в документах данного органа, чьи заседания как раз проходили 14 и 15 марта, упоминаний о путешественнике не встречается.

В следующем, 1913 г., Вятку посетили еще два студента-странника. В ноябре в город прибыли румынский студент Фердинанд Лейбо с другом. Они совершали кругосветное путешествие, Лейбо вышел из Бухареста 24 июля 1912 г., а его коллега присоединился к экспедиции чуть позже. Пресса сообщала, что странники, чтобы получить деньги на продолжение своего турне, продавали открытки со своими изображениями, которые публика охотно покупала [10, с. 68–69]. Еще через год точно такой же метод сбора средств использовал болгарский путешественник Николай Александров, который решил за 6 лет «обойти весь свет». Он по образованию был агрономом, поэтому в пути еще и читал лекции на естественнонаучные темы [2, с. 3].

О том, как проводили время в Вятке и других городах губернии путешественники-иностранцы, известно мало. Однако все возможности для разного рода досуга были. Так, среди посетителей Трифонового музея вятской учено-архивной комиссии в 1913 г. отмечен один французский турист из Парижа [1, с. 20]. Интересно, что в деревне Мураши в 1910 г. были замечены иностранные туристы-охотники. Двое европейцев прибыли в Орловский уезд для охоты на медведей, но уехали, так никого и не убив.

Еще одну группу иностранцев-туристов составляли дипломаты. Сразу несколько подобных путешественников оказались в губернии на рубеже XIX–XX вв. 24–29 июня 1895 г. в Елабуге побывал министр народного просвещения Франции виконт де Кювервилль. Спустя пять лет по губернии путешествовал персидский консул генерал А. Юссен.

Большое количество дипломатов из США посетило Вятскую губернию после начала Первой мировой войны. В 1915 г. с официальным визитом в Вятскую губернию прибыл второй секретарь посольства США в Петрограде Фредерик Августин Стерлинг. Официальной целью его визита являлось обследование условий содержания интернированных в Вятскую губернию подданных Германии и Австро-Венгрии. Визит продолжался с 17 августа по 15 сентября, по итогам которого Ф. А. Стерлинг подготовил развернутый и обстоятельный доклад на имя посла США в России Джорджа Томаса Мари. За время поездки Стерлинг и его коллеги-дипломаты посетили 19 городов, сел и деревень, в которых размещалось 2453 интернированных лиц из 6000 находящихся, по информации Стерлинга, в Вятской губернии.

В феврале и марте 1916 г. представители посольства США еще раз приезжали в губернию с целью оказания денежной и продовольственной помощи, раздачи одежды интернированным. По мнению историка С. И. Гурьяновой, такие приезды американских дипломатов не только помогали интернированным немцам и австрийцам, но и наносили им вред [4, с. 71]. В подтверждение данной точки зрения Гурьянова приводит ситуацию, сложившуюся в 1915 г. на Белохолуницком заводе в Слободском уезде. Здесь Стерлинг в августе 1915 г. выслушал жалобы ряда австрийских подданных, принял их требования и заявления. Но после отъезда дипломата, когда ажиотаж спал, трое активных «жалобщиков» (Гетце, Кламбек, Шмидт) были высланы в отдаленные селения. И в данном, и в ряде других случаев можно отметить довольно прохладное отношение местных чиновников к иностранным дипломатам.

Помимо американцев, довольно активно по Вяткой губернии в годы Первой мировой войны передвигалась миссия общества Красного Креста Швеции. В ее задачи входило наблюдение за выполнением Россией Женевской конвенции, инспектирование положения немецких во-

еннопленных и военнообязанных, перевод им пожертвованных частыми лицами денежных сумм, раздача одежды и подарков и т. д. Первым в подобное путешествие по губернии отправился в конце лета шведский пастор Вильгельм Сарве. Он побывал в Вятке, Орлове, Малмыже, Сарапуле, Слободском, Уржуме. В следующем году Сарве стал главой представительства шведского Красного Креста в Вятке. Вместе с ним в губернию прибыли уполномоченные общественной организации Карл Альберт Дамгрэн, Сигур Фурнгорд, Карл Раш, Гюго Клеберг, Кнют Лумберг. Все они активно передвигались по губернии и раздавали предметы первой необходимости (подарки) германским подданным, находившимся в лагерях и лазаретах. За уполномоченными полицией было установлено негласное наблюдение. Также в течение Первой мировой войны из Петрограда в Вятку неоднократно приезжали инспекторские комиссии и члены иностранных (преимущественно шведы) делегаций, которые совершали поездки в уезды.

При взаимодействии иностранных дипломатов и вятских чиновников зачастую возникали конфликтные ситуации. Так, глава шведского представительства миссии Красного Креста в Вятке Магнус Магнуссон из-за различий в этикете разных стран испортил отношения с комиссаром временного правительства в Вятской губернии и его помощниками. Один из них, Василий Трейтер, сообщал в докладной записке руководителю о поведении Магнуссона так: «По принятой во всех культурных государствах традиции, визиты представителям местной власти всегда делаются в первую очередь и, кроме того, при официальном представлении принята по той же традиции и известная форма костюма – должностные лица являются в установленной форме, лица же, коим форма не присвоена, – в черном сюртуке. К моему удивлению, господин представитель шведской миссии для представления мне явился в домашнем летнем костюме, но, не будучи в состоянии владеть русским языком, пригласил с собой в качестве переводчика лицо враждебной России державы... Покорнейше прошу обратиться к посольству Швеции с категорическим требованием, чтобы делегаты шведской миссии были строго инструктированы в отношении с представителями местной власти» [11, с. 245]. В итоге шведское посольство отозвало Магнуссона из Вятки и назначило нового делегата – Торстена Бергендаля. Он по образованию был философом и смог наладить хорошие отношения с местной администрацией. Шведская миссия в губернии проработала до весны 1918 г.

Важен был приезд в Вятскую губернию в 1917 г. американского дипломата и фотографа Джеймса Максвела Прингла. Он находился в России по поручению National City Bank of New York, скорее всего, был служащим российского филиала. Прингл прибыл в Россию зимой-весной 1917 г. и, помимо исполнения своих прямых обязанностей американец, увлекавшийся фотографией, делал снимки тех городов, в которых бывал по делам службы. Он запечатлел как столичную, так и провинциальную жизнь в эпоху революции, составив из фото целый альбом.

Сотрудники иностранных дипломатических и коммерческих миссий в России начала 1917 г. вряд ли могли знать, что станут очевидцами двух революций. Граждане стран Антанты весь 1917 г. находились в Петрограде. Даже свержение временного правительства, поставившее посольства в условия пребывания в непризнанном большевистском государстве без гарантий безопасности, не могли заставить их вернуться в свои страны. Провал мирных переговоров в Брест-Литовске и стремительное наступление немецких войск на Петроград ставило под угрозу безопасность подданных стран Антанты. Угроза оказаться в плену у немцев заставила многочисленный контингент иностранцев, от простых служащих до крупных предпринимателей и членов посольств, покинуть столицу. Так, Джеймс Прингл отправляется в большое путешествие по России, в ходе которого он и сделал действительно необычные снимки.

Вместе с большей частью американцев Прингл отбыл в марте 1917 г. из Петрограда и оказался на станции Верещагино в Пермской губернии. Примечательно, что поезд проехал мимо Вологды, где Принглу и некоторым другим служащим американских миссий надлежало сойти. Смогли высадиться они только под Вяткой и, отправившись в Вологду, присоединились к дипломатическому авангарду. В Вологде Прингл провел непродолжительное время и через Сибирь отправился на Дальний Восток, откуда и покинул Россию.

Прингл побывал вместе со своим фотоаппаратом в Вятке. Известны несколько снимков, которые он сделал в губернском центре. На одном из них американский дипломат запечатлел колокольню Покровского собора и силуэты людей, на заднем плане фото четко угадываются очертания собора Александра Невского и чуть левее в кадре – Донской (Стефановской) церкви. Дискуссию до сих пор вызывает принадлежность еще одного «вятского» фото. Историки Н. А. Дидковская и К. А. Быков считают, что на нем изображено здание казенного винного склада в Вологде. Однако ряд экспертов оспаривают приписку снимка к Вологде, утверждая,

что на самом деле здесь запечатлен вокзал Вятки, а Прингл ошибся. Действительно, можно констатировать, что между зданием на фото и дореволюционным видом вокзала «Вятка Пермская» (сейчас известен как Киров-2, или Киров-Котласский) имеется определенное сходство. В то же время последний снимок весьма важен в контексте всего фотонаследия Прингла. Дидковская и Быков считают, что конная повозка на фоне загадочного дома – это символ движения, чуть позже на снимках появляется новый, более скоростной символ – поезд [5, с. 234]. В целом же фотоальбом Джеймса Прингла пока малоизучен, он открылся научному сообществу совсем недавно, попав в архив библиотеки конгресса США.

К последней группе иностранцев-путешественников также можно отнести и деловых туристов, посещавших города Вятской губернии с торговыми миссиями. Так, в 1897 г. Вятку посетил командированный шведским и норвежскими правительственными структурами чиновник Фаллсен. Его миссия заключалась в «изучении импорта и экспорта северной части империи в Норвегию» [7, с. 3].

Таким образом, необходимо констатировать, что в Вятской губернии в конце XIX – начале XX века иностранные путешественники были довольно частыми гостями. Отчасти этому способствовало географическое расположение губернии как некоего форпоста на пути из Европы в Азию. Катализатором увеличения потока туристов-иностранцев стал также ввод в эксплуатацию Транссибирской железнодорожной магистрали, частью опорных пунктов которой стал Петербургский вокзал нашего города.

Мы можем выделить сразу несколько групп иностранных туристов, посетивших Вятку: 1) индивидуальные путешественники; 2) участники автомобильных и прочих пробегов и турне; 3) студенты-туристы; 4) дипломаты. Все они были представителями разных социальных групп и имели абсолютно различные финансовые ресурсы и мотивацию для путешествий. Среди государств, чьи граждане в рассматриваемый период побывали в Вятке, можно выделить представителей Европейских стран, а также туристов из США, Японии и Персии.

Иностранные туристы оставили ряд интересных сведений о дореволюционной Вятке: ее сфере народных промыслов, инфраструктуры и экономики, о состоянии и развитии городского и земского самоуправления, культурной среды. Часть из них носит негативный характер, например, редкие воспоминания иностранцев обходятся без критики дорог в губернии. При этом можно встретить ряд впечатлений вполне лестного характера – это сведения о развитии вятских городов, самоуправлении и земских органах, толерантном и любезном отношении местных жителей к иностранцам-туристам.

Благодаря запискам и мемуарам путешественников мы знаем, что взаимоотношения иностранных туристов и местной администрации были неоднозначные. С одной стороны, чиновники помогали перемещаться по региону и были гарантами безопасности на своей территории. Но при этом руководство губернии достаточно настороженно относилось как к автогонщикам, так и к сотрудникам дипломатических и гуманитарных миссий. Как показало время, опасения оказались не беспочвенными. Например, лишь спустя годы выяснилось, что при путешествии по России Фукусима Ясумаса был одержим не любовью к географии и дорожным впечатлениям, а целью военного шпионажа в стране, с которой Япония собиралась начать войну.

От приездов иностранных туристов в Вятскую губернию в рассматриваемый период остались и материальные свидетельства. Это в первую очередь фотографии из альбома Джеймса Прингла. Снимки запечатлели губернский центр перед началом эпохи его кардинального разрушения в 1920–30-е годы. Во-вторых, в Кирове 19 октября 2015 г. в пешеходном квартале улицы Спасской был установлен памятник легендарному автомобилю Itala 35/45 HP, принимавшему участие в автопробеге Пекин – Париж 1907 г. [3, с. 5] Таким образом, проезд иностранных туристов-автолюбителей по Вятской губернии был зафиксирован в виде памятника.

Список литературы

1. Баталова Л. В. Туризм в Удмуртии: история и современность. Ижевск, 2012. 439 с.
2. Вятская речь. 1914. 26 июля. № 161.
3. Вятский наблюдатель. 2015. 23 октября. № 43.
4. Гурьянова С. И. «Вятский плен» германских и австро-венгерских подданных (1914–1916 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 4 (612).
5. Дидковская Н. А. Репрезентация образов столицы и провинции в фотоальбоме Джеймса Прингла (Петроград – Москва – Вологда, 1917–1918 гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. I.

6. Иванов А. Н. Прохождение участниками автопробега Пекин – Париж 1907 года по Вятской земле // Тринадцатые Петряевские чтения : Материалы Всероссийской науч. конф. (Киров, 27 февраля 2018 года). Киров, 2018. 172 с.
7. Камско-Волжский край. 1897. 4 сентября.
8. Киров вечерний. 1998. 23 апреля. № 15.
9. Кировская правда. 2012. 21 сентября. № 107.
10. Коваленко В. Впервые на Вятке. Вятское диво. Киров, 2017. 75 с.
11. Колотов А. В. О деятельности шведского Красного Креста в годы Первой Мировой войны // Шведы и русский север: историко-культурные связи. Киров, 1997. 383 с.
12. Семибратов В. К. Вятские записки японского наездника Фукусимы Ясумасы // Герценка: Вятские записки. Киров, 2014. 256 с.
13. Сергеев В. Д. Фритъоф Нансен и вятские «моховички» в пристанционных киосках // История Вятского края в персоналиях. Киров, 2015. 315 с.
14. Центральный Государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 582. Оп. 148. Д. 161.
15. Там же. Оп. 149. Д. 76.
16. Эхо планеты. 2014. 6–12 февраля. № 5.

Travel of foreign tourists on the territory of the Vyatka province in the late XIX – early XX century

A. S. Kasanov

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of tourism and personnel management,
Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: kasanv@rambler.ru

Abstract. One of the current trends in the field of modern tourism in the subjects of the Russian Federation in general and the Kirov region in particular is to attract the tourist flow of foreign travelers. In this regard, it is appropriate to turn to the history and consider the phenomenon of tourists visiting our region from foreign countries in the pre-revolutionary period. The relevance of the topic is also due to the fact that it has not yet become the object of study of historians, whose focus has so far been only a number of narrow topics related to the personality of certain foreign tourists. The purpose of this article is to analyze and summarize information about visits to the Vyatka province by various foreign tourists at the turn of the XIX–XX centuries. As a result of the research, several groups of foreign tourists who visited Vyatka at the turn of the century were recorded: 1) individual travelers; 2) participants of automobile and other runs and tours; 3) students-tourists; 4) diplomats. The article thoroughly examines the trips of tourists to the Vyatka province, systematizes the facts of foreign travelers' stay in the region, and studies their relationship with the local administration. Much attention is paid to the information that foreign tourists left about the pre-revolutionary Vyatka. The article analyzes the reports of foreign travelers about the cities of the Vyatka province, the sphere of folk crafts, infrastructure and economy, the state of development of urban and regional self-government, and the cultural environment. The information presented in this article can be included in a monograph on the history of tourism in the Vyatka province in the pre-revolutionary period, as well as become part of a lecture and seminar course on the subject "history of tourism", studied at the Department of tourism and personnel management of Vyatka State University.

Keywords: foreigners, tourists, travelers, car rally, infrastructure, Vyatka province.

References

1. Batalova L. V. *Turizm v Udmurtii: istoriya i sovremennost'* [Tourism in Udmurtia: history and modernity]. Izhevsk. 2012. 439 p.
2. *Vyatskaya rech'* – Vyatka speech. 1914. July 26. No. 161.
3. *Vyatskij nablyudatel'* – Vyatka observer. 2015. October 23. No. 43.
4. Gur'yanova S. I. "Vyatskij plen" *germanskih i avstro-venegerskih poddannyh (1914–1916 gg.)* ["Vyatka captivity" of German and Austro-Hungarian subjects (1914–1916)] // *Voenno-istoricheskij zhurnal* – Military-historical journal. 2011. No. 4 (612).
5. *Didkovskaya N. A. Reprezentaciya obrazov stolicy i provincii v fotoal'bome Dzhejmса Pringla (Petrograd – Moskva – Vologda, 1917–1918 gg.)* [Representation of images of the capital and province in the photo album of James Pringle (Petrograd – Moscow – Vologda, 1917–1918)] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl pedagogical herald. 2013. No. 3. Vol. I.
6. *Ivanov A. N. Prohozhdenie uchastnikami avtoprobeга Pekin – Parizh 1907 goda po Vyatskoj zemle* [Passage of participants of the Beijing – Paris automobile race in 1907 on the Vyatka land] // Thirteenth Petryaev readings : materials of the all-Russian scientific conference (Kirov, February 27, 2018). Kirov. 2018. 172 p.
7. *Kamsko-Volzhsky Krai* – Kama and Volga region, 1897. September 4.

8. *Kirov vechernij* – Evening Kirov. 1998. April 23. No. 15.
9. *Kirovskaya Pravda* – Kirov Truth. 2012. September 21. No. 107.
10. Kovalenko V. *Vpervye na Vyatke. Vyatskoe divo* [For the first time in Vyatka. Vyatka Divo]. Kirov. 2017. 75 p.
11. Kolotov A. V. *O deyatel'nosti shvedskogo Krasnogo Kresta v gody Pervoj mirovoj vojny* [On the activities of the Swedish red cross during the First World War] // *Shvedy i russkij sever: istoriko-kul'turnye svyazi – Swedes and the Russian North: historical and cultural ties*. Kirov. 1997. 383 p.
12. Semibratov V. K. *Vyatskie zapiski yaponskogo naezdника Fukusimy Yasumasy* [Vyatka notes Japanese rider of the Fukushima Yasumasa] // *Gercenka: Vyatskie zapiski* – Gercenka: Vyatka notes. Kirov. 2014. 256 p.
13. Sergeev V. D. *Frit'of Nansen i vyatskie "mohovichki" v pristancionnyh kioskah* [Fridtjof Nansen and Vyatka "mohovichki" in auction kiosks] // *Istoriya Vyatskogo kraja v personaliyah* – History of the Vyatka region in personals. Kirov. 2015. 315 p.
14. Central State archive of the Kirov region (CSAKR). F. 582. Inv. 148. File 161.
15. Ibid. Inv. 149. File 76.
16. *Ekho planety* – Echo of the planet. 2014. February 6-12. No. 5.

Доставка продукции уральских казенных заводов в европейскую часть России в первой половине XVIII века*

К. А. Уланов

аспирант, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.
Россия, г. Екатеринбург. E-mail: ulanov.kir@gmail.com

Аннотация. В статье ставится цель реконструировать весь путь уральских казенных караванов от чусовских пристаней до российских столиц в первой половине XVIII века. Для чего решаются задачи: проследить основные этапы движения судов, выявить все организационные мероприятия по подготовке казенных караванов к отплытию, движению до столичных городов, сдачи продукции казенным властям и иностранным купцам. При этом основное внимание уделено главным караванам, которые следовали в Санкт-Петербург. Они дают возможность представить наиболее полную картину всех проблем.

Автор приходит к выводу, что к концу первой половины XVIII в. заканчивается формирование системы отправки казенных караванов. Ведущую роль в подготовке каравана к отплытию играли представитель Сибирского обер-бергамта, пристанской и караванный управители. С точки зрения состава, казенный караван можно разделить на коломенки, идущие в Санкт-Петербург, Москву, и однолетние суда, транспортирующие особые грузы. Весь маршрут до Санкт-Петербурга включал движение по течению Чусовой и Камы от Чусовских пристаней до Лаишева, далее верховой ход по Волге продолжался до зимовки в Твери. После чего караваны, минуя систему каналов Вышневолоцкой водной системы, достигали Санкт-Петербурга. На успешное плавание каравана решающее влияние оказывали как погодные условия, так и взаимодействие с региональными властями. Центральные органы государственной власти также воздействовали на систему транспортировки продукции. Так, указы Сената в отношении наличия печатных паспортов у крестьян, нанимавшихся в караван, создали множество проблем с поиском бурлаков для горных властей.

Ключевые слова: Урал, караван, Чусовая, коломенка, пристань, караванный управитель.

Отсчет масштабного промышленного освоения Урала приходится на начало XVIII в. Строительством заводов занимались частные предприниматели и казна. К середине века, ко времени продажи казенных заводов в частные руки, они имели огромный промышленный потенциал предприятий черной и цветной металлургии. Кроме этого, шла успешная добыча и обработка мрамора, изготовление медной монеты. С далекого Нерчинска прибывало казенное серебро, с Алтая – медь. Весь обширнейший ассортимент этих богатств необходимо было доставить потребителю. Кроме местного рынка, основными центрами продажи являлись столицы – Санкт-Петербург и Москва. До них можно было добраться сухопутным или водным путем. Первый был очень дорог, им в исключительных случаях доставлялась лишь военная продукция и медь на изготовление монеты. Единственным пригодным способом доставки значительных объемов грузов с уральских заводов в центральные регионы страны были речные перевозки [78].

В исторической литературе утверждалось справедливое положение о том, что при выборе места для строительства заводов в XVIII в. определяющим компонентом было наличие удобного расположения реки для строительства плотины и пруда, способного обеспечить вододействующие механизмы; массивов леса – основы топливной базы предприятия; рудных месторождений для плавки металлов [79]. Все иные проблемы, в том числе и организация сбыта готовой продукции, рассматривались как вторичные. Однако задачи по поддержке транспортной инфраструктуры предприятий первой половины XVIII в. в удовлетворительном состоянии, в том числе строительство пристаней и все многочисленные вопросы, связанные с отправкой готовой продукции к потребителям, ежегодно возникали перед горными властями. Историография по этой проблеме крайне скудна. Необходимо отметить лишь работы Б. Б. Кафенгауза [80], отразившего путь караванов Демидовых, и Н. И. Павленко [81], который построил исследование на анализе одного каравана 1731 года.

Состав каждого из караванов с продукцией казенных заводов можно разделить на три группы. К первой, включающей наибольшее количество судов, следует отнести главные караваны, перевозившие различный ассортимент железа в Санкт-Петербург. Их вели обер- или унтер-офицеры. В столицу главные караваны прибывали лишь летом следующего за отправкой года. Ко второй группе казенных караванов относились суда, находящиеся под командой караванного управителя до Нижнего Новгорода, где, получив от главного командира письменную инструкцию, часть коломенок под руководством унтер-офицера уходила по Оке до Москвы, куда прибывали уже в конце лета – начале осени. Третью группу казенных караванов образуют «однолетние суда». С середины 40-х годов XVIII в. из столицы стали поступать ежегодные указы о присылке особой продукции с казенных заводов: специальную сталь отправляли на тульские оружейные заводы, а также в Москву для изготовления штемпелей на монетное производство; всевозможные мраморные вещи; кованые решетки в императорские дворцы и сады; галечник разных цветов с берегов Камы [71, л. 149–150, 487]. Эти заказы в весовом отношении были небольшими, не требовали большегрузных судов, отправлялись малыми, получившими у горнозаводских властей наименование однолетних. На подобных судах также осуществлялась доставка особых срочных заказов для императора, императрицы, их ближайшего окружения. Не удивительно, что им на всем пути следования, местные чиновники обеспечивали самые благоприятные условия. Поэтому они приходили в столицы, за редчайшим исключением, в одну навигацию.

Управителям главных караванов уральское горное начальство вручало промеморию, предназначенную для губернаторов, вице-губернаторов, воевод, бургомистров и иных руководителей по пути следования судов [40, л. 79–79об.]. Здесь содержалась просьба в содействии скорейшему движению «государева груза». Однако караванные управители в сопровождении документа из далекого горного начальства не пользовались авторитетом в глазах региональных начальников. Просьбы руководителей караванов зачастую игнорировались либо подвергались канцелярской волоките. Это подтверждают мытарства в Казанской губернской канцелярии Н. Г. Клеопина в 1731 г., бесполезные хлопоты в воеводских конторах караванных управителей 1739, 1745 и иных годов [11; 12; 29; 52].

В ноябре члены Сибирского обер-бергамта¹ начинали работу по отправке очередного каравана. Подготовка начиналась с издания трех указов, определявших руководителя, состав воинской команды, порядок привоза продукции с заводов на пристани. Караванный управитель принимал в церкви присягу, ему вручалась инструкция. Она включала в себя различное количество пунктов. Накопление сведений о маршруте, местах остановок, чрезвычайных происшествиях приводило к увеличению количества положений в инструкции: в 1732 г. их было 18 [13, л. 87–94], в 1734 г. – 26 [84, л. 197–206об.], в 1746 г. – 33 [49, л. 85–112], в 1753 г. уже 37 пунктов [60, л. 105–130].

В инструкцию включались положения о порядке найма работников, месте зимовки, необходимости ведения путевого журнала. Приведем краткие выдержки из инструкции Ивану Бухвалову 1732 г.: взять деньги в караван, расходные книги и вместе с солдатами следовать на пристань; при нагрузке судов учитывать их вместимость – не перегружать; отправлять коломенки от пристани по 2–3 судна, соблюдая расстояние между ними; плыть только в дневное время суток; в населенных пунктах «напрасно не стоять»; разделить караван на три части и назначить ответственного за поддержание порядка в каждой из них; в случае нападения разбойников солдатам и работникам «всеми мерами обороняться ружейным и огненным боем»; отправлять рапорты по мере следования каравана [13, л. 87–94].

Составители инструкций стремились охватить все стороны подготовки, следования каравана, но не могли предугадать все возможные происшествия во время плавания, остановок на ночлег, зимовки. Один из заключительных пунктов всегда был одинаков – «в протчем же поступать по указам Е.и.в. со всяким прилежанием и тщанием в пользу интереса Е.и.в. и государственного». Находясь в удалении от КГЗП, караванный управитель был лишен административной поддержки, мог рассчитывать только на свои силы, волю и иные деловые качества.

¹ С 1734 г. – Канцелярии главного заводов правления (далее КГЗП).

Таблица 1

Руководители главных караванов в 30–50-е годы XVIII века

[11, л. 1–20; 12, л. 133, 631; 13, л. 87–94; 16, л. 255, 139–140, 370–371; 17, л. 1390; 22, л. 93; 25, л. 255, 139–140, 370–371; 26, л. 18; 27, л. 15; 29, л. 1–3, 215; 30, л. 143; 31, л. 133; 32, л. 543–545; 33, л. 61–62; 37, л. 34, 53–54; 38, л. 4, 27, 52, 65; 39, л. 1–3; 40, л. 45, 159, 174; 41, л. 47; 43, л. 274; 48, л. 1–30; 49, л. 69, 395; 50, л. 576; 52, л. 218, 347об., 458; 54, л. 65; 55, л. 295, 394; 56, л. 21, 309; 58, л. 26; 66, л. 223; 60, л. 1а, 94–96; 61, л. 872; 62, л. 157–165; 64, л. 2; 65, л. 180; 67, л. 11, 127; 69, л. 6, 207, 332; 70, л. 718; 71, л. 9, 150, 470, 712; 75, л. 1об; 76, л. 1]

Год	Караванный управитель	Чин/должность	Год	Караванный управитель	Чин/должность
1731	Никифор Клеопин	гиттенфервальтер	1746	Семен Саполовский	прапорщик
1732	Иван Бухвалов	шихтмейстер	1747	Яков Овцын	бергешворен
1733	Иван Клепиков	каптенармус	1748	Степан Клепиков	шихтмейстер
1734	Антон Шульгин	гвардии сержант	1749	Андрей Текутьев	шихтмейстер
1735	Михайло Кашперев	гвардии сержант	1750	Виссарион Титов	бергешворен
1736	Никита Порошин	шихтмейстер	1751	Памфил Алексеев	обергиттенфервальтер
1737	Петр Кудрявый	прапорщик	1752	Семен Метлин	поручик
1738	Степан Владычин	бергешворен	1753	Петр Дирин	прапорщик
1739	Алексей Арефьев	поручик	1754	Осип Софонов	поручик
1740	Петр Зеленой	гиттенфервальтер	1755	Василий Раздеришин	гиттенфервальтер
1741	Михайло Хвалимов	шихтмейстер	1756	Иван Черницын	гиттенфервальтер
1742	Алексей Баженов	прапорщик	1757	Карл Горн	поручик
1743	Венедикт Глазов	поручик	1758	Яков Яковлев	штык юнкер
1744	Венедикт Глазов	поручик	1759	Иван Куроедов	поручик
1745	Никита Кривцов	шихтмейстер	1760	–	–

Караванными управителями назначались в основном армейские и горные обер-офицеры. Но крайняя нехватка администраторов на производстве вынудила Берг-коллегию 29 октября 1748 г. издать указ, по которому руководителями караванов «по очереди с переменою» должны быть лишь армейские офицеры, а «заводских офицеров от дел не отлучать», назначить их лишь в том случае, «если совсем обойтись не можно будет» [69, л. 2; 71, л. 3]. Отсутствии строгого запрета на командирование горных чиновников было обусловлено осведомленностью столичных властей о тревожной обстановке на Урале в связи с башкирскими волнениями. Армейские офицеры были заняты иными делами. В итоге «обойтись» без заводских офицеров было невозможно. И во главе караванов конца 40–50-х годов XVIII в. практически поочередно назначались и армейские, и заводские офицеры. А так как количество отправляемых судов постоянно росло, в это же время главному управителю до Санкт-Петербурга дополнительно стали выделять в помощь унтер-офицера «да подьячего для записи расходов».

Подробно изучив документы о неудачах отправки караванов в 1729 и в 1730-х годах, Берг-коллегия 25 октября 1730 г. издала указ: для контроля за отправлением караванов «за месяц и больше определять ежегодно по очереди одного из членов Обер-бергамта». При нем обязательно должен быть подьячий «для письма» «и солдат для посылок» [22, л. 93; 55, л. 258]. С 1737 г., на основании наставления В. Н. Татищева, обязанности члена КГЗП на пристани расширились – после отправки каравана им вменялась обязанность осмотреть пильные мельницы и близлежащие заводы, дать наставления их руководителям. После отбытия коломенок от чувовских пристаней и завершения осмотра предприятий в КГЗП представлялся поденный журнал. В нем отражалась дорожная сводка и все беды сухопутного пути горного чиновника, ежедневное фиксирование операций по отправке караванов, проблемы в действии заводов и многое иное. В 1743 г. Берг-коллегия, получив доношение о новой неудаче в отправке каравана, 5 августа вновь строго приказала: «к провозжанию караванов отправлять из канцелярских членов, начав от большого и до малого классов по очереди от первых до последних пристаней» [55, л. 358]. Указ был продублирован в 1751 году [52, л. 347об.].

Таблица 2

Члены КГЗП, контролировавшие отправку казенного каравана

[12, л. 133, 631; 16, л. 139–140, 255; 17, л. 1390; 25, л. 122, 238; 26, л. 18; 29, л. 215; 32, л. 543–545; 33, л. 61–62; 38, л. 4; 39, л. 1–3; 40, л. 159, 174; 49, л. 395; 50, л. 576; 52, л. 347об.; 55, л. 295; 56, л. 309; 60, л. 94–96; 64, л. 2; 65, л. 180; 69, л. 207, 332, 712; 70, л. 718; 71, л. 150]

Год	Руководитель	Чин/должность	Год	Руководитель	Чин/должность
1731	Степан Козьмич Неелов	комиссар	1746	Андрей Иванович Порошин	асессор
1732	Антон Федорович Томилов	асессор	1747	Никифор Герасимович Клеопин	асессор
1733	Константин Артемьевич Гордеев	главный казначей	1748	Игнатий Никитич Юдин	бергмейстер
1734	Константин Артемьевич Гордеев	главный казначей	1749	Алексей Калачев	обер-гиттенфервальтер
1735	Тимофей Матвеевич Бурцев	заводской комиссар	1750	Густав-Ульрих Райзер	асессор
1736	Игнатий Никитич Юдин	главный межешник	1751	Федор Старого-Милуков	обер-гиттенфервальтер
1737	Игнатий Никитич Юдин	главный межешник	1752	Федор Старого-Милуков	обер-гиттенфервальтер
1738	Константин Артемьевич Гордеев	обер-цегентнер	1753	Никита Петрович Бахорев	главный механик
1739	Тимофей Матвеевич Бурцев	заводской комиссар	1754	Степан Владычин	обер-гиттенфервальтер
1740	Игнатий Никитич Юдин	главный межешник	1755	Никита Петрович Бахорев	главный механик
1741	Игнатий Никитич Юдин	главный межешник	1756	Евдоким Яковлев	секретарь КГЗП
1742	Степан Москвин	бергешворен	1757	Осип Софонов	асессор
1743	Никифор Герасимович Клеопин	асессор	1758	Семен Метлин	капитан
1744	Никифор Герасимович Клеопин	асессор	1759	Осип Софонов	асессор
1745	Игнатий Никитич Юдин	бергмейстер	1760	–	–

Помимо караванных управителей и назначенных членов КГЗП, за подготовку и успешную отправку судов отвечали пристанские управители. Им подчинялись все казенные пристани, кроме Егошихинской. Пристанские управители имели относительно высокий, даже обер-офицерский чин, но и ответственность была огромная. Они ведали всеми хозяйственными вопросами подготовки каравана: от заготовки леса для строительства судов, приема продукции с заводов, обеспечения каравана снастями, его отправкой до создания и отсылки в Екатеринбург отчетных документов.

Руководство объемным хозяйством и подчиненными осложнялось постоянными проверками, проводимыми караванными управителями и членами КГЗП, каждый из которых норовил найти недостатки. В случае проблем с отправкой каравана хозяин пристаней всегда рисковал оказаться в числе главных виновников.

Таблица 3

Руководители чузовских казенных пристаней во второй трети XVIII в.

[19, л. 109; 20, л. 47; 36, л. 66; 55, л. 20–24; 62, 916–927; 71, 52–54]

Годы	Руководитель	Чин/должность
1734–1735	Никифор Бессонов	гвардии сержант
1735–1736	Симеон Сикорский	поручик
1736–1737	Сергей Ярцов	шихтмейстер
1738–1748	Михайло Кашпирев	гвардии сержант, с 1740 г. – шихтмейстер
1748–1751	Василий Томилов	шихтмейстер, с 1750 г. – бергешворен
1751–1754	Степан Костромин	шихтмейстер
1754–1757	Федор Аврамов	шихтмейстер
1757–1760	Юрья Берглин	шихтмейстер

Одной из важнейших должностей на пристанях были целовальники. Они выбирались населением приписанных к казенным заводам территорий на общих собраниях. Существовала очередность выборов – целовальники отлучались от постоянного места жительства на два года. В ноябре – апреле принимали припасы на пристани, далее уходили с караваном до Санкт-Петербурга и Москвы, в июне – сентябре следующего года сдавали припасы, только после завершения этой операции возвращались с караванным управителем домой. Целовальники должны были получать во время пребывания в караване жалование. Оно составляло от 18 до 24 рублей в год. Но было ограничение: оплату труда можно было получить лишь в том случае, «ежели им от миру в подмогу денег не дается». А если дается – «жалованья из казенных не давать» [3, л. 244]. А выборным очень часто давали «подмогу»: в Санкт-Петербург – от 60 руб., в Москву – более 25 [3, л. 247]. В результате казна не несла больших затрат на труд целовальников.

Горнозаводские власти требовали выбирать «человека доброго, правдивого, в грамоте и писать умеющего». Принимать привозимые на пристань припасы – престижная, ответственная, но в то же время хлопотливая и опасная работа, в процессе которой случалось много конфликтов, судебных и административных разбирательств. Учесть все припасы, не допустить краж, недовесов и перевесов было крайне сложно. Взаимодействие с огромным количеством крестьян, их зависимость от точности записей, вносимых целовальником, открывали возможность злоупотреблений. В присяге, которую непременно принимали целовальники, фигурировали слова: «при том деле быть справедливыми и блуден не чинить, и взятки ни с кого никаких не брать под жестким на него штрафом. А ежели он того что казне Ея императорского величества учинит какую трату, выборщики заплатить должны» [18, л. 11. 76, 77, 80, 80об.].

Следили за целовальниками очень строго, они в подавляющем большинстве были верны присяге. Однако имели место и случаи лихоимства. В Сибирском обер-бергамте в 1732 г. стало известно, что на Уткинской пристани целовальник Федор Мещеряков «за приемом железа возчиков волочит, безо взяток и скоро железо не принимает», говорит: «дашь пять копеек, быстро приму, а не дашь – то де прстоишь у меня трои сутки». Крестьяне платили. Например, с одного из возчиков целовальник «за прием железа с него взял на две гривны вина, да на пять копеек пива и оно выпили вместе, а то железо принял без весу, токмо перечел одне полосы» [14, л. 146–169].

По этому случаю было проведено трудоемкое следствие: допрошены все возчики, у которых принималось железо. Особо чиновников интересовал факт, принималось ли у них железо «без весу» или «без счету». Но крестьяне прекрасно понимали опасность признания своего участия в подобной махинации. Многие из них, зная о возможности избегания тщательного перевеса привозимого груза, утаивали одну-две полосы железа и продавали их. Полученная прибыль не только перекрывала расходы на взятку, но давала прибыль. В итоге признания возчиков были предельно простыми: сами просили без очереди принять, а за это взятку «по простоте своей» давали. Решение по целовальнику было строгим: «высечь вместо кнута плетью нещадно», деньги – взятки вернуть, отправить домой «на поруки», срочно выбрать и прислать нового [14, л. 169].

Подобные случаи в принятии грузов на пристанях ежегодно приводили к несоответствию цифр в записях целовальников с ведомостями отправленных с заводов. Сжатые временные рамки погрузки и отправки каравана во время половодья на Чусовой не давали возможности многократных перевесов и уточнений количества груза. Результатом были многогодовые разбирательства в несоответствиях погруженных, зафиксированных в документах и прибывших в места назначения припасах.

При отправлении каравана на весь груз составлялась ведомость с указанием ассортимента продукции, наименованием завода, на котором оно изготовлялось. Ведомость являлась основным учетно-отчетным документом, под которым стояла подпись отправителя – члена Канцелярии.

Перед вскрытием льда на Чусовой вся продукция выносилась из амбаров и «складывалась в отдельные кучи» – для каждой коломенки. Моментально после прохода льда суда спускали на воду, быстро грузили и отправляли догружаться на нижних пристанях. Часто случалось, что там в коломенки не вмещался весь груз, его оставляли, но в книгах целовальников он уже был записан и учтен в итоговой ведомости, отправляемой вместе с караваном, что приводило к еще большим нестыковкам. Более того, при отплытии с верхней, Макаровской, пристани груз с коломенок или плотов, застрявших на мелях до прибытия к Уткинской при-

стани, разгружали и оставляли «без весу и счету» под охраной. Этот груз двигался на судах с опозданием и, иногда уже в Егюшихе, догонял караван, где прибывшие припасы перегружали также «без счету и весу» [8, л. 442–443; 45, л. 225–229].

На каждой коломенке должен был быть лоцман (сплавщик) – главный в команде; водолыв – фактически заместитель лоцмана – на него возлагались все хозяйственные заботы по сплаву; и работники. К середине марта на пристани могли приходиться до тысячи бурлаков. Взаимодействие с ними и поддержание порядка были одной из главнейших проблем для пристанского управителя. Работников на каждую коломенку распределяли из расчета, равного трем людям на тысячу пудов груза, поэтому на судне их всегда было около двадцати человек. Они назывались «вытными», то есть основными. Среди нанятых часто оказывалось много «слабосильных», и к «вытным» в придачу давали одного-двух человек, которые назывались «присадчики».

Наем вольных работников на время следования каравана по Чусовой и Каме должна была проводить Пермская земская контора. Она находилась в Кунгуре. А на путь до Твери набор возлагался на чиновников горного начальства, которые находились в Казани. Власти же Екатеринбургa набирали до Васильева Луга команду из приписных к заводам крестьян. Вольные набирались с большим трудом – они предпочитали работать на купеческих судах и в караванах частных заводчиков. С приписными также была проблема. Ее четко отразил В. И. Геннин: «Ежели их к сплаву брать, то некем руду и уголь заготовливать и заводы могут остановиться» [15, л. 262–264]. Однако, несмотря на все трудности, ежегодно удавалось найти необходимое количество работников.

Ситуацию с поиском работников резко усложнил указ Сената 21 мая 1743 г., которым запрещался наем помещичьих людей с «письменными паспортами»: необходимы были печатные, их выдавали местные администрации. Указ явно не способствовал улучшению транспортировки продукции. В результате, начиная с 1744 г., Екатеринбург вынужден был отправлять в Нижний Новгород и Вятку офицеров. Они нанимали людей с печатными паспортами, составляли с лоцманом и работниками специальные договоры – обязательства на маршрут Лаишев – Рыбная слобода [69, л. 27–29, 94–98]. Здесь фиксировались круговая порука, оплата труда с выдачей ее по этапам следования каравана, обязанности наемщиков, ответственность поручителей и многое другое.

Сложившаяся система найма в казенные караваны имела недостатки:

– отправленные из Екатеринбургa в Вятку и в Нижний Новгород молодые унтер-офицеры не имели опыта подобной работы, в рапортах в КГЗП отмечалось, что они к такой деятельности «были незаобычны»;

– жесткие условия набора в отношении оплаты нанимающимся работникам, прописанные в выдаваемой унтер-офицерам инструкции, лишали их инициативы и возможности равного торга, с купцами и частными заводчиками;

– предприниматели зачастую прибегали к уловкам при взаимодействии с региональными властями, что приводило к «поражению» казенного человека. Он фиксировал: паспорта в провинциальной канцелярии «по многократным прошениям и стараниям никак получить невозможно, а посторонним промышленникам Шувалова, Чернышева, Демидова и протчих паспорта отданы» [71, л. 306].

– офицерам вменялось в обязанность набирать «лоцманов, знающих в том силу, а работников здоровых, не старых, и не малолетних и увечных, и в работах быть могущих», но фактически выполнить это требование было крайне сложно. В итоге караванные управители отмечали в отчетах низкое качество рабочей силы. Например, в 1746 г. С. Сапаловский писал: «Нанятые лоцманы и работники весьма плохи, малы и худосильны, многие больны, увечны руками, ногами, а лоцманы хода по Волге не знаемы» [52, л. 440].

Наемщик не мог гарантировать прибытие работника в караван вовремя. Нередко, заключив договор, получив небольшую предоплату, работники «неведому куда бежали». А круговая ответственность по условию договора на деле оказывалась фикцией. Оставшиеся в караване работники заявляли: «За скудностью их, нанять других, чем не имеют» – и просили решить эту проблему за счет казны, обещали найти беглецов и отработать долг в следующем караване [69, л. 340–343]. Такое положение дел постоянно ставило унтер-офицера, отправленного для найма работников, под угрозу попасть под следствие за перерасход денег и возмрата недостающих средств казне из своего жалования [69, л. 96–98].

Постоянно ощущая нехватку людей в караване и «не надеясь на дачу работников от губерний», власти на Урале были вынуждены пойти на крайне непопулярные меры – нарядать

в караван сотни закомплектованных работников, рекрутов, приписных крестьян и других, временно «ненужных мастеровых». И отправлять их до Рыбной Слободы на Волге. После выполнения работ в караване эти работники возвращались домой пешком в ноябре – декабре, летние полевые работы и заготовку сена для скота пропускали, вынуждены были зимой покупать все продукты дорогой ценой. На обратную дорогу работникам и воинской команде выдавались деньги «на проходные дни» из расчета прохождения ста верст за три дня, на отдых выделялся один день. Очередности в посылках в караван не было. Просьбы об отправлении холостых, «не имеющих своих домов и скота», а не тех, кто женат и имеет хозяйство, игнорировались [47, л. 16].

Социальная обстановка накалилась, горнозаводские власти обратились в столицу с просьбой смягчить указ. И, как нередко случалось в России, появилось исключение. Сенат 24 марта 1746 г. разрешил на казенные караваны, но лишь при условии «ежели не достанет», принимать, как и на соляные суда, наемных работников на одно лето с «письменными паспортами». И приказал «некрепко смотреть», чтоб беглых без паспортов не было [52, л. 12об.].

Весь маршрут караванов до Санкт-Петербурга можно разделить на следующие этапы:

1. Чусовские пристани – Васильев Луг – Егошиха – Лаишево;

2. Лаишево – верховой ход по Волге до Нижнего Новгорода – Рыбная Слобода – Тверь. В Нижнем Новгороде единый караван разделялся. Помощник караванного управителя – унтер-офицер, получив инструкцию и деньги, следовал с частью судов до Москвы;

3. Зимовье в Твери или в Вышнем Волочке – Опеченская пристань – Боровицкие пороги – Потерпеловская пристань – Великий Новгород – Новая Ладога – Шлиссельбург – Санкт-Петербург.

Рис. 1. Путь каравана от Чусовских пристаней до Лаишево

Успешная отправка каравана от пристаней во многом зависела от уровня воды в Чусовой во время вскрытия и прохода льда. На пристанях уровень воды постоянно замеряли и фиксировали в трех категориях: малый, нормальный, большой. При первом требовалось в наикратчайшие сроки спустить коломенки на воду, загрузить их. Загрузка судов заранее была исключена, груженую коломенку невозможно вытолкнуть в реку. При большой воде тяжелейшим препятствием являлись закрепление коломенки на воде, вынужденное нахождение работников в холодной воде во время загрузки. Отсюда потеря времени на обогрев у костров. По этой же причине лоцманы специально останавливали суда на реке, ждали спада, так как большая «вода коломенку тянула на камни» [64, л. 5–40].

Для увеличения количества воды в Чусовой в помощь отправляющемуся каравану могли открываться заводские плотины. Однако это действие осуществлялось только в исключительных случаях по двум причинам:

– при малоснежной зиме как в Чусовой, так и в прудах было мало воды. И руководители заводов всеми мерами старались оградиться от этой операции – спуск воды автоматически тормозил или останавливал заводское производство. Кроме того, при этой операции могла

случиться главная беда: повреждение конструкций плотины – главного сооружения предприятия;

– эффект от дополнительной воды был кратковременный. При первой же остановке или ночевке каравана «волна», естественно, не ждала путешественников и далее помощи не оказывала.

Но, несмотря на вышеизложенное, дополнительная вода частично помогала каравану более успешно уйти хотя бы с верхних пристаней Чусовой. В документах первой половины XVIII в. зафиксировано всего восемь случаев открытия плотин. Более того, приказчики лишь частично выполняли распоряжение, караванные управители фиксировали в путевых журналах: мало прудовой воды. При этом в неудачах с отбытием караванов 1729 и 1743 годов эта операция не помогла – только по три коломенки из более чем 60 смогли выплыть из мелководья.

Большая вода также была препятствием к успешному движению судов по Чусовой, но это явление случалось не часто. В первой половине XVIII в. такие невзгоды были зафиксированы шесть раз.

Большую часть времени Чусовая была благосклонна к руководителям и работникам караванов на пристанях. При этом Чусовая от весны до глубокой осени была судоходной – по ней вниз и вверх ходили как казенные, так и частные, купеческие небольшие плоскодонные суда. Примеров в подтверждение этого факта множество [4, л. 247; 6, л. 77–79; 9, л. 205–210; 10, л. 359–364; 21, л. 144–145; 28, л. 204–210]. Приведем лишь один. В 1746 г. в Москву через Екатеринбург возвращался генерал-лейтенант провиантмейстер Богдан Бибииков. Управителю Уткинской пристани М. Кашпиреву власти приказали продать для «съезда судно, ежели ему поглянется». 25 сентября Б. Бибиикову «поглянулось» 7-саженное судно с каютами, он его купил. Но так как «с экипажем уместиться не мог», купил еще одно, 6-саженное «с пристройкой кают». И вся команда благополучно уплыла до Камы и далее до Казани [46, л. 555–556].

Авторы книг и статей о сплаве караванов на Чусовой, начиная с работы Н. С. Попова [82], не обходят вниманием «камни», «бойцы», считают их, приводят названия. Последние по времени издания книги Н. В. Акифьевой [1], А. В. Иванова как бы подводят итог по теме: учтено «около ста камней» [77]. Обобщив труды XIX – начала XXI в., автор пришел к такой же цифре: зафиксировал 105 названий «камней».

«Камни» были опасными спутниками караванов и неоднократно встречаются в журналах караванных управителей первой половины XVIII в. Представим их названия по путевому журналу 1731 г. Никифора Клеопина. Инструкцией ему предписывалось фиксировать «камень, от которых опасенье есть судам» [11, л. 1]. Путешествие от Уткинской пристани до Васильева Луга в устье Чусовой заняло 8 дней. Названия «камней» Н. Г. Клеопин, вероятно, получил от лоцмана и работников на коломенке – сам он плыл впервые.

Итак, сверху и до устья Чусовой: Георгиевские пещеры, Скопин, без названия на Усть-Каменке, Висячий, Соколий, Толстой, Высокий, Заплотный, Курица, Винокуранный, Висячий (второй), Сокол, Гилев, Волшник, Родин, Шилов, Носин, Плоский, Коровий, Лысанов, Олеговой, Нестеров, камень при острове Хариной деревни, Омутной, Дыроватый с пещерой, Столбовые, Коробеиной, Стеновой, Мултык, Ермак, Горчак, Молоков, Разбойник, Четыре Брата, Ойматим, Гусельной, Сокольи, Вороньи, Мызни [11, л. 8–10].

Путешествие Н. Г. Клеопина по Чусовой закончилось без потерь, ни одна коломенка не утонула. Лишь две сели на мель да одна «заплыла за остров, где никогда коломенки не бывали». В целом в 20–50-х годах XVIII в. в Чусовой затонуло лишь 8 казенных коломенок. Но только в трех случаях были виноваты «камни», остальные гибли на мелях или в силу иных непредвиденных причин [11, л. 12; 16, л. 196, 270; 22, л. 291, 299; 25, л. 310б., 258; 29, л. 234; 31, л. 636–638]. Как случилось, например, в 1754 г. с «казенкой», на которой плыл управитель: «для ношного времени стали к берегу приваливать, то от закрытого водою камня, от которого поверх воды нималого знака не видимо, у оной коломенки проломило дно так, что и починить никак было невозможно, и от того она осела ко дну... от такого несчастья охраниться было неможно». Утром следующего дня все припасы перегрузили на прибывшую запасную коломенку [61, л. 883].

Малые потери среди караванов исследуемого периода в первую очередь объясняются тем, что уже с 20-х годов XVIII в. в первые годы пребывания В. И. Геннина на Урале он озабочился подготовкой учеников «для плавания на коломенках по реке Чусовой». Вполне понятная инициатива; в 1725 г. ему четко доносили: «отпуску товаров год от году прибавляться

будет». В этом же году последовало распоряжение генерала пристанскому управителю А. Стадухину «выбрать из крестьянских детей десять человек и обучать оных в сплавщики... и посылать на коломенках со старшими до устья Чусовой». В 1727 г. учеников было уже 19, им платили из казны от 90 коп. до 1 руб. 05 коп. за каждый сезон [5, л. 199–202].

Эта важная школа не останавливалась в развитии и в последующие годы. В 1736 г. учеников насчитывалось более 35 человек, в основном они были сыновьями лоцманов и ежегодно отправлялись «для присмотру опасных мест впредь для науки». Это были постоянные кадры, так как их семьи были приписаны к казенным заводам [23, л. 538–539].

От Васильева Луга караван входил в Каму, далее останавливался в Егошихе, уже в 20-х годах XVIII в. являвшейся заводским поселком и не только пристанью, но и крупным портом. Здесь догружали коломенки медью Пермских заводов, еще раз проверяли оборудование и загружали необходимые снасти для будущего верхового хода по Волге и отправлялись в путь.

Отсутствие «камней» на Каме не делало плавание менее опасным, путь осложнялся «великой водой», «великой погодой», проходил в конце апреля – начале мая, когда было еще «зело студено». Вся совокупность неприятностей в конечном итоге приводила к тому, что и здесь коломенки повреждались и тонули. Как, например, случилось в 1747 г., когда сразу два судна «нанесли на остров», они получили пробоины и моментально затонули. Или в 1731 г. «скоропостижной боковой погодой» коломенку ударило «о великое дерево, о сокору». Этого вполне хватило для того, что образовалась великая течь и спасти судно не удалось.

Начиная с 30-х годов XVIII в. на Чусовой, а более того, на Каме, стали появляться вооруженные группы людей, ушедших «в вольницу» разбойников. Они «охотились» за купеческими судами, караванами частных владельцев, вскоре и казенные суда, шедшие с охраной, стали подвергаться нападениям. Указами 1744–1745 гг. из столицы «о искоренении воров, разбойников, становщиков и прочих причинных людей» требовалось проявлять осторожность, бандитов и «всех сомнительных» ловить, каждые полгода присылать в Берг-коллегию рапорты об успехах [24, л. 692–605; 35, л. 168–170; 42, л. 678, 724; 51, 402–407; 53, л. 148–156; 72, л. 468–470]. А в 1746 г. президент Берг-коллегии А. Ф. Томилов вновь требовал от горнозаводских властей выловить банды на Каме, которые даже «караваны хотят потопить», принять дополнительные меры к их охране [53, л. 148–151].

Для охраны казенных караванов из екатеринбургских рот ежегодно под командованием капрала или сержанта направляли по одному солдату на коломенку, а на «казенку» – еще капрала и четырех солдат. Вооружение каждого состояло из фузеи со штыком, 20 пуль и патронов, палаша. С середины 30-х годов XVIII в. и до конца изучаемого периода, когда на Урале стало беспокойно, военные отправлялись на охрану границ, на пять коломенок выделяли лишь трех солдат.

В 1731 г. Н. Г. Клеопин впервые приказал принять от Егошихи для охраны «казенки» небольшие пушки, а к ним «патронов с порохом, картечей дробовых» [11, л. 13–14]. Эту же операцию он повторил, следуя в караване 1744 года. А в 1749 г. караванный управитель требовал уже от Уткинской пристани по Чусовой «хотя бы три пушки для охранения от воровских людей».

Для поимки разбойников губернские власти посылали военные команды. Но они, мягко говоря, не совсем профессионально относились к порученному. Приведем выдержку из представления прапорщика А. Баженова, руководителя каравана 1742 года. В пригороде Лаишева 4 июня он встретил команду поручика Ивана Жадовского, присланного «для сыска разбойников и беглых драгун, и солдат». Будучи в кабаке, пьяный сержант с солдатами решили, что на казенных судах присутствуют беспаспортные, после чего незамедлительно обнажили шпаги, «взбежали на коломенку и кричали работникам: переколем вас».

На это «нахальное крайнее возмущение работники стали себя оборонять и других не пущать на коломенку». А нападавшие «закричали стоящим на берегу солдатам помощь и те многократно стреляли и били в набат в церковный колокол». А Баженов послал на берег солдата, чтобы прекратить драку и стрельбу. Они же солдата Дмитрия Елистратова при поручике избили «прикладками бесчеловечно без всякой его вины». Поручик И. Жадовский не унял сержанта, напротив, «приказал гренадеру гранаты заготовить и у которых и фитили были зажжены» [38, л. 380–381]. Только самообладание караванного управителя и отвага охраны предотвратили худшее.

После прибытия в Лаишево начиналась подготовка к верховому ходу по Волге. С этого момента начиналось движение коломенок против течения, вверх по Волге, до Рыбной слобо-

ды. Плыть можно было двумя способами: бечевой и завозом. При использовании бечевы бурлаки, двигаясь по берегу, тянули суда при помощи каната. При тяге бечевой судно неизбежно прибывало к берегу, для избегания этого находящиеся на судне работники упирались в дно шестами и отводили коломенку в направлении реки, требуемом лоцманом. При использовании бечевы на судне устанавливалась мачта, к носу крепилась снасть-поводок из куска бечеvy длиной, равной высоте мачты. На конце поводка крепилось металлическое кольцо. Мачта закреплялась двумя растяжками к бортам в одной плоскости с ней. Бечеву пропускали через кольцо и привязывали к мачте таким образом, чтобы свободный конец крепился за шпангоут позади мачты и играл роль штага (оттяжки в продольной плоскости судна). Эти снасти предохраняли мачту от поломки. Другой конец бечеvy сматывали на мотовило, которое должно без задержки травить бечеву.

При отсутствии бечевника сухопутной дороги вдоль берега транспортировка судна осуществлялась при помощи завозных якорей. При этом способе движения с судна спускалась лодка-завозня, где находились просмоленный пеньковый канат и якорь. В нее садились 8-10 бурлаков. Они плыли к берегу, высаживались и начинали тянуть лодку-завозню против течения, при этом один человек оставался в лодке. Лоцман с коломенки следил за продвижением завозни и, когда она удалялась от судна примерно на длину каната, флажком подавал бурлакам знак, чтобы человек, оставшийся на лодке, сбросил якорь с прилепленным к нему канатом и буйком. Далее лодка направлялась к берегу, в нее садили бурлаков, завозня разворачивалась и на веслах направлялась к судну. При этом бурлаки стравливали канат в воду. Далее ходовой конец каната подавался на судно, растягивался бурлаками вдоль палубы. Они крепили к нему свои ляжки и, передвигаясь от носа к корме, подтягивали судно к завезенному якорю. Подойдя к корме судна, бурлаки последовательно отстегивали свои ляжки от каната, возвращались на нос судна и снова крепили их к канату. Освобожденный по мере движения коломенки канат складывался на завозню. Когда судно подходило к якорю, он поднимался и вновь помещался на завозню. Операция повторялась, судно продвигалось к конечному пункту следования. В день при хорошей погоде вышеописанными способами передвижения удавалось проходить 13-15 (крайне редко 20) верст [11, л. 80-85].

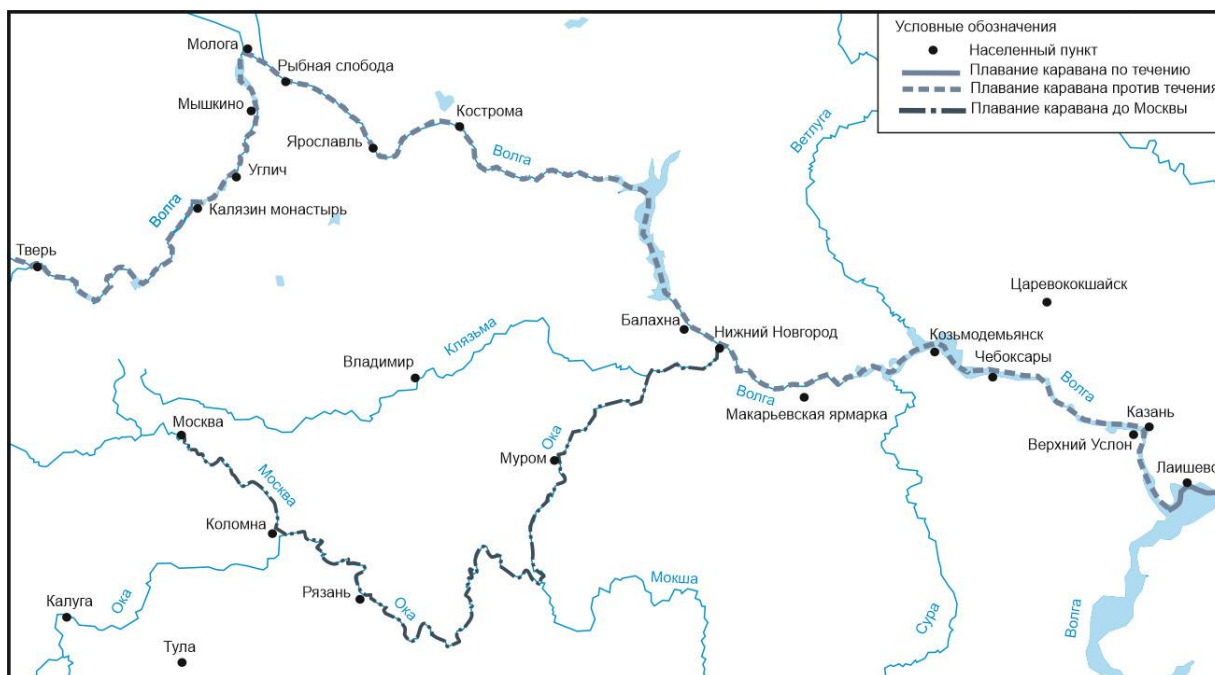

Рис. 2. Путь каравана от Лаишево до Твери

Движение от Рыбной слободы до Твери осуществлялось при помощи конной тяги. На каждую тысячу пудов груза требовалась одна лошадь, а на каждую пару лошадей – один коновод. Дорога вдоль Волги, по которой шли лошади, не всегда была в удовлетворительном состоянии, что периодически вынуждало применять бечеву и завозные якоря.

Для преодоления мелководных участков Волги в Рыбной слободе закупались барки, необходимые для перегрузки на них части железа с коломенок. В караван 1737 г. было закупле-

но 18 различных барок шириною 3 сажени 1 аршина и длиной от 14 сажень 1 аршина до 16 сажень 2 аршин. В дальнейшем эти же барки использовались для прохождения каналов и порогов на всем пути следования до Санкт-Петербурга.

Указом Берг-коллегии от 16 марта 1731 г. рекомендовалось зимовать не ниже Твери. Он гласил: «Под штрафом управителям судов подтверждать – припасы в Москву должны доходить тем же летом», а в Санкт-Петербург «отпущенным зимовать около Вышнего Волочка, а по последней мере не ниже Твери, дабы в Петербург прибыть весной неотменно» [22, л. 93].

Но в реальной жизни в исполнение этого указа вмешивались плохие погодные условия и иные причины. Уже в караване 1731 г. Н. Г. Клеопин, рискнув дойти до Вышнего Волочка, попал «в замороз», караван встал в пяти неприспособленных для зимовья местах» [11, л. 95–101]. Последствием раздробленности каравана стал пожар, в котором была утрачена караванная казна.

Попадание «в замороз» случалось и в другие годы. В 1747 году из Рыбновольской слободы с 17 сентября по 3 октября отправились в путь 56 судов – 40 коломенок и 16 барок. Первая партия из 33 судов 14–22 октября добралась до Твери. А остальные «за наступающим зимним временем и за плывущим по Волге реке льдом» вынуждены были остановиться от Твери: у Воршена монастыря в 15 верстах 6 судов; в селе Городневе в 30 верстах 3 судна; в селе Кимры в 100 верстах 14 судов. Все «хозяйство» было там к ноябрю разгружено, суда поставлены на зимовку. Но последовало распоряжение к управителю: представить отчет о причинах простоев и в целом о том, «зачем мешкотно с караваном шел», на зимовья караван разгрузил в разных, а не в одном надлежащем и определенном месте [55, л. 2–2об.].

При зимовке в Твери железо и припасы убирались в арендованные амбары, коломенки и барки оставлялись в безопасных местах, «осведомясь с тамошними обывателями, усматривая у других остановившихся на зимовье». Особое внимание уделялось сохранности путевых снастей и казны. Для охраны судов и амбаров устанавливался караул из солдат.

В зимнее время необходимо было озаботиться наймом коноводов и лоцманов, чтобы с наступлением весны немедленно отправиться конной тягой по реке Тверце до Вышнего Волочка, здесь суда проходили через Тверецкий канал, соединяющий Тверцу с Цной. Затем переходили в Цнинский канал, позволявший обойти извилистые и каменистые места в нижнем течении реки Цны и попасть на реку Мсту. Миновав Вышний Волочек и каналы, караваны достигали Опеченной пристани, где готовились к прохождению Боровицких порогов.

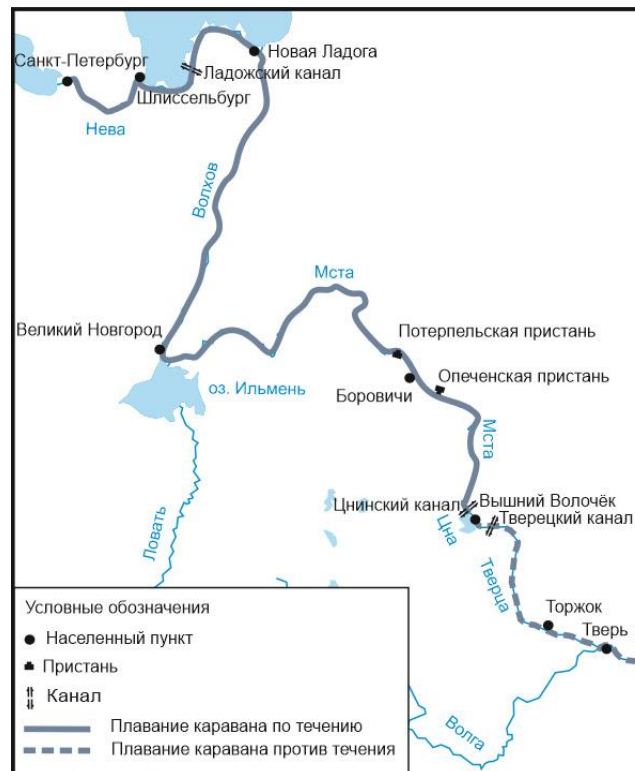

Рис. 3. Путь каравана от Твери до Санкт-Петербурга

Трудности плавания по Мсте в районе Боровицких порогов оставались на протяжении всей первой половины XVIII в. Всего там было около 40 порогов протяженностью до 1 версты. Скорость течения при средних горизонтах воды достигала 30 верст в час. В судовом ходу выступали громадные каменные глыбы, рядом с которыми были глубокие ямы, где течение образовывало водовороты, а сам судовый ход был извилистый и крайне опасный [83, с. 26–35].

После прохождения порогов караван останавливался в Потерпельской пристани, далее по реке Мста следовал до Великого Новгорода, после чего по реке Волхов достигал Новой Ладуги, где начинался Ладожский канал протяженностью 104 версты до Шлиссельбурга в истоке Невы, по которой караван попадал в Санкт-Петербург [2, с. 43].

Прибыв в Санкт-Петербург, караванному управителю следовало явиться в Берг-коллегию и сдать припасы «кому повелено будет». Передача привезенного железа английским купцам зачастую затягивалась на многие месяцы, что приводило к скоплению коломенок в Петербурге, на которых хранились припасы не в надлежащих условиях, с наступлением зимы и ухудшения погодных условий суда получали повреждения, в отсутствие достаточной охраны нередко были кражи [11, л. 174–225].

Для возвращения в Екатеринбург команде каравана выдавалось жалование из караванной казны за два или три месяца на дорогу. Оставшаяся казна передавалась Берг-коллегии. Если караванный управитель задерживался в Санкт-Петербурге, а солдаты и целовальники уже отправлялись в путь, то следовало дать им письменный приказ, чтобы «напрасно нигде никому обид и других непотребностей отнюдь не чинили» [49, л. 108об.–109].

В общей сложности в 1731–1750 годах казна отправила на 1008 судах потребителям свыше 6,6 млн пуд. различного ассортимента изделий из железа и меди.

Таблица 5

**Сведения о количестве отправленной потребителям казенной продукции
1731–1760 гг.**

[7, л. 132–133; 8, л. 427–429; 12, л. 134–138; 13, л. 148–152, 196, 238–241; 18, л. 273–279; 22, л. 95, 266–267, 273–274, 290; 25, л. 451, 485; 29, л. 353–358, 372–372об.; 31, л. 34–35; 34, л. 311, 355–356, 410–411; 38, л. 323–333, 379; 40, л. 214; 43, л. 30; 44, л. 413, 604–607; 49, л. 345–346; 50, л. 602; 52, л. 309, 311–313; 54, л. 832–835; 55, л. 273; 56, л. 678–683; 57, л. 93об., 186, 274–275, 288; 59, л. 499–500, 531–535; 60, л. 95об., 403об., 406–411; 61, л. 937об.; 63, л. 618; 65, л. 538–539; 68, л. 706, 712, 724–729; 69, л. 332–332об., 563–567об., 570–573; 71, л. 470–481]

Год	Количество судов ²	Вес груза (пуд.) ³	Год	Количество судов	Вес груза (пуд.)
1731	27	170 093	1746	50	319 917
1732	31	192 591	1747	43	281 706
1733	30	177 515	1748	44	283 153
1734	24	142 892	1749	43	294 036
1735	24	152 016	1750	38	269 800
1736	30	204 651	1751	41	304 322
1737	27	180 034	1752	48	362 599
1738	27	135 490	1753	51	361 854
1739	22	126 798	1754	49	355 084
1740	27	185 633	1755	28	228 170
1741	36	232 056	1756	46	322 528
1742	21	137 147	1757	37	254 105
1743	3	12 132	1758	31	147 931
1744	63	418 204	1759	23	159 715
1745	44	270 194	1760 ⁴	0	0

От Уткинской пристани до Санкт-Петербурга казенный караван проходил расстояние, равное примерно 3545 верстам⁵, из которых 38 % пути караван двигался против течения

² Большие и малые коломенки, однолетние суда, отправленные в Москву и Петербург с чувовских пристаней.

³ Вес груза, доставленного в Москву и Петербург, без учета, отправленного в другие города.

⁴ Казенный караван не был отправлен из-за передачи большей части государственных заводов частным владельцам.

⁵ 1 верста – 1,067 километра.

рек: Волги и Тверцы⁶. На основе анализа путевых журналов караванных управителей Н. Клеопина [11], И. Бухвалова [13, л. 377–415об.], А. Баженова [73], С. Клепикова [74] удалось установить среднее время в пути каравана от чусовских пристаней до Санкт-Петербурга, 404 дня из которых 214 караван зимовал в Твери. Движение каравана на участках пути против течения рек со всеми остановками занимало в среднем 116 дней. Преодоление самого протяженного участка пути по течению рек от чусовских пристаней до Лаишева и от Вышнего Волочка до Санкт-Петербурга, составляющего 62 % общей протяженности маршрута, занимало 74 дня, в частности, путь по Чусовой занимал не более двух недель.

Таким образом, в первой половине XVIII в. оформляется система отправки казенных караванов. Ключевыми фигурами в подготовке каравана были представитель Сибирского обербергамта, отправленный для контроля отправки на пристань, и пристанской управитель. Вся ответственность за успешное плавание казенных судов лежала на караванном управителе.

Список литературы

1. Акифьева Н. В. Железные караваны на Чусовой. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. 192 с.
2. Вышневолоцкая водная система: ретроспектива и современность. Гидролого-экологическая обстановка и ландшафтные изменения в районе водного пути. Экспедиционные исследования: состояние, итоги, перспективы / В. А. Широкова [и др.]. М. : КУНА, 2011. 248 с.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94.
4. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 151.
5. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 170.
6. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 245.
7. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 253.
8. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 278.
9. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 305.
10. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 328.
11. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 330.
12. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 331.
13. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 348.
14. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 354.
15. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 376.
16. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 384.
17. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 424.
18. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 488.
19. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 489.
20. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 524.
21. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 530а.
22. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 583.
23. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 588.
24. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 609.
25. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 633.
26. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 638.
27. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 711.
28. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 769.
29. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 771.
30. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 779.
31. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 824.
32. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 832.
33. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 844.
34. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 863.
35. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 875.
36. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 892.
37. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 917.
38. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 921.
39. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 934.
40. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 965.

⁶ Измерение расстояния по рекам от Уткинской пристани до Санкт-Петербурга произведено при помощи онлайн-сервиса построения маршрутов: BRouter web client // Онлайн-сервис BRouter. URL: <https://brouter.de/brouter-web/#map=6/54.387/10.371/1021&profile=river> (дата обращения: 26.01.2020).

41. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 986.
42. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 999.
43. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1008.
44. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1012.
45. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1013.
46. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1116–1122.
47. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1052.
48. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1079.
49. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1090.
50. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1094.
51. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1113.
52. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1136.
53. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1153.
54. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1175.
55. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1218.
56. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1220.
57. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1321.
58. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1343.
59. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1347.
60. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1381.
61. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1414.
62. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1422.
63. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1423.
64. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1433.
65. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1434.
66. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1438.
67. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1475.
68. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1525.
69. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1550.
70. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1575.
71. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1590.
72. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2115.
73. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1826.
74. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1833.
75. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1834.
76. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1835.
77. Иванов А. В. Message: Чусовая. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. 478 с.
78. Истомина Э. Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М. : Наука, 1982. 280 с.
79. История Урала с древнейших времен до 1861 г. / А. А. Преображенский (отв. ред.) и [др.]. М. : Наука, 1989. 608 с.
80. Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 1. 524 с.
81. Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. 536 с.
82. Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества сочиненное в 1800–1803 году в г. Перми. Пермь : Печатано при Пермском Губернском Правлении, 1804. Ч. 1. 399 с.
83. Речное судоходство в России / М. Н. Чеботарев [и др.]. М. : Транспорт, 1985. 352 с.
84. Российский государственный архив древних актов. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1019.

Delivery of products from Ural state-owned factories to the European part of Russia in the first half of the XVIII century

K. A. Ulanov

postgraduate student, Institute of history and archeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: ulanov.kir@gmail.com

Abstract. The article aims to reconstruct the entire route of Ural state-owned caravans from Chusovaya piers to Russian capitals in the first half of the XVIII century. For what purpose the tasks are solved: to trace the main stages of the movement of vessels, to identify all organizational measures for preparing state-owned cara-

vans for departure, movement to the capital cities, delivery of products to state authorities and foreign merchants. At the same time, the main attention is paid to the main caravans that went to Saint Petersburg. They provide an opportunity to present the most complete picture of all the problems.

The author comes to the conclusion that by the end of the first half of the XVIII century, the formation of the system of sending state-owned caravans is coming to an end. The leading role in preparing the caravan for departure was played by the representative of the Siberian Ober-bergamt, the pier and caravan managers. From the point of view of the composition, the state-owned caravan can be divided into kolomenkas going to St. Petersburg, Moscow, and annual vessels transporting special cargo. The entire route to St. Petersburg included movement along the Chusovaya and Kama river from Chusovaya piers to Laishev, then riding along the Volga continued until wintering in Tver. After that, the caravans, bypassing the canal system of the Vyshnevolotsk water system, reached St. Petersburg. Both weather conditions and interaction with regional authorities had a decisive influence on the successful navigation of the caravan. The Central government authorities also affected the product transportation system. Thus, the decrees of the Senate regarding the availability of printed passports for farmers who were employed in the caravan, created many problems with the search for boatmen for the mountain authorities.

Keywords: Ural, caravan, Chusovaya, kolomenka, pier, caravan manager.

References

1. Akif'eva N. V. *Zheleznye karavany na Chusovoj* [Iron caravans on Chusovaya]. Yekaterinburg. Bank of cultural information. 2013. 192 p.
2. *Vyshnevolockaya vodnaya sistema: retrospektiva i sovremennost'. Gidrologo-ekologicheskaya obstanovka i landshaftnye izmeneniya v rajone vodnogo puti. Ekspedicionnye issledovaniya: sostoyanie, itogi, perspektivy* – Vyshnevolotsk water system: retrospect and modernity. Hydrological-ecological conditions and landscape changes in the area of the waterway. Expedition research: state, results, prospects / V. A. Shirokova [et al.]. M. KUNA. 2011. 248 p.
3. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 94.
4. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 151.
5. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 170.
6. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 245.
7. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 253.
8. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 278.
9. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 305.
10. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 328.
11. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 330.
12. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 331.
13. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 348.
14. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 354.
15. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 376.
16. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 384.
17. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 424.
18. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 488.
19. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 489.
20. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 524.
21. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 530a.
22. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 583.
23. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 588.
24. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 609.
25. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 633.
26. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 638.
27. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 711.
28. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 769.
29. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 771.
30. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 779.
31. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 824.
32. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 832.
33. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 844.
34. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 863.
35. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 875.
36. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 892.
37. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 917.
38. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 921.
39. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 934.

40. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 965.
41. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 986.
42. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 999.
43. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1008.
44. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1012.
45. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1013.
46. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1116-1122.
47. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1052.
48. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1079.
49. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1090.
50. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1094.
51. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1113.
52. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1136.
53. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1153.
54. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1175.
55. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1218.
56. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1220.
57. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1321.
58. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1343.
59. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1347.
60. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1381.
61. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1414.
62. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1422.
63. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1423.
64. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1433.
65. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1434.
66. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1438.
67. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1475.
68. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1525.
69. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1550.
70. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1575.
71. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 1590.
72. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 1. File 2115.
73. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 2. File 1826.
74. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 2. File 1833.
75. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 2. File 1834.
76. State archive of the Sverdlovsk region. F. 24. Inv. 2. File 1835.
77. *Ivanov A. V. Message: Chusovaya* [Message: Chusovaya]. SPb. Azbuka-Klassika. 2007. 478 p.
78. *Istomina E. G. Vodnye puti Rossii vo vtoroj polovine XVIII – nachale XIX veka* [Water routes of Russia in the second half of the XVIII – early XIX century]. M. Nauka. 1982. 280 p.
79. *Istoriya Urala s drevnejshih vremen do 1861 g.* – History of the Urals from ancient times to 1861 / A. A. Preobrazhensky (ed.) and [others]. M. Nauka. 1989. 608 p.
80. *Kafengauz B. B. Istoriya hozyajstva Demidovyh v XVIII–XIX vv. Opyt issledovaniya po istorii ural'skoj metallurgii* [History of Demidov's economy in the XVIII–XIX centuries. Experience of research on the history of Ural metallurgy]. M. Academy of Sciences of the USSR. 1949. Vol. 1. 524 p.
81. *Pavlenko N. I. Razvitie metallurgicheskoy promyshlennosti Rossii v pervoj polovine XVIII veka. Promyshlennaya politika i upravlenie* [Development of the metallurgical industry in Russia in the first half of the XVIII century. Industrial policy and management]. M. USSR Academy of Sciences. 1953. 536 p.
82. *Popov N. S. Hozyajstvennoe opisanie Permskoj gubernii soobrazno nachertaniyu Sankt-Peterburgskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva sochinennoe v 1800–1803 godu v g. Permi* [Economic description of the Perm province according to the outline of the St. Petersburg Free economic society composed in 1800–1803 in Perm]. Perm. Printed under the Perm Provincial Government. 1804. Ch. 1. 399 p.
83. *Rechnoe sudohodstvo v Rossii* – River navigation in Russia / M. N. Chebotarev [et al.]. M. Transport. 1985. 352 p.
84. Russian state archive of ancient acts. F. 271. Inv. 1. File 1019.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(262.1)

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.006

Геополитическое влияние ЕС в Средиземноморье после «арабской весны»

К. Н. Гасанов

кандидат политических наук университета Зальцбурга, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов.
Россия, г. Москва. E-mail: kamran-bey@mail.ru

Аннотация. В руководстве ЕС царит мнение о том, что свержение Муаммара Каддафи, Бен Али и Хосни Мубарака, а также попытка отстранить Башара Асада от власти были неизбежным шагом на пути к распространению демократии. Мол, без устранения диктаторов на Ближний Восток не придет демократия. Насколько регион стал более просвещенным и свободным – вопрос спорный. Что более очевидно – это то, что из-за беспорядков в Ливии и Сирии Европу накрыл кризис беженцев, а расхождения по курдам ухудшили отношения ЕС с Турцией. Если вдобавок к этому выяснится, что ведущие державы Союза ослабили свои политико-экономические позиции в охваченных беспорядками странах или были полностью оттуда вытеснены, то можно сделать вывод о том, что «арабская весна» оказалась провалом для стран Евросоюза, которые активно участвовали в свержении Мубарака, Каддафи и попытке сменить власть в Дамаске.

Статья посвящена анализу экономических показателей (торговле и инвестициям) Европейского союза в Ливии, Египте и Сирии до и после протестов, а также сравнению степени политического влияния Брюсселя в трех странах. Выбор Ливии, Египта и Сирии связан с тем, что это наиболее затронутые протестами страны, географически и исторически близкие к Старому свету. Гражданская война в Ливии и Сирии продолжается уже десятый год, в Египте в 2013 году произошел второй госпереворот, свергнувший пришедших двумя годами ранее к власти исламистов. Ливия, Египет и Сирия – ключевые экономические партнеры стран ЕС в регионе Средиземноморья, рассматривавшиеся Европой в качестве «оплотов» в борьбе с терроризмом и нелегальной миграцией из Африки и Ближнего Востока.

Ключевые слова: «арабская весна», Сирия, Ливия, Египет, Европейский союз, экономика, инвестиции, торговля, политическое влияние.

Актуальность для России. Россия включилась в региональные процессы в 2015 году, когда ее ВКС вошли в Сирию. С тех пор влияние Москвы на Ближнем Востоке неуклонно росло. Так или иначе, поддержка Башара Асада привела к тесному партнерству с Турцией и Ираном в рамках «астанинского процесса», с Саудовской Аравией, Египтом, Катаром и Иорданией. Несмотря на окончание Холодной войны, Франция, Германия, Британия и Италия, будучи странами НАТО, остаются конкурентами, если не соперниками России в регионе. Особенно наглядно это соперничество заметно в Сирии, где все четыре страны выступают за свержение Асада. Поэтому оценка изменения степени влияния натовских стран позволяет выяснить, насколько высоки шансы России навязать конкуренцию Западу в данном регионе.

Гражданская война в Ливии

В госперевороте в Ливии 2011 года страны Европейского союза сыграли решающую роль, наряду с Соединенными Штатами. В марте того года ВВС Великобритании и Франции приступили к реализации резолюции Совета Безопасности ООН № 1973 о «бесполетной зоне». Они нанесли больше ударов по ливийским ВС, чем США. На Францию пришлось 35 % всех натовских бомбардировок. Хотя Италия и Германия активного участия в операции не принимали, они содействовали ее успешной реализации. Первая предоставила военную базу на Сицилии, а вторая «разгрузила» натовские силы в Афганистане, расширив участие в операциях AWACS.

Экономическое влияние ЕС в Ливии. Снижение торговли наглядно демонстрирует тот ущерб экономическому влиянию Брюсселя, который нанесла гражданская война. В 2010 товарооборот Ливии с ЕС составлял 36 млрд евро [22, с. 41]. В последующие годы после свержения Каддафи, между 2012 и 2016 годом торговля упала на 85 %, до 12 млрд евро. К 2018 году этот показатель удвоился, но все еще был на треть меньше дореволюционных [7].

В инвестиционной сфере ситуация несколько лучше. По статистике Еврокомиссии, за год до беспорядков прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Ливию из стран ЕС составляли около 3 миллиардов евро [11]. Как и в торговле, в капиталовложениях случился обвал из-за введенных Евросоюзом санкций. К 2017 году показатели удалось восстановить – в том году было инвестировано 3,3 млрд евро.

При этом стоит отметить, что к моменту гражданской войны европейские ТНК готовились вложить колоссальные суммы в ливийскую экономику. Итальянские Intermarine S.p.A. и Ansaldo STS пообещали по полмиллиарда долларов. Англо-голландская Royal Dutch Shell выделила на исследование газовых месторождений свыше 600 млн долл., а сделка BP в случае реализации могла достигнуть 13 млрд фунтов. Немецкие Siemens, BASF, RWE и Bilfinger Berger в совокупности инвестировали около 1,2 млрд долл. Учитывая планы европейских ТНК по будущим ПИИ, можно отметить, что на рынке капиталовложений Евросоюз понес серьезные потери.

Из-за противостояния между Правительством национального согласия (ПНС) Фаиза Сараджа в Триполи и силами Ливийской национальной армии (ЛНА) Халифы Хафтара европейские нефтяные компании не спешат возвращаться, а те, кто продолжает работать, еще не вышли на довоенные показатели. В 2018 году немецкая Wintershall, которая 70 % своей нефти добывала в Ливии, производила лишь 10 килобаррелей в сутки [23] – в десять раз меньше уровня 2010 года.

Политическое влияние ЕС в Ливии. До гражданской войны дипломатические отношения ЕС с правительством Муаммара Каддафи сложно было назвать дружескими. Лидера Джамахирии считали очередным диктатором на Ближнем Востоке, но в то же время рассматривали как опору в борьбе с терроризмом и нелегальной миграцией в Северной Африке.

В Европе хорошо помнили два теракта, за которыми стояла ливийская разведка: взрывы американского Боинга-747 над шотландским Локерби в 1988 году и французского лайнера DC-10 над Нигером годом позже. С 1992 года Ливия находилась под санкциями за инцидент над Локерби. Позднее Каддафи признал ответственность властей Ливии за теракт и в соответствии со сделкой с США и Великобританией выплатил по 10 миллионов долларов семьям более 240 погибших пассажиров. Лишь в 2004 году ЕС в соответствии с резолюцией ООН снял ограничительные меры, включая оружейное эмбарго. Смягчению отношения к Ливии поспособствовал и ее отказ в декабре 2003 года от разработки ядерного оружия.

Экономическая привлекательность Ливии и смягчение внешнеполитической риторики Каддафи активизировали ее контакты с Европой. В последние годы перед протестами полковник часто встречался с Сильвио Берлускони и Николая Саркози. После смены режима в СМИ появились публикации о том, что именно он спонсировал избирательную кампанию Саркози в 2007 году, перечислив около 42 млн фунтов. С Берлускони ливийский лидер были настоящими друзьями. Итальянский премьер попал под огонь критики, когда в самом начале протестов в Ливии на вопрос оппозиции, почему он не осудил подавление митингов и связывался ли он с Каддафи, Берлускони ответил, что «не хотел беспокоить его» [5]. Тесные отношения итальянского премьера с лидером Джамахирии подкрепляла его доля в Eni – крупнейшей иностранной компании в ливийской нефтяной индустрии. С Британией отношения у Триполи все еще обременялись терактом 20-летней давности. Однако британские компании BP и Shell при посредничестве бывшего премьера Тони Блэра получили концессии по разработке нефтяных месторождений в Ливии.

Политическое влияние. После натовской кампании возможности Брюсселя стали снижаться. Это, прежде всего, связано с разделом страны на два правительства: триполитанское и тобрукское. Хотя все европейские страны признают легитимность главы Правительства национального согласия (ПНС), они не избегают контактов с Хафтаром. Активную поддержку ему оказывает Франция. Сараджа поддерживают итальянцы. Влияние ЕС ограничивает несогласованность и открытая конкуренция ее стран-членов.

В мае 2018 года в Париже провели конференцию, куда пригласили политических лидеров Ливии, чтобы обсудить проведение выборов, экономических реформ и прекращение боев.

На встречу не пригласили представителей Италии, и итальянский посол в Триполи Джузеппе Перроне призвал отсрочить проведение выборов. На отсутствие единства накладывается увеличение числа вовлеченных игроков. Поддержка Россией, Саудовской Аравией, Египтом и ОАЭ Халифы Хафтара ограничивает возможности стран НАТО. С другой стороны, используя свое влияние на исламистов в Триполи, финансово-военную активность проявляют Катар и Турция. Последняя в начале 2020 года направила в ливийскую столицу воинские контингенты, вызвав этим шагом возмущение европейских столиц.

Европейцев переигрывают не только на поле, но и в дипломатии. 13 января при посредничестве Владимира Путина и Реджепа Тайипа Эрдогана состоялась конференция по Ливии с участием Хафтара и Сараджа. Хотя в последний момент фельдмаршал отказался подписывать мирную сделку, тем не менее Москва и Анкара заявили о своей ведущей роли в ливийском кризисе. Эта роль была доказана спустя неделю на конференции в Берлине, куда Меркель, помимо Макрона и Помпео, пригласила российского и турецкого президентов.

Эксперт РСМД Кирилл Семенов полагает, что политическое влияние ЕС в Ливии не только не ослабло, но и возросло.

«Каддафи пытался работать с Берлускони, Саркози и другими, но влияния как такового не было», – сказал он в беседе с автором статьи. Страны ЕС стояли в авангарде свержения Каддафи, потому что были заинтересованы в увеличении своей значимости в Ливии, напоминает эксперт. Ведь Ливия географически – самый близкий источник нефти и газа.

«Взять под контроль Ливию не удалось, но европейцы работают активнее, чем при Каддафи. Британский и французский спецназ вместе с силами Хафтара штурмовали Бенгази. У итальянцев есть военное присутствие в Мисрате, именно они в декабре 2016 года примирили бригады Зинтана и Мисураты [2]. При Каддафи такого не могло быть. Французы поддерживают тесные связи с Хафтаром, а Рим – с Триполи», – добавил Семенов.

Берлинская конференция в январе 2020 года показала, что «именно ЕС пытается за собой застолбить решающую роль в Ливии», подчеркнул политолог.

Египетская революция

В отличие от Ливии, в Египте Евросоюз был скорее наблюдателем, чем активным участником смены режима. В совместном заявлении Франция, Британия, Германия и Италия потребовали немедленной отставки египетского президента Хосни Мубарака, позднее Франция и Германия ввели оружейное эмбарго.

Экономическое влияние революции в Египте не оказалось таким уж ощутимым, как в Ливии. Наоборот, с 2011 по 2015 год европейский экспорт товаров в страны Африки вырос с 18 до 24 миллиардов долларов [21, с. 37]. В 2015 году поставки упали на пять миллиардов долларов, и в последующие три года оставались стабильно на уровне 20-22 млрд долл. [11].

В предреволюционные 2010–2011 годы египетский экспорт лежал в отметке 8–9 млрд долл. После свержения Мубарака европейский импорт начал резко снижаться, достигнув в 2016-м суммы в 6 млрд долл. К дореволюционному уровню он вернулся лишь в 2018 году. Если считать суммарно, то перед сменой режима товарооборот Египта и Евросоюза составлял около 27 миллиардов долларов, спустя семь лет – примерно 30 млрд долл. [13].

Как видно из статистики, политические потрясения в Египте не привели к резкому обвалу торговых отношений с ЕС. Однако ушло целых восемь лет, чтобы экспортно-импортные показатели вернулись к дореволюционным.

Совсем иная картина в сфере капиталовложений. В предшествовавшие смене режима пять лет европейские компании ежегодно инвестировали в среднем по 20 миллиардов долларов [21, с. 25]. В последующие пять лет ПИИ демонстрируют падение, составив в 2015 году около 13 млрд долл.

Немецкий Фонд Фридриха Эберта снижение инвестиций связал с приходом к власти исламистов. «Внезапное падение в 2012–2013 финансовом году может быть объяснено политической ситуацией, с доминированием партии “Братьев-мусульман” в законодательной и исполнительной власти. С отстранением Мухаммеда Мурси от власти в июле 2013 года ПИИ из ЕС снова начали расти» [21, с. 27].

Возможно, капиталовложения так и остались бы на низком уровне, если бы итальянская Eni в 2015 году не обнаружила крупнейшее в Средиземном море газовое месторождение «Зухр» в 50 км на север от Синайского полуострова. Eni владеет 50 % концессий, по 10 % держат британская BP и эмигрантская Mubadala Petroleum. Остальные 30 % выкупила «Рос-

нефть». Общий объем инвестиций «Зухр» оценивался в 2019 году в 12 млрд долларов. Пробная добыча началась в конце 2017 года, запуск в эксплуатацию – в январе 2019 года. Проект крайне важный для Египта, он помог Каиру в сентябре 2018 года отказаться от импорта газа и стать его экспортером.

Политическое влияние ЕС. Хотя в Европе никто не строил иллюзий о том, что возглавляемый тридцать лет одним человеком режим в Египет далек от идеалов демократии, другие «плюсы» сотрудничества с ним затмевали эти изъяны. Как самая населенная арабская страна, контролирующая проход через Суэцкий канал и имеющая влияние на палестинский вопрос, Египет всегда представлял огромное значение ЕС в регионе. Лидеры стран Евросоюза называли Мубарака «столпом» в борьбе с радикализмом и нелегальной миграцией.

В 2004 году Египет и ЕС подписали соглашение о партнерстве. Лидеры стран ЕС и Мубарак постоянно обменивались визитами. Были установлены тесные личные контакты. Европейские лидеры будто бы соревновались в праве называться лучшим другом египетского президента. Из СМИ известно, что Саркози, его премьер-министр Франсуа Фийон и бывший глава британского правительства Тони Блэр проводили каникулы на вилле Мубарака в Шарм эль-Шейхе [17]. Британские компании во главе с BP были главными иностранными инвесторами в Египте. Лондон поддерживал Каир в заключении договора об ассоциации с ЕС. Стоит отметить, что первый саммит Средиземноморского союза (Union for the Mediterranean) прошел под председательством Хосни Мубарака и Николая Саркози, что говорит о решающей роли Каира в регионе. Берлускони тоже считал Мубарака близким другом и надежным партнером. Доказательством этому является отказ итальянского премьера подписать совместное заявление с участием Британии, Франции и Германии, осуждающее египетского президента.

Свержение Мубарака пошатнуло прочные позиции ЕС в Египте. Поначалу смена режима дала Брюсселю надежды на демократические реформы. Сразу после избрания лидера «Братьев-мусульман» (запрещена в РФ) Мохаммеда Мурси временным президентом ЕС анонсировал выделение финансовой поддержки в размере 4,2 млрд евро. Однако, когда в стране началась ожесточенная борьба между исламистами и военными во главе с Абдель Фаттахом Ас-Сиси, ЕС пришлось выбирать. Хотя «Братья-мусульмане» не вызывали доверия из-за их негативно-го отношения к Израилю и притеснения прав женщин, светские силы Ас-Сиси также не воспринимались Европой в качестве демократических.

Когда в 2013 году случился военный переворот, «за закрытыми дверями разведсообщества США и ЕС приветствовали свержение Мурси генералом Абдель Фаттахом ас-Сиси» [18]. При Ас-Сиси Египет с 1,2 млрд евро стал самым главным получателем инвестиций Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), обойдя Турцию [18].

Старший преподаватель Института международных отношений и мировой истории (ИМОИ) ННГУ Амр Элдиб полагает, что при Ас-Сиси отношения Египта с Европой стали укрепляться.

– При Ас-Сиси отношения с Францией и Италией стали очень прочными. С Италией – из-за месторождений газа, в которых участвует ENI. Италия и Египет очень тесно сотрудничают из-за ситуации в Ливии. При Борисе Джонсоне Великобритания тоже начала улучшать отношения, – сказал он в беседе с автором.

Признавая укрепление отношений, Элдиб уверен, что использовать термин «влияние» в отношениях ЕС и Египта не совсем корректно. Даже во времена Мубарака ни США, ни ЕС не удавалось влиять на Каир. Лучшее доказательство независимости Каира – де-факто разрыв отношений с США при Обаме в первые годы правления Ас-Сиси и поддержка сирийского президента Асада в СБ ООН, несмотря на прекращение нефтяных поставок из Саудовской Аравии.

Кирилл Семенов считает, что при Мубараке Египет «придерживался более европейской ориентации», в то время как сейчас полагается на финансовую поддержку ОАЭ и Саудовской Аравии.

За последние годы ситуация в мире изменилась, поэтому ЕС вынужден крайне осторожно вести себя с Каиром, избегая резкой критики, отмечает Европейский совет по международным делам (ЕСМД) [4]. Европа зависит от кооперации с Египтом по ряду ключевых направлений:

- 1) контроль за нелегальной миграцией в Средиземноморье;
- 2) содействие Египта стабильности на Ближнем Востоке и на севере Африки. Египет – ключевой партнер ЕС в ливийском конфликте и в примирении Палестины с Израилем;
- 3) кооперация в борьбе с терроризмом;

4) экономическая зависимость. Для стран-членов ЕС, как ФРГ и Франция, Египет – важный рынок сбыта вооружений. Газовые проекты Eni – Zohr и Noogos – способствуют энергетической безопасности ЕС.

Послереволюционный Египет умело пользуется зависимостью ЕС. Например, Каир гнет свою линию в ливийском конфликте и не придерживается европейского «мейнстрима». Усилению позиций Египта перед ЕС способствует диверсификация внешней политики первого. За счет Саудовской Аравии и ОАЭ. С 2013 года две суннитские монархии предоставили многомиллиардные гранты, кредиты и поставки нефти для стабилизации египетской экономики. Египет стал ключевым региональным союзником саудитов и эмиратцев. Они совместно выступили на стороне Хафтара в Ливии и против хуситов в Йемене.

Влияние ЕС подтачивают США и Россия. Администрация Дональда Трампа закрывает глаза на нарушение прав человека в Египте, проводит совместные военные учения и продает вооружение. «Нынешняя позиция Вашингтона в отношении Египта ослабляет способность Европы оказывать давление на страну для проведения политических изменений», – говорится в анализе ЕСМД [4].

Отношения с Россией при Ас-Сиси переживают настоящий ренессанс как в политической и экономической сферах, так и в сфере безопасности. Лидеры государств встречаются регулярно. В 2015 году Каир заключил сделку на приобретение российских систем ПВО С-300. На 2020 была запланирована покупка 50 истребителей МиГ-29. В конце 2017 года стороны договорились о том, что российские ВВС могут использовать египетские базы и воздушное пространство. В том же году «Роснефть» купила у Eni 30 % концессий газового месторождения «Зухр». Египет укрепляет отношения и с Китаем, для которого Каир стал третьим главным торговым партнером в Африке.

«Диверсификация внешней политики и экономических отношений Каира снизила его чрезмерную зависимость от традиционных партнеров в лице США и Европы», – пишет ЕСМД [4].

Учитывая перечисленные обстоятельства, Брюсселю приходится закрывать глаза на внутривнутриполитические процессы в Египте, что с точки зрения продвижения демократии можно расценивать как ослабление влияния. ЕС боится настроить руководство в Каире враждебно к себе. Переживавший в то время наплыв мусульманских беженцев ЕС в 2013 году «приветствовал замену исламистского правительства светским», отмечает брюссельская НПО Eyes on Europe [14]. После свержения Мурси Совет ЕС начал принимать заключения по Египту «один за другим», но ни одно из них не содержит осуждений или санкций против «репрессий нового египетского правительства». После военного переворота июля 2013 года ЕС сместил акцент с демократии и прав человека на стабильность и безопасность, что подтверждают заявления Совета ЕС. Хотя в заключении от февраля 2014 года, наряду с приверженностью к безопасности и стабильности, Совет ЕС выразил озабоченность преследованием оппозиции и ограничением свободы СМИ [6].

Визиты лидера страны, в которой нарушают права человека, во Францию, Германию и Великобританию, с точки зрения Eyes on Europe, явилось «легитимацией диктатуры». Арест Мурси на 20 лет никак не испортил отношения с Каиром. Пресс-секретарь Еврокомиссии Кэтрин Рэй лишь заявила, что «ЕС продолжит развивать отношения с Египтом по различным аспектам» [12].

Личные встречи лидеров ЕС с президентом Египта лишь доказывают сдержанность Европы в вопросах демократии. На саммите ЕС-ЛАГ, который 25 апреля 2019 года прошел в египетском Шарм-эль-Шейхе (свидетельство связующей роли Каира между Европой и Арабским миром) руководители стран-членов ЕС избегали открытой критики состояния прав человека в Египте. За исключением главы Евросовета Дональда Туска, сказавшего: европейцы собрались в курортном городе не для того, чтобы «притвориться, что мы со всем согласны». Но при этом Туск указал на «общие вызовы и интересы» [10]. Другой пример осторожного отношения – визит французского президента Эммануэля Макрона в Каир в начале 2019 года. Макрон назвал Египет бастионом против терроризма, добавив, что «безопасность Египта – безопасность Франции». «Отношения двух стран и президентов никогда не были теплее, чем сейчас», – так эту встречу оценила Human Rights Watch [18]. За 2013–2017 годы Франция обогнала США в статусе главного поставщика вооружения Египту. Когда Макрона критиковали за поддержку Ас-Сиси, он отвечал, что не хочет «учить его демократии».

Несмотря на всю свою зависимость от Египта, некоторые европейские эксперты уверены, что Брюссель должен реагировать на ограничение демократии в Каире. HRW требует от

Франции прекратить поставки вооружения. «ЕС должен пересмотреть свой подход и четко дать понять Ас-Сиси, что любое дальнейшее ужесточение репрессий со стороны государства (Египта) приведет к тому, что Евросоюз сократит свое сотрудничество с Египтом», – писал в прошлом году обозреватель ЕСМД Рене Вильдангель [20]. Инструментом давления могут стать 11 млрд долл. грантов и долгов, предоставленных ЕС Египту, вдобавок к 12 млрд долл. помощи со стороны МВФ.

Гражданская война в Сирии

Сирийская революция, переросшая в гражданскую войну, оказалась более сложной для выработки реакции Европейского союза, чем два предыдущих конфликта. С одной стороны, так же как и в Египте и Ливии, ЕС открыто выступил против местного лидера Башара Асада, признал его нелегитимным президентом и ввел против Сирии экономические санкции. В то же время поддержка России и Ирана центральному правительству удержала Великобританию и Францию при поддержке США в сентябре 2013 года начать «ливийский сценарий». На более поздних этапах, когда ИГИЛ (запрещена в РФ) пустила корни в Сирии, европейские страны в составе американской коалиции начали военную операцию против террористов. Европейцы хотя оказывали финансовую поддержку и поставляли вооружение оппозиции в лице Свободной сирийской армии, но в дальнейшем все больше ставку начали делать на курдские Отряды народной самообороны (YPG). Последних в ЕС, наравне с США, начали рассматривать как опору в борьбе с терроризмом.

В период кампании по вытеснению ИГИЛ из Сирии (2015–2017 гг.) Франция и Британия разместили на Востоке Евфрата военные базы. Учитывая, что с 2015 года Башар Асад при поддержке России и Ирана начал устанавливать контроль над большей частью территории Сирии, а сирийская оппозиция после трех военных кампаний Турции («Щит Евфрата», «Оливковая ветвь» и «Источник мира») перешла под опеку Анкары, единственной опорой ЕС на земле оказались курды. Из-за союза с последними резко испортились отношения Брюсселя с натовским союзником Турцией. Лидеры ЕС осудили военные кампании Турции – «Оливковая ветвь» в Африне и «Источник мира» в Заевфратье.

В то же время нельзя умалять попытки ЕС спасти оппозицию. В апреле 2013 г. Совет ЕС официально разрешил покупку нефти, добываемой на территории повстанцев. В августе 2014 г. Франсуа Олланд признался, что его страна поставляет оружие мятежникам.

Каждая операция Асада против оппозиции, от Алеппо до Идлиба, встречалась резким осуждением стран ЕС и ужесточением санкций против режима и его союзников. В ответ на военную операцию Асада в Восточной Гуте (пригород Дамаска) и якобы применения там химического оружия 14 апреля 2018 года Великобритания и Франция вместе с США нанесли ракетные удары по силам режима.

Экономическое влияние ЕС. Если в Египте и Ливии экономические позиции Евросоюза после госпереворотов начали с переменным успехом восстанавливаться, то с Сирией финансово-торговые связи все время шли по нисходящей. Объяснить такой тренд несложно. После того как верховный представитель ЕС Кэтрин Эштон заявила «Асад потерял легитимность», ЕС ввел бесчисленное количество санкций в отношении Сирии: оружейное и нефтяное эмбарго, заморозку счетов, запрет авиаперелетов, разрыв отношений в финансово-кредитной сфере и так далее [15].

До протестов и гражданской войны ЕС являлся главным торговым партнером Сирии. На Европу, по данным МВФ, в 2008 году было ориентировано 36 % экспорта (92 % нефтяного) арабской страны. Когда европейские корпорации Total S.A. и Royal Dutch Shell свернули деятельность, цена бытового газа утроилась [1].

Ограничительные меры ЕС привели к обвалу торговли. В 2010 году двусторонняя торговля достигла 7,2 млрд евро. Половину из них составлял европейский экспорт, другую – сирийский [16]. Евросоюз являлся главным торговым партнером Сирии. На ЕС приходилось 22 % всего сирийского торгового оборота. Среди импортных партнеров европейцы с 19 % занимали первое место, среди экспортных партнеров с 29 % они незначительно уступали Ираку.

За пять лет войны торговля практически сошла на нет. С 2011 года товарооборот ЕС и Сирии упал с 7,2 до 0,5 млрд евро. Сирийский экспорт снизился на 97 %, европейский – на 85 % [9]. Структура европейского экспорта осталась неизменной: 50 % – это сельское хозяйство, и по 20 % – машинное и транспортное оборудование, и химические препараты. Структура же европейского импорта поменялась кардинально. Если в 2013 году нефть и сельское хо-

зьяство занимали по 30 %, то в 2017 году сирийский экспорт на 80 % состоял из сельхозпродукции. До нефтяного эмбарго главными потребителями сирийской нефтяной продукции были Германия (32 %), Италия (31 %) и Франция (11 %) [16].

По сравнению с Ливией и Египтом, инвестиционное присутствие ЕС в Сирии было весьма скромным. Капиталовложения исчислялись в миллионах, а не миллиардах евро. Из открытых источников известно, что в период 2005–2006 гг. французские инвестиции упали с 11 до 2 миллионов евро. Французский бизнес был сосредоточен в нефти. Компания Total за два года до протестов нарастила добычу нефти с 15 до 39 килобаррелей в сутки. Нефтяная компания подписала серию контрактов по добыче нефти и газа, включая продление на 10 лет концессии в месторождении в Дейр-эз-Зоре. К слову, Total, наравне с главным иностранным инвестором англо-голландской Shell, поддерживала планировавшийся проект газопровода из Катара в Сирию и присматривалась к месторождениям газа и нефти на шельфе.

К началу протестов итальянцы инвестировали порядка 80 миллионов евро (OECD.Stat), немцы – 66 млн евро (OECD.Stat), французы – 2 миллиона евро. По Британии данные по ПИИ в открытых источниках отсутствуют. Главными добытчиками нефти в Сирии из европейских стран были англо-голландская Royal Dutch Shell, британская Gulf Sands Petroleum Plc и французская Total. При этом, учитывая коммерческую деятельность Total и Shell по всему миру, добыча нефти в Сирии составляли пару процентов от их совокупного оборота.

У европейских нефтяников были серьезные конкуренты из России и Китая. В мае 2010 года CNPC приобрела 35-процентную долю в проекте Syria Shell Petroleum Development. Из российских компаний на сирийском рынке активно работали «Стройтрансгаз», «Татнефть», «СоюзНефтеГаз» и «Уралмаш».

Политическое влияние ЕС. Отношения с Башаром Асадом у Евросоюза складывались гораздо хуже, чем с Мубараком и Каддафи. Причин на то было несколько. За Асадом-младшим тянулся «шлейф» его отца Хафиза. В 1983 году почти 60 французских миротворцев погибли при взрыве в Бейруте. Запад подозревал в нападении Дамаск и Тегеран. Дополнительный негатив в сирийско-европейские отношения внесло убийство в 2005 году ливанского премьера и миллиардера Рафика аль-Харири. Некоторые СМИ назвали убийство «сирийским ответом» на инициированную Жаком Шираком и Джорджем Бушем-младшим сделку о выводе 15 тысяч сирийских военных из Ливана, находившихся там с 1976 года. Ряд европейских стран были возмущены тесными контактами сирийских властей с «Хезболлой» и ХАМАС. Даунинг-стрит открыто называл Сирию «спонсором терроризма».

Брюссель также не устраивала поддержка Дамаска Тегерану в ее ядерной программе. Тесные контакты Сирии с Ираном и Россией в военно-технической сфере, а также санкции США против Сирии создавали дополнительные помехи для ЕС. Американские ограничительные меры мешали Дамаску заключить сделку о приобретении самолетов Airbus. В 2010 году бывший французский премьер Франсуа Фийон отметил, что экономическое партнерство Парижа с Дамаском находится «ниже потенциала» и нуждается в укреплении. Сирия строго осудила вторжение Британии в Ирак, и Лондон вслед за Вашингтоном обвинял Дамаск в пропуске из Сирии в Ирак боевиков, атакующих военных США и Британии.

В июле 2008 года Николя Саркози хоть и пригласил сирийского президента на саммит «Средиземноморского союза» в Париж, но не смог убедить того подписать договор об ассоциации и начать демократические реформы. С Римом и Берлином Дамаск поддерживал чисто деловые контакты, хотя общеполитический фон и напряженность по линии США – Сирия сдерживали усилия Италии и Германии.

С началом протестов в Сирии весной 2011 года ЕС начал разрывать и без того хрупкие отношения с Сирией. Все европейские лидеры и верховный представитель ЕС по внешней политике объявили Асада «нелегитимным». Перечисленные выше санкции вводились всеми странами Евросоюза на основе заключений Совета ЕС. Сворачивание проектов и инвестиций лишило ЕС экономического влияния, которое ранее хоть как-то выравнивало неровные дипломатические контакты. После того как ЕС занял сторону Свободной сирийской армии и других оппозиционных групп, Брюссель полностью лишился какого-либо влияния на Дамаск.

Ввод в 2015 году российских ВКС полностью отдал режим на откуп России, а также воевавших к тому времени на стороне сирийских правительственных войск проиранских прокси. С этого момента Сирийская арабская армия (САА) идет в наступление, вытеснив поддерживаемую ЕС оппозицию из Хомса, Алеппо, Восточной Гуты и Деръа. Соответственно, если раньше можно было говорить, что Брюссель сохраняет влияние в Сирии через политическую под-

держку вооруженной оппозиции, то с 2018 года оппозиция была согнана в Идлиб и другие территории на севере Сирии и перешла под управление Турции.

Разрыв связей с Асадом и переход контроля над оппозицией Турции, которая объединила их в «Сирийскую национальную армию», казалось бы, компенсируется присутствием французских и британских военных на подконтрольных курдам территориях. Однако это влияние не такое прочное. Во-первых, в регионе размещены всего несколько сотен военнослужащих Британии и Франции. Во-вторых, они базируются там в рамках американской коалиции по борьбе с ИГИЛ (запрещена в РФ) и зависимы от Пентагона. В канун 2019 года Дональд Трамп объявил о решении вывести войска из Заевфратья. Пока это лишь риторика, но в случае эвакуации американцев Франции и Британии тоже придется уйти из Сирии. И об этом уже говорили французские чиновники [3], когда Турция в октябре 2019 года начала операцию «Источник мира». Турецкая кампания по вытеснению курдов из приграничных зон оказывает дополнительное давление на ЕС, поддерживающий YPG. Эрдоган рассматривает YPG в качестве террористической организации. В результате «Источника мира» турки выбили курдских боевиков из 120-километровой зоны. В остальных территориях на запад и восток, по соглашению Путина и Эрдогана, началось совместное патрулирование российских и турецких военных, а граница должна охраняться сирийскими пограничниками.

Провал попыток сместить Асада не только снизил политическое влияние ЕС в Сирии, но и нанес ущерб по самой Европе. Нестабильность и хаос гражданской войны привели к оттоку населения и в сентябре 2015 года вызвали кризис беженцев в Европе. По разным подсчетам, в ЕС прибыло от одного до двух миллионов беженцев и нелегальных мигрантов из Ближнего Востока и Африки. В одной Германии находятся порядка 600 тысяч сирийских беженцев [24]. Отсутствие консенсуса по распределению 120 тысяч беженцев из Греции по странам ЕС подорвали европейскую солидарность. С началом борьбы европейских стран с ИГИЛ в Европе прогремели серии громких терактов, затронувших Париж, Берлин, Брюссель и другие европейские города. На волне растущей миграции и терактов резко выросла популярность правых партий, пришедших к власти в Италии и Австрии и укрепившихся в Германии.

Заключение

Потрясения в странах «Арабской весны» нанесли серьезный урон по экономическому присутствию ЕС в регионе Средиземноморья. Товарооборот Европы с Египтом за пять лет после свержения Мубарака упал в четыре раза (с 27 до 6 млрд). Потребовалось восемь лет, чтобы показатели вернулись к дореволюционным. В торговле с Ливией ЕС все еще не может достигнуть уровня времен Каддафи, а с Сирией все бизнес-отношения сведены к нулю из-за продолжающихся экономических санкций. Несколько более радужная картина в капиталовложениях. Несмотря на резкое падение в первые годы, к 2018 году в Ливии европейские ПИИ постепенно восстанавливаются, хотя далеки от времен Каддафи. В Сирии инвестиции невозможны по причине санкций. В Египте до 2015 года инвестиции падали, и лишь с открытием крупнейшего в Средиземноморье газового месторождения «Зухр» европейские нефтяники снова ринулись в регион. Таким образом, можно констатировать, что революции и попытки смены режима в арабских странах привели к ослаблению экономического влияния ЕС в Средиземноморье.

В плане политического влияния ситуация неоднозначная. С одной стороны, европейские страны после свержения Каддафи и раскачивания Сирии получили сильные рычаги давления на игроков на земле. Италия имеет базу в Мисурате и пользуется влиянием на Сараджа, а Франция с Британией участвовали в штурме Бенгази на стороне Хафтара, зависимого в определенной степени от Парижа. В Сирии Франция и Британия имеют союзников в лице курдских YPG и разметили на их территориях своих военных. С момента обретения Ливией и Сирией независимости европейские страны не могли о таком даже мечтать.

В то же время дестабилизация региона создала вакуум силы. Не меньшее влияние на Хафтара, чем Франция, оказывает Саудовская Аравия, ОАЭ, Россия и Египет. Правительство в Триполи настолько же зависимо от Италии, сколько от Катара и Турции, поддерживающих «братьев-мусульман» по всему региону. В Сирии позиции ЕС и до войны не были сильными, но с вводом туда российских, турецких и американских войск, а также иранских прокси, конкурентов здесь у Брюсселя стало больше, чем до гражданской войны.

В Египте, несмотря на смену режима, удалось избежать войны. Поэтому прямого рычага давления на Каир нет ни у одной европейской страны. Благодаря своему экономическому ли-

дерству ЕС все еще сохраняет прочные политические позиции в Египте. Однако финансирование со стороны монархий Персидского залива и сближение с Москвой ограничивает возможности Брюсселя, особенно в плане продвижения и навязывания правительству Ас-Сиси своих демократических идеалов.

Если в политическом плане у ЕС есть определенные победы в Ливии и Сирии, они нивелируются негативными последствиями. Ливия и Сирия стали транзитерами и источниками массовой миграции в Европу. В то же время разногласия Брюсселя и Анкары из-за войны турецких ВС сил против YPG в Африне и Заевфратье и отправка турецких военных в Триполи подрывают отношения ЕС со второй сильнейшей армией в НАТО.

Список литературы

1. Гасанов К. Европейский союз в Сирии: жертва или зачинщик хаоса? // ИА Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2043139.html>.
2. Семенов К. Кому принадлежит Ливия? // Российский совет по международным делам. 9.11.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/komu-prinadlezhit-liviya>.
3. Франция вслед за США решила обезопасить своих военных в Сирии // РБК. 14.10.2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/10/2019/5da3bdd09a79470ff2601349>.
4. Adel Abdel Ghafar. Egypt. Mapping European leverage in the MENA region // European Council on Foreign Relations. 12 December, 2019. URL: https://www.ecfr.eu/specials/mapping_eu_leverage_mena/egypt.
5. Berlusconi under fire for not "disturbing" Gaddafi. Reuters, 10 February, 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/us-italy-libya-berlusconi/berlusconi-under-fire-for-not-disturbing-gaddafi-idUSTRE71J1LH20110220>.
6. Council of the European Union. Council conclusions on Egypt // Foreign Affairs Council meeting Brussels, 10 February 2014. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/28977/140971.pdf>.
7. Countries and regions. Libya // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/libya>.
8. Countries and regions. Egypt // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/egypt>.
9. Countries and regions. Syria // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/syria>.
10. Egypt's el-Sisi Welcomes European Union Leaders, but Not Their Scolding on Rights // The New York Times. 25.02.2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/25/world/middleeast/sisi-egypt-european-union.html>.
11. ENP Package – Libya // European Commission. MEMO/12/338. Brussels, 15 May 2012. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_12_338.
12. EU, Egypt hold 'strong relations' despite Morsi verdict // Anadoly Agency. 24.04.2015. URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/eu-egypt-hold-strong-relations-despite-morsi-verdict/55164>.
13. ENP Package, Country Progress Report – Egypt // European Commission. MEMO/12/333. Brussels, 15 May 2012. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_12_333.
14. Eyes on Europe. The EU in Egypt: supporting a dictatorship or ensuring stability? 24 March, 2017. URL: <https://www.eyes-on-europe.eu/supporting-a-dictator-or-stability-in-egypt>.
15. EU Sanctions map. URL: <https://www.sanctionsmap.eu/#/main>.
16. EU Neighbours. EU – Syria – bilateral trade (2010). URL: <https://library.euneighbours.eu/content/eu-syria-bilateral-trade-2010>.
17. Gasanov K. Why do not EU member states act unanimously towards third countries? : explaining the discordant response of the EU in the Arab Spring. Salzburg, 2017.
18. Les armes françaises favorisent les abus en Egypte // Le Monde. 28 janvier 2019. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/01/28/les-armes-francaises-favorisent-les-abus-en-egypte_5415694_3232.html.
19. Rem Korteweg. Europe's struggle for influence in Egypt. Centre for European Reform. 23 August 2013. URL: <https://www.cer.eu/insights/europes-struggle-influence-egypt>.
20. René Wildangel. Sisi's illusion of stability. European Council on Foreign Relations, 2019. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_sisis_illusion_of_stability1.
21. The Impact of Egypt-EU Free Trade Agreement on Egypt's Manufacturing Exports and Employment // Friedrich-Ebert-Stiftung, Egypt Office. March 2018. URL: https://www.fes-egypt.org/fileadmin/user_upload/images/Egypt-EU_final_for_web_3-1-2019.pdf.
22. Witney Nick, Dworkin Anthony. A power audit of EU-North Afrika relations // European Council on Foreign Relations. 2012. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR62_NAPA_REPORT.pdf.
23. Wintershall's Libya oil output sharply lower at 10,000 bpd // Reuters. 28.08.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/wintershall-libya/wintershalls-libya-oil-output-sharply-lower-at-10000-bpd-idUSL8N1VJ3DL>.
24. Zoe Todd. By the Numbers: Syrian Refugees Around the World. Frontline. 19.11.2019. URL: <https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/numbers-syrian-refugees-around-world>.

The EU's geopolitical influence in the Mediterranean after "the Arab spring"

K. N. Gasanov

PhD of Political Sciences, University of Salzburg, senior lecturer of the Department of theory and history of journalism, Peoples' Friendship University of Russia. Russia, Moscow. E-mail: kamran-bey@mail.ru

Abstract. The EU leadership believes that the overthrow of Muammar Gaddafi, Ben Ali and Hosni Mubarak, as well as the attempt to remove Bashar al-Assad from power, was an inevitable step towards the spread of democracy. They say that without the removal of dictators, democracy will not come to the Middle East. How much the region has become more enlightened and free is debatable. What is more obvious is that due to the unrest in Libya and Syria, the refugee crisis has engulfed Europe, and differences over the Kurds have worsened the EU's relations with Turkey. If in addition to this, it turns out that the leading powers of the Union have weakened their political and economic positions in the countries affected by the unrest or were completely displaced from there, then we can conclude that the "Arab spring" was a failure for the EU countries that actively participated in the overthrow of Mubarak, Gaddafi and the attempt to change power in Damascus.

The article is devoted to the analysis of economic indicators (trade and investment) of the European Union in Libya, Egypt and Syria before and after the protests, as well as a comparison of the extent of political influence of Brussels in the three countries. The choice of Libya, Egypt and Syria is due to the fact that these are the countries most affected by the protests, geographically and historically close to the Old world. The civil war in Libya and Syria continues for the tenth year, in Egypt in 2013 there was a second coup that overthrew the Islamists who came to power two years earlier. Libya, Egypt and Syria are key economic partners of EU countries in the Mediterranean region, considered by Europe as "bulwarks" in the fight against terrorism and illegal migration from Africa and the Middle East.

Keywords: "Arab spring", Syria, Libya, Egypt, European Union, economy, investment, trade, political influence.

References

1. Gasanov K. *Evropejskij soyuz v Sirii: zhertva ili zachinshchik haosa?* [The European Union in Syria: victim or instigator of chaos?] // PA Regnum. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2043139.html>.
2. Semenov K. *Komu prinadlezhit Liviya?* [Who does Libya belong to?] // *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* – Russian international Affairs Council. 9.11.2018. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/komu-prinadlezhit-liviya>.
3. *Franciya vsled za SShA reshila obezopasit' svoih voennyh v Sirii* – France, following the US, decided to secure its military in Syria // RBC. 14.10.2019. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/14/10/2019/5da3bdd09a79470ff2601349>.
4. Adel Abdel Ghafar. *Egypt. Mapping European leverage in the MENA region* // European Council on Foreign Relations. 12 December, 2019. Available at: https://www.ecfr.eu/specials/mapping_eu_leverage_mena/egypt.
5. Berlusconi under fire for not "disturbing" Gaddafi. Reuters, 10 February, 2011. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-italy-libya-berlusconi/berlusconi-under-fire-for-not-disturbing-gaddafi-idUSTRE71J1LH20110220>
6. Council of the European Union. *Council conclusions on Egypt* // Foreign Affairs Council meeting Brussels, 10 February 2014. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/28977/140971.pdf>.
7. *Countries and regions. Libya* // European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/libya>.
8. *Countries and regions. Egypt* // European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/egypt>.
9. *Countries and regions. Syria* // European Commission. Available at: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/syria>.
10. *Egypt's el-Sisi Welcomes European Union Leaders, but Not Their Scolding on Rights* // The New York Times. 25.02.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/02/25/world/middleeast/sisi-egypt-european-union.html>.
11. *ENP Package – Libya* // European Commission. MEMO/12/338. Brussels, 15 May 2012. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_12_338.
12. *EU, Egypt hold 'strong relations' despite Morsi verdict* // Anadolu Agency. 24.04.2015. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/politics/eu-egypt-hold-strong-relations-despite-morsi-verdict/55164>.
13. *ENP Package, Country Progress Report – Egypt* // European Commission. MEMO/12/333. Brussels, 15 May 2012. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_12_333.
14. *Eyes on Europe. The EU in Egypt: supporting a dictatorship or ensuring stability?* 24 March, 2017. Available at: <https://www.eyes-on-europe.eu/supporting-a-dictator-or-stability-in-egypt>.

15. EU Sanctions map. Available at: <https://www.sanctionsmap.eu/#/main>.
16. EU Neighbours. EU – Syria – bilateral trade (2010). Available at: <https://library.euneighbours.eu/content/eu-syria-bilateral-trade-2010>.
17. Gasanov K. Why do not EU member states act unanimously towards third countries? : explaining the discordant response of the EU in the Arab Spring. Salzburg, 2017.
18. Les armes françaises favorisent les abus en Egypte // Le Monde. 28 janvier 2019. Available at: https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/01/28/les-armes-francaises-favorisent-les-abus-en-egypte_5415694_3232.html.
19. Rem Korteweg. Europe's struggle for influence in Egypt. Centre for European Reform. 23 August 2013. Available at: <https://www.cer.eu/insights/europes-struggle-influence-egypt>.
20. René Wildangel. Sisi's illusion of stability. European Council on Foreign Relations, 2019. Available at: https://www.ecfr.eu/article/commentary_sisis_illusion_of_stability1.
21. The Impact of Egypt-EU Free Trade Agreement on Egypt's Manufacturing Exports and Employment // Friedrich-Ebert-Stiftung. Egypt Office. March 2018. Available at: https://www.fes-egypt.org/fileadmin/user_upload/images/Egypt-EU_final_for_web_3-1-2019.pdf.
22. Witney Nick, Dworkin Anthony. A power audit of EU-North Afrika relations // European Council on Foreign Relations. 2012. Available at: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR62_NAPA_REPORT.pdf.
23. Wintershall's Libya oil output sharply lower at 10,000 bpd // Reuters. 28.08.2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/wintershall-libya/wintershalls-libya-oil-output-sharply-lower-at-10000-bpd-idUSL8N1VJ3DL>.
24. Zoe Todd. By the Numbers: Syrian Refugees Around the World. Frontline. 19.11.2019. Available at: <https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/numbers-syrian-refugees-around-world>

Грузино-азербайджанские отношения: вызовы стратегическому партнерству

Г. М. Турава

аспирант факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов.
Россия, г. Москва. E-mail: george.turava93@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена детальному рассмотрению и анализу существующих вызовов в грузино-азербайджанских отношениях. Двусторонние отношения между данными государствами – один из ключевых факторов, оказывающих влияние на безопасность в регионе. Почти за тридцать лет независимости государствам удалось довести отношения до уровня стратегического партнерства. Грузия и Азербайджан тесно сотрудничают по всему спектру вопросов двусторонних отношений, уделяя особое внимание энергетической сфере, поскольку основные экспортные маршруты углеводородов Азербайджана проходят через территорию Грузии. Тем не менее, несмотря на всю приоритетность двухсторонних связей, существует ряд проблем, которые могут представлять угрозу сложившемуся стратегическому партнерству.

Было выявлено, что существуют три основные проблемы в грузино-азербайджанских отношениях. Первым вызовом являются территориальные разногласия, которые привели к беспрецедентному уровню напряженности в 2019 году. Вторая проблема тесно связана с религиозной сферой. Наконец, политика Грузии в отношении азербайджанской этнической группы (проживающей в Грузии) вызывает опасения со стороны ряда азербайджанских НПО, аналитиков и политиков, поскольку считается недостаточной для полноценной интеграции в общество Грузии.

По итогам исследования мы пришли к выводу, что существующие противоречия и сложившаяся напряженность не ставят под угрозу стратегическое партнерство указанных стран. Напротив, они демонстрируют необходимость более скоординированных действий в условиях нестабильной геополитической среды. Одновременно это показывает, что, если оставить их без внимания, отношения, считающиеся стабильными и безопасными, могут быть уязвимы для популистских сил и внешних манипуляций.

Ключевые слова: Грузия, Азербайджан, Южный Кавказ, Давид-Гареджи, территориальные разногласия, национальные меньшинства.

Грузино-азербайджанские отношения – один из ключевых факторов, влияющих на региональную политику и безопасность на Южном Кавказе. На сегодняшний день взаимоотношения Грузии и Азербайджана характеризуются высоким уровнем стратегического партнерства, которое развивается на взаимовыгодной основе. Благодаря транзитной роли Грузии, Азербайджан поставляет свои энергоресурсы на европейский рынок. Расширение партнерства не ограничивается лишь добычей и транзитом энергоносителей. У обоих государств схожие подходы к урегулированию этнополитических конфликтов [54, с. 163]. В этом вопросе обе страны поддерживают друг друга на международных площадках, что значительно расширяет рамки их взаимодействия.

Важное значение для региона имеет становление трехстороннего формата сотрудничества, включающего, помимо этих двух стран, еще и Турцию. В сущности, западные страны, особенно США, продвигали Турцию в качестве «модели» для кавказских стран в период обретения независимости [34, с. 4]. Кроме того, движущей силой, способствовавшей становлению триумвирата, являются экономические и торговые отношения. Сотрудничество в области энергетики приобрело новое измерение ввиду реализации крупных международных энергетических и инфраструктурных проектов.

Несмотря на всю приоритетность отношений и стратегическую значимость межгосударственных связей, грузино-азербайджанские отношения не столь уж и безоблачны, как может показаться на первый взгляд. Стороны имеют ряд неурегулированных вопросов, тормозящих дальнейшее расширение связей. В данной статье приводятся и анализируются основные нерешенные вопросы двусторонних отношений, а также их влияние на межгосударственное сотрудничество.

Территориальные разногласия в пограничной зоне. Серьезным вызовом для грузино-азербайджанских отношений являются территориальные разногласия. Можно выделить сле-

дующие черты этих разногласий. Во-первых, причины пограничных противоречий уходят корнями в советскую эпоху. Во-вторых, они связаны в основном с монастырским комплексом, находящимся на границе. В-третьих, на современном этапе создана межправительственная комиссия по делимитации и демаркации границ.

Следует подчеркнуть, что основным предметом разногласий служит монастырский комплекс Давид-Гареджи, расположенный на современной грузино-азербайджанской границе. Грузинские историки утверждают, что указанный комплекс всегда находился на территории Грузии: «Там грузинские надписи. Давид Гареджийский основал монастырский комплекс в 6-ом веке, после этого лавра была увеличена. Во время большевиков там провели условную границу, и эта территория была передана Азербайджану» [10]. Азербайджанская сторона, напротив, доказывает, что монастырский комплекс, именуемый Кешикчидагом, является частью албанской культуры, а современный Азербайджан – правопреемник исторической Кавказской Албании [21]. Это мнение превалирует в политическом истеблишменте Баку. И даже несмотря на тесное партнерство с Тбилиси, официальные власти не идут на уступки в этом вопросе.

В течение многих лет Азербайджан не ограничивал доступ к азербайджанской стороне монастырского комплекса для грузинского духовенства и туристов. 6 мая 2012 года грузинские СМИ сообщили, что азербайджанские пограничники заняли часть комплекса и перекрыли к нему доступ представителям грузинской церкви и паломникам [19]. Тогда на фоне обострения состоялись переговоры находившихся в Чикаго президентов Грузии и Азербайджана [25]. Итогом стала договоренность об усиленном режиме работы пограничной комиссии, созданной еще в 1996 г. По заявлению тогдашнего МИДа Грузии Н. Каланадзе было отмечено, что «межгосударственная комиссия по делимитации к этому времени согласовала 66 процентов границы. Среди несогласованной части – около 2 процентов территории Давид-Гареджи, поскольку, начиная с советских времен, по административному делению они оказались под контролем Азербайджана. Следовательно, остальная часть Давид-Гареджи – территория Грузии» [15].

В последнее время в СМИ вновь тиражируется тема приграничных споров. Оживление было вызвано тем, что в конце апреля 2019 г. азербайджанские пограничники закрыли вход в монастырь, после чего процесс делимитации грузино-азербайджанской границы стал вновь актуальным. В июле 2019 г. обострение пошло по новому витку, когда группа активистов вступила в конфликт с азербайджанскими пограничниками, обвинив последних в осквернении монастыря и выносе из монастырских пещер христианских икон [9]. Тогда грузинские активисты приблизились к границе и напали на азербайджанских пограничников, нанеся им оскорбления и с помощью физической силы отобрав у одного из погранслужащих оружие [26]. Данный инцидент вызвал гневную реакцию в Азербайджане. Министерство иностранных дел Азербайджана вызвало посла Грузии для разъяснений по поводу инцидента на границе [24]. Одновременно официальный представитель МИД Азербайджана Л. Абдуллаева отметила, что указанная ситуация не соответствует духу стратегического партнерства, и расценила это инцидент как провокацию [5]. Грузинские власти придерживались схожей позиции, осудив инцидент и призвав активистов сохранять сдержанность и позволить правительству урегулировать пограничный спор [17].

В качестве разрешения противоречий была предложена инициатива о создании в этой географической зоне трансграничной территории между Азербайджаном и Грузией [22]. Тем не менее патриархия Грузии выступила против указанной инициативы, отметив, что она ставит под сомнение принадлежность этой территории Грузии. Еще одним способом урегулирования территориального спора является взаимовыгодный обмен территориями. Руководство Грузии может предложить Азербайджану обменять Гареджийский монастырь на другую землю, которая не имеет такого важного религиозного значения для грузинского народа [1]. Однако и эта инициатива вряд ли реализуема, поскольку Азербайджан исключил возможность уступки территории комплекса Грузии [7].

Добавим, что очередная встреча в рамках комиссии по делимитации и демаркации грузино-азербайджанской границы состоится в Тбилиси в первой половине 2020 г.

На этом приграничные перипетии не исчерпываются. Часть грузино-азербайджанской границы заминирована. Азербайджан заминировал эту территорию в разгар войны в Нагорном Карабахе, поскольку всего в пяти-шести километрах проходит грузино-армянская граница. Иными словами, минное поле служило укрепленным пунктом для предотвращения про-

никновения через территорию Грузии армянских отрядов. Даже сегодня Азербайджан не заинтересован в разминировании этой территории; несмотря на то что Баку закончил разминирование своей стороны границы еще в 2016 году, грузинская сторона по-прежнему остается заминированной [33].

Так, организация HALO Trust¹ получила разрешение на работы по установлению площади минного поля и типов мин, заложенных в Марнеульском районе, однако вынуждена была отказаться от проведения работ. Эксперты сходятся во мнении, что вопрос разминирования сегодня политизирован, поэтому Грузия, являясь стратегическим партнером, считается с мнением Баку и не спешит приступить к разминированию своей части территории.

Конфессиональные противоречия в грузино-азербайджанских отношениях. Для грузино-азербайджанских отношений характерно наличие религиозных противоречий. Несмотря на то что более 83 % грузин исповедуют христианство [40], а в Азербайджане более 90 % населения – приверженцы ислама, существует вопрос, вызывающий неоднозначные настроения в обществах Грузии и Азербайджана.

Грузия является единственной страной на постсоветском пространстве, где нет отдельного закона о религии или религиозных объединениях [18, с. 525]. В 8 статье Конституции Грузии 1995 года провозглашается свобода вероисповедания, одновременно декларируется «исключительная роль» Апостольской Автокефальной Православной Церкви Грузии [36]. Отношения между грузинским государством и Грузинской православной церковью (ГПЦ) регулируются заключенным в 2002 году Конституционным соглашением [13]. Указанный конкордат предоставил ГПЦ статус главной и единственной религиозной конфессии с четким правовым статусом и полномочиями. В связи с этим религиозные меньшинства считали себя ущемленными в правах и не защищенными государством в должной степени.

В докладе Госдепартамента США «Религиозная свобода в мире в 2018 году» подчеркивается, что религиозные меньшинства Грузии продолжают сообщать о нежелании и сопротивлении местных органов власти строительству религиозных учреждений [49, р. 1]. В докладе также говорится, что представители религиозных меньшинств вновь обращают внимание на распространенное в обществе убеждение о том, что они создают угрозу ГПЦ и культурным ценностям страны.

Что касается религиозных сообществ Грузии и Азербайджана, то предметом спора являются полномочия религиозного управления мусульман. Существует высший духовно-административный орган мусульман стран кавказского региона – Управление мусульман Кавказа (УМК) – расположенный в Баку. Председателем УМК с 1980 года является Шейх-уль-ислам Аллашукюр Паша-заде. В Грузии в 2011 г. была учреждена неправительственная организация Управление мусульман Грузии (УМГ), целью которой стал контроль над деятельностью исламской общины, мечетей и религиозных образовательных учреждений на территории Грузии [14, с. 28]. Этот шаг спровоцировал появление спорных точек зрения. В частности, председатель УМК о создании УМГ заявил, что новая организация «не служит благим намерениям, так как может стать разделяющим фактором между азербайджанцами Грузии и Азербайджаном» [31]. Ему вторит азербайджанский историк Расим Агаев, который полагает, что решение грузинской власти создать в Тбилиси подчиняющееся Грузии управление по делам мусульман этой страны является проявлением грузинского шовинизма.

С другой стороны, азербайджанский политолог Зардушт Ализаде не видит проблемы для азербайджанцев Грузии в том, что в этой стране будет создано свое Управление по делам мусульман, так как «УМК всегда была формальной структурой, не способной управлять не только мусульманами Кавказа, но даже мусульманами Азербайджана» [12]. Муфтий вновь созданной структуры Джемал Паксадзе заявил: «Цель созданной нами неправительственной организации – решать проблемы обща. Пусть это будет грузинский мусульманин суннит, или шиит, нам все равно» [30].

Следует остановиться подробнее еще на одном важном аспекте, который тесно связан с пестротой исламских течений на территории Грузии. Мусульмане Грузии представлены компактно в трех основных регионах страны. Так, это этнические грузины-мусульмане из региона Аджария, находящегося на берегу Черного моря и соседствующего с Турцией, являются суннитами и находятся под влиянием умеренной турецкой версии ислама, этническое чечен-

¹ Некоммерческая организация, занимающаяся обезвреживанием наземных мин и неразорвавшихся боеприпасов, которые могут представлять опасность для населения.

ское население Панкисского ущелья на северо-востоке страны, граничащего с Чечней, традиционно придерживаются суфийского толка суннитского ислама, но в последнее время, однако, находятся под сильным влиянием салафитских тенденций Северного Кавказа, и, в-третьих, этнические азербайджанцы-мусульмане из Квемо Картли, которые преимущественно являются мусульманами-шиитами [53, р. 55]. Важно подчеркнуть, что в настоящее время происходит активная суннизация азербайджанского меньшинства Грузии [46, р. 8]. В целом азербайджанское население Квемо Картли исповедует суннизм ханифитского и шиизм имамитского толков [14, с. 27]. В то время как события в регионе Аджария напрямую не влияют на грузино-азербайджанские отношения (скорее на грузино-турецкие), события в двух других регионах имеют значение как для Грузии, так и для Азербайджана и, следовательно, важны для двусторонних отношений.

Растущее влияние салафитов в Панкиси является отражением развития ситуации на Северном Кавказе и прямо воздействует на оба государства, поскольку они граничат с субъектом Российской Федерации – Республикой Дагестан. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что растет число людей, которые выезжают за границу для получения религиозного образования и в основном получают фундаментальное исламское образование, находящееся под сильным влиянием салафизма [53, р. 56]. Следовательно, данный вопрос требует тесного сотрудничества в сфере безопасности между государствами.

Религиозное влияние Ирана в Квемо Картли является еще одной областью, требующей координации между грузинскими и азербайджанскими властями. Согласно проведенному исследованию, одной из наиболее активных организаций, связанных с Ираном, является фонд «Ахл аль-бейт», который подчеркивает родство иранцев и азербайджанцев в Грузии на религиозной основе [23, с. 125]. Данная структура занимается просветительской деятельностью, издает необходимую догматическую литературу на грузинском и азербайджанском языках, а также финансирует работу религиозных школ, так называемых медресе. Была также построена мечеть в Марнеульском районе, глава которой не говорит ни на грузинском, ни на русском, а только лишь на фарси. Духовенство шиитов из Марнеули не скрывает своего недовольства по поводу усиления поддержки Турцией суннитских групп, для которых Турция построила суннитскую мечеть возле Красного моста, приграничной зоне между Грузией и Азербайджаном. Таким образом, происходит усиление религиозного влияния Ирана, равно как и Турции, на территории Грузии.

Политика Грузии в отношении азербайджанского национального меньшинства. С этнической точки зрения наиболее полифоническим государством на Южном Кавказе является Грузия. Азербайджанцы Грузии являются самым многочисленным нацменьшинством – армяне, для сравнения, занимают второе место. По данным переписи населения (2014 г.), в стране проживает более 233 тысяч этнических азербайджанцев (6,3 % населения страны), а также чуть более 168 тысяч этнических армян (4,5 % населения) [40]. Большая часть азербайджанского населения сосредоточена в восточных районах страны: Марнеульском, Гардабанском, Болнисском, Дманисском – в регионе Квемо Картли, граничащем с Азербайджаном. Есть также несколько других мест концентрации азербайджанцев в регионе Кахетии, в основном в районе Сагареджо.

История появления азербайджанского населения в Грузии насчитывает несколько веков. Первые поселения азербайджанцев в Грузии датируются концом XV века [4, с. 109]. Несмотря на осторожную политику Грузии в отношении азербайджанского меньшинства, имели место грузино-азербайджанские столкновения, связанные с требованиями азербайджанцев создания так называемой Борчалинской автономии, которые натолкнулись на сопротивление большинства этнических грузин [2]. Данный инцидент произошел в период распада СССР и вскоре был урегулирован. Более того, сегодня сецессионистские устремления азербайджанского меньшинства не пользуются популярностью и тем более не поддерживаются со стороны Баку.

Исходя из этого, грузинское руководство прилагает усилия, направленные на интеграцию нацменьшинств в грузинское общество. Политический курс в отношении нацменьшинств оказывает существенное влияние на межгосударственные отношения ввиду того, что Азербайджан проявляет интерес к условиям жизни своих этнических собратьев.

С середины 2000-х гг. происходит оживление и приоритизация данной проблематики, поскольку национальная интеграция была объявлена одной из приоритетных целей грузинского правительства. В 2005 году грузинское правительство ратифицировало Рамочную кон-

венцию о защите национальных меньшинств [38]. Более того, в 2005 г. по Указу тогдашнего президента Грузии М. Саакашвили был создан Национальный совет толерантности и гражданской интеграции, целью которого являлась разработка и координация осуществления плана действий Национальной концепции толерантности и гражданской интеграции.

Серьезным вызовом, с которым столкнулось грузинское руководство, стало незнание грузинского языка национальными меньшинствами, что в значительной степени затрудняло их полноценное участие в политической, экономической и общественной жизни страны. Согласно докладу Европейского центра по делам меньшинств (ЕСМЦ), мы можем наблюдать, что количество людей, которые владеют грузинским языком, невелико (см. табл. 1).

Таблица 1

**Свободное знание грузинского языка среди меньшинств
в четырех районах Квемо Картли [29, с. 8]**

Уровень знания	Гардабани	Марнеули	Дманиси	Цалка
Отсутствие	24,5 %	42,2 %	8,1 %	19,3 %
Понимают несколько простых слов	47,0 %	35,1 %	47,5 %	49,5 %
Понимают почти все, но могут только устно выразить основные потребности	14,0 %	12,8 %	32,3 %	22,6 %
Понимают и говорят хорошо, но не умеют писать	6,9 %	6,2 %	7,1 %	2,8 %
Понимают, говорят и пишут свободно	7,7 %	3,8 %	5,1 %	5,7 %

Для преодоления этого вызова были предприняты преобразования в сфере образования. В 2005 г. был принят «Закон об общем образовании», согласно которому преподавание грузинского языка и литературы, истории и географии, а также других общественных наук проходит на грузинском языке [29, с. 14]. Были также введены национальные вступительные экзамены для поступления в государственный аккредитованный университет Грузии, что требовало от абитуриентов получения проходного балла по грузинскому языку и литературе.

Еще одним важным шагом, предпринятым государством в области образования, стало предоставление учебников по основным программным предметам, переведенных на языки меньшинств. Хотя возникли жалобы на неправильный перевод и неточности в переводе, большинство представителей меньшинств в Квемо Картли засвидетельствовали свое одобрение этой инициативы [29, с. 15].

После смены правительства в 2012 году вышел указ премьер-министра, который изменил название канцелярии государственного министра по вопросам реинтеграции на канцелярию государственного министра по примирению и гражданскому равенству. Наряду со сменой названия были предприняты шаги для реализации единой и скоординированной политики в отношении этнических меньшинств [50, р. 4]. В 2015 г. была одобрена и принята Государственная стратегия и план действий по гражданскому равенству и интеграции на 2015–2020 гг., которая подразумевает равное участие национальных меньшинств в гражданской и политической жизни страны [35].

Правительство Грузии инициировало преобразования в сфере антидискриминационного законодательства. В частности, был принят закон «Об искоренении всех форм дискриминации», вступивший в силу в 2014 году. В 2014 году правительство Грузии одобрило Национальную стратегию по защите прав человека на период 2014–2020 гг. и соответствующий План действий – важный компонент в отношении защиты прав этнических меньшинств [50, р. 8].

Кроме того, в целях обеспечения равенства в экономической, социальной, политической и культурной жизни этнических меньшинств следует отметить принятый в Грузии Органический закон «О местном самоуправлении» от 5 февраля 2014 года. Согласно пункту 2 статьи 6 граждане Грузии имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления в порядке, установленном настоящим Законом и другими нормативными актами, независимо от расы, цвета кожи, языка, пола, религии, национальной, этнической или социальной принадлежности, собственности и позиции, политических и других убеждений [48]. Закон был переведен на азербайджанский и армянский языки благодаря финансовой поддержке USAID.

Немаловажно, что в июле 2016 г. правительство Грузии утвердило «Культурную стратегию до 2025 года» [41]. Одним из приоритетов документа является сохранение культурного разнообразия.

Однако, несмотря на все предпринимаемые меры, ситуация далека от благополучной. Председатель Конгресса азербайджанцев Грузии (КАГ) Гусейн Юсифов отмечает, что азер-

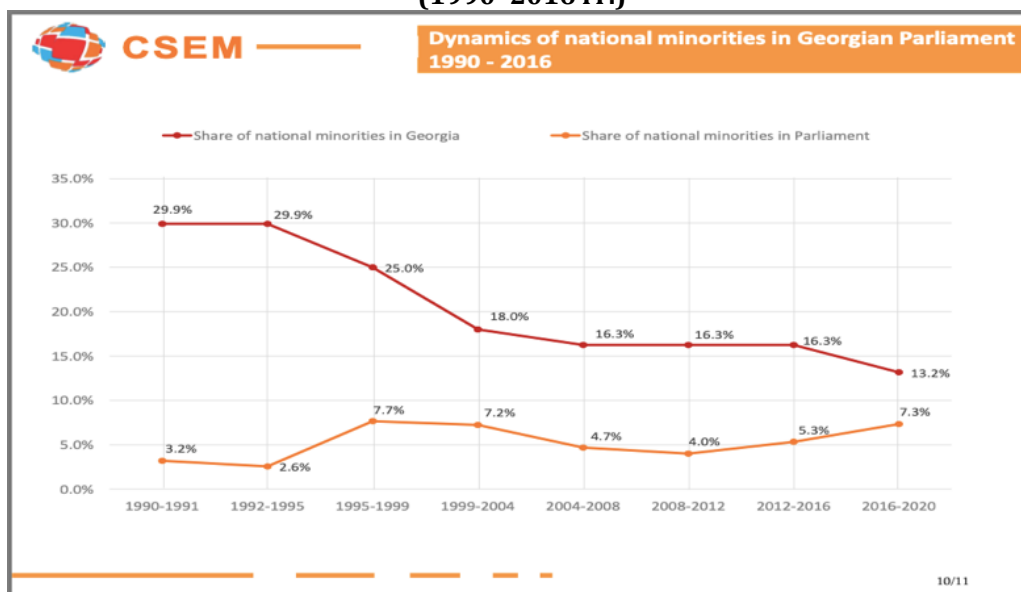
байджанцы, проживающие в Грузии, испытывают проблемы с изучением родного языка, в школах с обучением на азербайджанском языке не хватает учителей [28].

Руководитель Кавказского центра мониторинга прав человека в Грузии Эльбрус Мамедов указывает на процесс размывания самоидентификации, препятствия развитию культурной жизни, деградации определенной части молодежи именно в регионах компактного проживания азербайджанской общины [16]. Он добавляет, что в Грузии продолжается сокращение азербайджанских школ ввиду отсутствия кадров. На 2018 год в Грузии функционировало 90 азербайджанских школ (и 140 армянских) [27, с. 58].

Что касается участия этнических азербайджанцев в политической жизни страны, то оно явно ограничено, хотя и наблюдается небольшой позитивный сдвиг (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика представительства национальных меньшинств в парламенте Грузии (1990–2016 гг.)

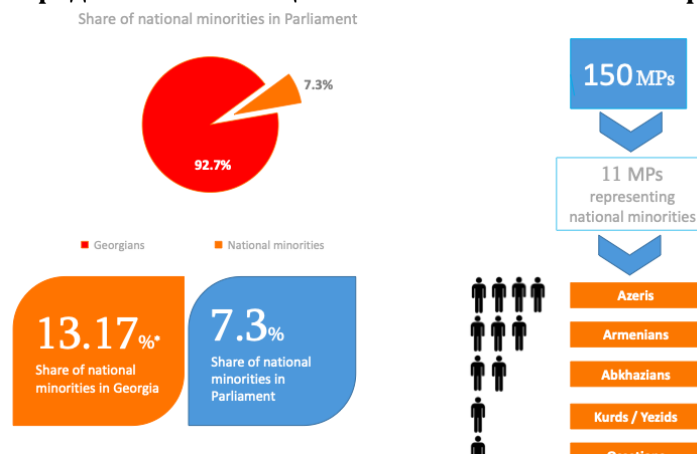

Источник: [47, p. 10].

Учитывая общее количество этнических меньшинств в стране, наиболее адекватное и пропорциональное представительство было в парламенте Грузии, избранном в 2016 году, где этнические меньшинства представлены 11 членами парламента, что составляет 7,3 % от общего числа депутатов (см. табл. 3). Этот показатель, в отличие от аналогичного показателя предыдущего срока в парламенте, ближе к общему проценту этнических меньшинств в стране.

Таблица 3

Процент представителей национальных меньшинств в парламенте

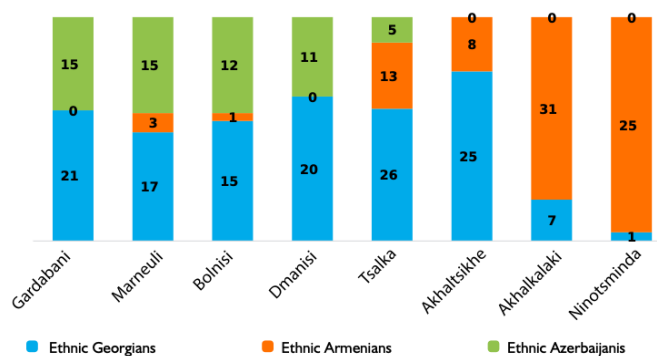

Источник: [47, p. 9].

Помимо этого, несмотря на то что азербайджанцы составляют большинство в регионе Квемо Картли, ключевые позиции в местных администрациях занимают этнические грузины. В 2017 г. состоялись выборы в муниципальные органы. В Грузии – шесть муниципалитетов, в которых этнические грузины составляют меньшинство: это Ахалкалаки, Болниси, Дманиси, Марнеули, Ниноцминда и Цалка. Однако в результате выборов 2017 года лишь в трех муниципалитетах грузины не занимают большую часть мест в муниципальных собраниях. Так, в Болниси, Дманиси и Цалка этнические грузины составляют большинство в местных советах, что непропорционально отражает этнический состав этих муниципалитетов (см. табл. 4). Это, в свою очередь, означает, что этнические меньшинства в недостаточной степени представлены в местных органах власти.

Таблица 4

Представительство этнических меньшинств в местных собраниях

Источник: [45, p. 9].

К сожалению, возрастает число случаев жесткого обращения со стороны полиции в отношении этнических меньшинств. Полиция зачастую пользуется незнанием грузинского языка и злоупотребляет полномочиями, а контрольно-пропускной пункт на Красном мосту между Грузией и Азербайджаном является очагом коррупции [52, p. 229].

В Грузии практически нет регионального телевидения и прессы на языке меньшинств. Для того чтобы получать новости, азербайджанцам приходится смотреть азербайджанское или турецкое телевидение. Парадоксально, но информация о Грузии остается за пределами азербайджанского населения, поскольку в азербайджанских и турецких медиа едва упоминаются события в Грузии [44, p. 79]. В результате они оказываются исключенными из информационного поля.

Азербайджан со своей стороны внимательно следит за ситуацией. Тем не менее официальный Баку не заинтересован в возвращении своих соотечественников на свою территорию. Напротив, Азербайджан стремится законсервировать их поток и не допустить массового оттока населения. Руководство страны неохотно предоставляет гражданство своим соотечественниками из Грузии. На 2014 год почти сто тысяч грузинских азербайджанцев обосновались в Азербайджане, но лишь одной трети удалось получить азербайджанское гражданство. Около трех тысяч являются лицами без гражданства, остальные же обладают грузинским паспортом [52, p. 222]. Находясь без гражданства или с грузинским паспортом в Азербайджане, они лишаются многих привилегий и вынуждены курсировать между Грузией и Азербайджаном, поскольку разрешенное количество дней нахождения в иностранном государстве строго лимитировано.

Государственная политика Азербайджана в отношении этнических братьев гласит, что государство не дифференцирует граждан по этническому признаку, то есть в стране не существует определенного преференциального режима для соотечественников, проживающих за рубежом. Примечательно также и то, как Азербайджан концептуализирует понятие диаспоры. Оно интерпретируется через *jus soli*, или право почвы. Иными словами, люди, рожденные в Азербайджане, становятся гражданами этой страны независимо от этнической принадлежности. Следовательно, азербайджанцы, живущие в Грузии, Иране или Ираке, не рассматриваются в качестве диаспоры, потому что они находятся в других государствах.

Принятые в 2014 году в Азербайджане поправки к Закону о гражданстве еще больше осложняют ситуацию для грузинских азербайджанцев [6]. Некоторые исследователи полагают, что эти поправки направлены конкретно на азербайджанцев из Грузии для предотвращения миграционных потоков азербайджанского населения из Грузии в Азербайджан [8].

Заключение. Грузино-азербайджанские отношения играют важную роль в обеспечении региональной безопасности. Взаимоотношения государств проявляются в различных сферах, особенно в экономической, торговой, в реализации энергетических и инфраструктурных проектов. Наблюдается активное вовлечение третьего участника – Турции, приведшее к появлению своеобразного «геополитического треугольника».

Однако двусторонние отношения подвержены определенным рискам, поскольку между Грузией и Азербайджаном есть ряд нерешенных вопросов.

Первым вызовом грузино-азербайджанских отношений являются территориальные разногласия, касающиеся, в первую очередь, монастырского комплекса в приграничной зоне. Расхождение вокруг монастырского комплекса Давид-Гареджи связано с его историческим значением в национальных нарративах сопредельных государств. В 2019 году наблюдался высокий уровень напряженности в связи с тем, что азербайджанские пограничники вынесли иконы из монастыря, в ответ грузинские активисты вступили в конфликт с азербайджанскими пограничниками. Сегодня накал страстей снизился, но ситуация пока не разрешена до конца. Следующая встреча комиссии по делимитации и демаркации границы должна состояться в 2020 году.

Второй вопрос связан с религиозной сферой. Обострение было вызвано созданием в Грузии Управления мусульман Грузии. Кроме того, необходимо принять во внимание, что около 10 % населения Грузии исповедуют ислам. Установлено, что ислам разобщен на направления, толки, идейные течения и т. д. Ситуация осложняется активным вовлечением различных региональных акторов. Это должно поспособствовать усилению коллаборации между странами в процессе выработки общей стратегии борьбы по недопущению усиления религиозного экстремизма в приграничной зоне. Одновременно наличие различных течений в регионе Квемо Картли вкупе с проблемой Панкиси может сыграть деструктивную роль в регионе, особенно при более наступательной деятельности внешних сил, нацеленных на провозакию и дестабилизацию обстановки в регионе.

Наконец, интеграция азербайджанского меньшинства также важна для грузино-азербайджанских отношений. Существует ряд проблем, с которыми сталкиваются азербайджанцы в Грузии. На официальном уровне руководство Азербайджана не поднимает вопросов положения соотечественников за рубежом, однако азербайджанское общество считает национальную политику Грузии недостаточной и в некоторых вопросах нетерпимой к азербайджанцам. Со стороны руководства Грузии прилагаются немалые усилия, направленные на имплементацию стратегии по более активному вовлечению азербайджанского меньшинства в социально-экономическую жизнь грузинского государства. Следует сделать акцент на вовлечении меньшинств в органы местного самоуправления, где они представлены непропорционально проценту населения.

Необходимо добавить, что официальный курс Баку состоит в том, чтобы не допустить массового оттока населения, то есть руководство страны заинтересовано в интеграции азербайджанцев в грузинское общество. Руководство Азербайджана стремится найти баланс между сохранением связей с азербайджанцами, проживающими в Грузии, и недопущением депопуляции территорий, которые исторически населены азербайджанцами в Грузии.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что грузино-азербайджанские отношения можно охарактеризовать как стратегическое партнерство в нестабильном регионе, которое подвержено различным конфликтам, а также соперничеству великих держав, преследующих свои интересы на Южном Кавказе. Грузия и Азербайджан могут управлять этой опасной геополитической и региональной средой посредством тесного сотрудничества и скоординированной внешней и региональной политики. Общие интересы и взаимное уважение к различиям, которые существуют, служат основой для глубокого и всестороннего партнерства.

В дополнение к сложившемуся сотрудничеству и общим геополитическим интересам двусторонние отношения между Грузией и Азербайджаном обусловлены несколькими факторами:

- проблемами, связанными с делимитацией границ между двумя странами и соответствующими спорными территориями;

- существующей угрозой религиозной раздробленности в приграничной зоне;
- наличием большого числа азербайджанского населения в Грузии и сравнительно не-большого, но важного для грузинского культурного наследия грузинского населения в Азербайджане.

Список литературы

1. Азербайджан и Грузия: Давид Гареджи // Иносми, 10.06.2019. URL: <https://inosmi.ru/social/20190610/245248355.html> (дата обращения: 02.03.2020).
2. Армянское и азербайджанское меньшинства в Грузии. О национальной и внешней политике Грузии. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/kukhianidze.htm> (дата обращения: 03.03.2020).
3. *Архипова Е. В.* Граница и общество: спорные территории грузино-азербайджанского пограничья // Россия и АТР. 2017. № 2. С. 69–83.
4. *Волкова Н. Г.* Азербайджанцы Грузии (по материалам полевых исследований 1973–1976 гг.) // Полевые исследования Института этнографии, 1976. М.: Наука, 1978.
5. В Азербайджане группу граждан Грузии обвинили в нападении на пограничников // РИА Новости, 15.07.2019. URL: <https://ria.ru/20190715/1556540201.html> (дата обращения: 02.03.2020).
6. В Азербайджане законодательно запретили двойное гражданство // Интерфакс, 30.06.2014. URL: <https://www.interfax.ru/world/383411> (дата обращения: 03.03.2020).
7. В Азербайджане исключили уступку Грузии монастыря // Кавказский узел, 08.05.2019. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/335211> (дата обращения: 02.03.2020).
8. В Азербайджане парламент внес правки в закон «О гражданстве» // Кавказский Узел, 30.05.2014. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/243521> (дата обращения: 03.03.2020).
9. В Давид-Гареджи запахло новым конфликтом // Эхо Кавказа, 15.09.2019. URL: <https://www.ekho-kavkaza.com/a/30056990.html> (дата обращения: 02.03.2020).
10. Георгий Отхмезури: Исторически монастырь Давид Гареджи всегда был на территории Грузии // Грузия Online, 14.05.2012. URL: <http://www.apsny.ge/2012/soc/1337051804.php> (дата обращения: 02.03.2020).
11. Грузия не спешит разминировать границу с Азербайджаном. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/318701/> (дата обращения: 01.03.2020).
12. Грузино-азербайджанские отношения вновь трясет // Sknews, 20.05.2011. URL: <http://www.sknews.ru/rubriki/transcaucasus/49834-gruzino-azerbajdzhanskie-otnosheniya-vnov-tryaset.html> (дата обращения: 01.03.2020).
13. Грузинский конкордат // Независимая газета, 11.04.2001. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-04-11/1_gruziy.html (дата обращения: 01.03.2020).
14. *Добаев И. П.* Ислам в Черноморско-Каспийском регионе: геополитическое измерение // Россия и мусульманский мир. 2018. № 4. С. 18–32.
15. Замглавы МИД Грузии повторно комментирует ситуацию вокруг комплекса Давид Гареджи // Грузия Online, 16.05.2012. URL: <http://www.apsny.ge/2012/pol/1337198156.php> (дата обращения: 02.03.2020).
16. Из 24 депутатов 20 не знали языка: кто виноват в бедах азербайджанцев Грузии // Sputnik Азербайджан, 30.06.2018 URL: <https://az.sputniknews.ru/azerbaijan/20180630/415998484azerbajdzhan-su-assimiljacija-politika-georgia.html> (дата обращения: 03.03.2020).
17. Инцидент с азербайджанскими пограничниками: МИД Грузии сделал заявление // Sputnik Грузия, 16.07.2019. URL: <https://sputnik-georgia.ru/politics/20190716/245951970/Intsident-s-azerbajdzhanskimi-pogranichnikami-MID-Gruzii-sdelal-zayavlenie.html> (дата обращения: 02.03.2020).
18. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира / под ред. И. В. Следзевского. М., 2017. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ.
19. Монастырь Давид Гареджи: между Грузией и Азербайджаном // BBC News, 25.05.2012. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/05/120523_monastery_border_georgia_azeri_dispute (дата обращения: 02.03.2020).
20. *Минасян С.* Асимметричные отношения между Грузией и Азербайджаном // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. № 2. С. 56–66.
21. О комплексе Кешикчидаг // Зеркало, 15.09.2019. URL: <https://zerkalo.az/o-komplekse-keshik-chidag> (дата обращения: 02.03.2020).
22. Патриархия Грузии против создания в Давид Гареджи трансграничной территории // Regnum, 09.12.2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2802630.html> (дата обращения: 02.03.2020).
23. Политические аспекты ислама в Грузии / И. Менагаришвили [и др.] // Институт стратегических исследований, 2013. URL: <http://georgica.tsu.edu.ge/files/03-Society/Ethnic%20Minorities/ISLAM.pdf>.
24. Посол Грузии вызван в МИД Азербайджана из-за обострения конфликта на границе // Кавказский Узел, 15.09.2019. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/337878> (дата обращения: 02.03.2020).
25. Президенты Грузии и Азербайджана обсудили вопрос Давид Гареджи в Чикаго // Грузия Online, 20.05.2012. URL: <http://www.apsny.ge/2012/pol/1337540261.php> (дата обращения: 02.03.2020).

26. Провокация у Давид-Гареджи: из Баку обвиняют Грузию, из Грузии – Москву // Eurasia daily, 18.07.2019. URL: <https://easaily.com/ru/news/2019/07/18/provokaciya-u-david-garedzhi-iz-baku-obvi-nuyaut-gruziyu-iz-gruzii-moskvu> (дата обращения: 02.03.2020).
27. Салаев К. Образовательные проблемы национальных меньшинств в Грузии (на примере азербайджанцев и армян) // Humanitarian Balkan Research. 2019. Т. 3. № 1. С. 55–58.
28. СОС от азербайджанцев Грузии: глава КАГ обратился к властям через Sputnik Азербайджан, 18.01.2018. URL: <https://az.sputniknews.ru/life/20180118/413650802/azerbajdzhancy-gruzija-obrazovanie-vuz-rodnoj-jazyk.html> (дата обращения: 03.03.2020).
29. Уитли Дж. Интеграция национальных меньшинств в регионах Грузии Самцхе-Джавახети и Квемо Картли // Европейский центр по делам меньшинств : рабочий доклад № 44. 2009. URL: http://www.minorities-network.org/wp-content/uploads/2014/10/working_paper_44_rus.pdf.
30. Управление мусульман Грузии отреагировало на недовольство УМК // Ansar, 17.06.2011. URL: <http://www.ansar.ru/rfsng/2011/06/17/17303> (дата обращения: 01.03.2020).
31. Шиты и сунниты делят Грузию // Независимая газета, 18.05.2011. URL: http://www.ng.ru/events/2011-05-18/3_gruzia.html (дата обращения: 01.03.2020).
32. Berglund C. Accepting Alien Rule? State-Building Nationalism in Georgia's Azeri Borderland // Europe-Asia Studies. 2020. Vol. 72. № 3. Pp. 263–285. DOI: 10.1080/09668136.2019.1679091.
33. Bradley J. Azerbaijan-Georgia border dispute: a political, and literal, minefield // Eurasia.net, 19.09.2018. URL: <https://eurasianet.org/azerbaijan-georgia-border-dispute-a-political-and-literal-minefield> (дата обращения: 02.03.2020).
34. Çelikpala M., Veliyev C. Azerbaijan-Georgia-Turkey: An Example of a Successful Regional Cooperation // Center of European and International Studies at Kadir Has University Policy Brief Series. 2015. № 4. Pp. 1–25.
35. Civic Equality and Integration State Strategy and Action Plan for 2015–2020. URL: <https://smr.gov.ge/en/page/31/state-strategy-for-civic-equality-and-integration-and-action-plan> (дата обращения: 03.03.2020).
36. (The) Constitution of the Republic of Georgia. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/30346?publication=35> (дата обращения: 01.03.2020).
37. Cornell S. E. Azerbaijan since Independence. New York : Routledge, 2011.
38. Framework Convention for the Protection of National Minorities. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/ChercheSig.asp?NT=157&CM=2&DF=10/27/2008&CL=ENG> (дата обращения: 03.03.2020).
39. Freni S. Georgia as an Ethnic Democracy: a Study on the Azerbaijani and Armenian Minorities under Mikheil Saakashvili: dissertation, 2011.
40. General Population Census 2014. URL: http://census.ge/files/results/Census_release_ENG.pdf (дата обращения: 03.03.2020).
41. Georgian Cultural Strategy 2025. URL: <https://en.unesco.org/creativity/policy-monitoring-platform/georgian-culture-strategy-2025> (дата обращения: 03.03.2020).
42. Nation Building in Post-Soviet Spaces: New Tools and Approaches / ed. by R. Isaacs, A. Polese. Abingdon : Routledge, 2016.
43. Turkish-Azerbaijani Relations: One Nation – Two States? / ed. by M. Ismayilov, N. Graham. Abingdon : Routledge, 2016.
44. Kakachia K., Shiriyev Z. Azerbaijan-Georgian relations: The Foundations and Challenges of the Strategic Alliance // Center for Strategic Studies. 2013. Vol. 7–8. Pp. 1–121. DOI: 10.13140/RG.2.1.4250.4723.
45. Kakhishvili L. Competing for Votes of Ethnic Minorities in Georgia: The 2017 Local Elections // Centre for the Studies of Ethnicity and Multiculturalism Policy Paper. 2018. Pp. 1–21. URL: http://csem.ge/wp-content/uploads/2018/06/Competing-for-Votes-of-Ethnic-Minorities_Eng.pdf.
46. Kvakhadze A. Unknown Suburbs: Azerbaijani Settlements of the Gardabani Municipality // Georgian Foundation for Strategic and International Studies Policy Study. 2020. Pp. 1–20.
47. National Minorities in Georgian Parliament // Centre for the Studies of Ethnicity and Multiculturalism Policy Paper. 2017. Pp. 1–11. URL: http://csem.ge/wp-content/uploads/2017/01/Infographics_minorities-in-parliament_ENG.pdf
48. Organic Law of Georgia Local Self-Government Code, 2014. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/download/2244429/15/en/pdf> (дата обращения: 03.03.2020).
49. Report on International Religious Freedom: Georgia. URL: <https://www.state.gov/reports/2018-report-on-international-religious-freedom/georgia> (дата обращения: 01.03.2020).
50. Report submitted by Georgia pursuant to Article 25, paragraph 2 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities. URL: <https://rm.coe.int/third-state-report-georgia/168075fc5e> (дата обращения: 03.03.2020).
51. Romyantsev S. «Ethnic Territories» Presentation Practices in Historical Textbooks in Post-Soviet Azerbaijan and Georgia // International Textbook Research. 2008. Vol. 30. № 4. Pp. 811–824.
52. Tabachnik M. Citizenship, Territoriality, and Post-Soviet Nationhood: The Politics of Birthright Citizenship in Azerbaijan, Georgia and Moldova. Cham : Springer Nature, 2019. DOI:10.1007/978-3-030-12882-1.
53. Tsereteli M. Azerbaijan and Georgia: Strategic Partnership for Stability in a Volatile Region // Central Asia – Caucasus Institute Silk Road Studies Program. 2013. Pp. 1–61. URL: <https://isdpeu/content/uploads/images/stories/isdp-main-pdf/2013-Tsereteli-Azerbaijan-and-Georgia1.pdf>.

54. Valiyev A. Azerbaijan-Russia Relations After the Five-Day War: Friendship, Enmity, or Pragmatism? // Turkish Policy Quarterly. 2011. Vol. 10. № 3. Pp. 133-143.

Georgian-Azerbaijani relations: challenges to strategic partnership

G. M. Turava

postgraduate student of the faculty of Humanities and Social Sciences, Russian Peoples' Friendship University of Russia. Russia, Moscow. E-mail: george.turava93@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a detailed review and analysis of existing challenges in Georgian-Azerbaijani relations. Bilateral relations between these states are one of the key factors affecting security in the region. For almost thirty years of independence, the states have managed to bring their relations to the level of strategic partnership. Georgia and Azerbaijan closely cooperate on the entire range of issues of bilateral relations, paying special attention to the energy sector, since the main export routes of Azerbaijan's hydrocarbons pass through the territory of Georgia. Nevertheless, despite the priority of bilateral relations, there are a number of problems that may pose a threat to the existing strategic partnership.

It was revealed that there are three main problems in Georgian-Azerbaijani relations. The first challenge is territorial divisions, which have led to an unprecedented level of tension in 2019. The second problem is closely related to the religious sphere. Finally, Georgia's policy towards the Azerbaijani ethnic group (living in Georgia) raises concerns from a number of Azerbaijani NGOs, analysts and politicians, as it is considered insufficient for full integration into Georgian society.

Based on the results of the study, we came to the conclusion that the existing contradictions and tensions do not jeopardize the strategic partnership of these countries. On the contrary, they demonstrate the need for more coordinated actions in an unstable geopolitical environment. At the same time, it shows that if left unaddressed, relationships that are considered stable and secure can be vulnerable to populist forces and external manipulation.

Keywords: Georgia, Azerbaijan, South Caucasus, David-Gareji, territorial differences, national minorities.

References

1. *Azerbajdzhan i Gruzija: David Garedzhi* – Azerbaijan and Georgia: David Gareji // InoSmi, 10.06.2019. Available at: <https://inosmi.ru/social/20190610/245248355.html> (date accessed: 02.03.2020).
2. *Armyanskoe i azerbajdzhanskoe men'shinstvo v Gruzii. O nacional'noj i vneshnej politike Gruzii* – Armenian and Azerbaijani minorities in Georgia. On the national and foreign policy of Georgia. Available at: <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/kukhianidze.htm> (date accessed: 03.03.2020).
3. Arhipova E. V. *Granica i obshchestvo: spornye territorii gruzino-azerbajdzhanskogo pogranič'ya* [Border and society: disputed territories of the Georgian-Azerbaijani border] // *Rossiya i ATR* – Russia and the Asia-Pacific region. 2017. No. 2. Pp. 69–83.
4. Volkova N. G. *Azerbajdzhancy Gruzii (po materialam polevyh issledovanij 1973–1976 gg.)* [Azerbaijanis of Georgia (based on the materials of field research 1973–1976)] // *Polevye issledovaniya Instituta etnografii, 1976* – Field research of the Institute of Ethnography. 1976. M. Nauka. 1978.
5. *V Azerbajdzhane gruppu grazhdan Gruzii obvinili v napadenii na pograničnikov* – In Azerbaijan, a group of Georgian citizens was accused of attacking border guards // *RIA Novosti* – RIA News, 15.07.2019. Available at: <https://ria.ru/20190715/1556540201.html> (date accessed: 02.03.2020).
6. *V Azerbajdzhane zakonodatel'no zapretili dvojnoe grazhdanstvo* – Azerbaijan has legally banned dual citizenship // *Interfax*, 30.06.2014. Available at: <https://www.interfax.ru/world/383411> (date accessed: 03.03.2020).
7. *V Azerbajdzhane isklyuchili ustupku Gruzii monastyrya* – Azerbaijan excluded the assignment of the monastery to Georgia // *Caucasian knot*, 08.05.2019. Available at: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/335211> (date accessed: 02.03.2020).
8. *V Azerbajdzhane parlament vnes pravki v zakon "O grazhdanstve"* – In Azerbaijan, the Parliament amended the law "on citizenship" // *Kavkazskij Uzel* – Caucasian Knot, 30.05.2014. Available at: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/243521> (date accessed: 03.03.2020).
9. *V David-Garedzhi zapahlo novym konfliktom* – David-Gareji smelled a new conflict // *Ekho Kavkaza* – Echo of the Caucasus, 15.09.2019. Available at: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30056990.html> (date accessed: 02.03.2020).
10. *Georgij Othmezuri: Istoricheski monastyr' David Garedzhi vseгда byl na territorii Gruzii* – George Otkhmezuri: Historically, the David Gareji monastery has always been on the territory of Georgia // *Gruzija Online* – Georgia Online, 14.05.2012. Available at: <http://www.apsny.ge/2012/soc/1337051804.php> (date accessed: 02.03.2020).
11. *Gruzija ne speshit razminirot' granicu s Azerbajdzhanom* – Georgia is in no hurry to clear the border with Azerbaijan. Available at: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/318701/> (date accessed: 01.03.2020).

12. *Gruzino-azerbajdzhanskie otnosheniya vnov' tryaset* – Georgian-Azerbaijan relations are shaken again // Sknews, 20.05.2011. Available at: <http://www.sknews.ru/rubriki/transcaucasus/49834-gruzino-azerbajdzhanskie-otnosheniya-vnov-tryaset.html> (date accessed: 01.03.2020).
13. *Gruzinskij konkordat* – Georgian concordat // *Nezavisimaya Gazeta* – Independent Newspaper, 11.04.2001. Available at: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-04-11/1_gruziy.html (date accessed: 01.03.2020).
14. *Dobaev I. P. Islam v Chernomorsko-Kaspijskom regione: geopoliticheskoe izmerenie* [Islam in the Black sea – Caspian region: a geopolitical dimension] // *Rossiya i musul'manskij mir* – Russia and the Muslim world. 2018. No. 4. Pp. 18–32.
15. *Zamglavy MID Gruzii povtorno kommentiruet situaciju vokrug kompleksa David Garedzhi* – Deputy foreign Minister of Georgia re-comments on the situation around the complex David Gareji // *Gruziya Online* – Georgia Online, 16.05.2012. Available at: <http://www.apsny.ge/2012/pol/1337198156.php> (date accessed: 02.03.2020).
16. *Iz 24 deputatov 20 ne znali yazyka: kto vinovat v bedah azerbajdzhancev Gruzii* – Out of 24 deputies, 20 did not know the language: who is to blame for the troubles of the Azerbaijanis of Georgia // Sputnik Azerbaijan, 30.06.2018 Available at: <https://az.sputniknews.ru/azerbajdzhan/20180630/415998484/azerba-jdzhancy-assimiljacija-politika-georgia.html> (date accessed: 03.03.2020).
17. *Incident s azerbajdzhanskimi pogranichnikami: MID Gruzii sdelał zayavlenie* – Incident with Azerbaijani border guards: the Georgian foreign Ministry made a statement // Sputnik Georgia, 16.07.2019. Available at: <https://sputnik-georgia.ru/politics/20190716/245951970/Intsident-s-azerbajdzhanskimi-pogranichnikami-MID-Gruzii-sdelał-zayavlenie.html> (date accessed: 02.03.2020).
18. *Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoy karte sovremennogo mira* – Islamic radical movements on the political map of the modern world / ed. by I. V. Sledzevsky. M. 2017. Is. 2. The North and South Caucasus.
19. *Monastyr' David Garedzhi: mezhdū Gruziej i Azerbajdzhanom* – David Gareji Monastery: between Georgia and Azerbaijan // BBCNews, 25.05.2012. Available at: https://www.bbc.com/russian/international/2012/05/120523_monastery_border_georgia_azeri_dispute (date accessed: 02.03.2020).
20. *Minasyan S. Asimmetrichnye otnosheniya mezhdū Gruziej i Azerbajdzhanom* [Asymmetric relations between Georgia and Azerbaijan] // *Central'naya Aziya i Kavkaz* – Central Asia and the Caucasus. 2014. Vol. 17. No. 2. Pp. 56–66.
21. *O komplekse Keshikchidag* – About the Keshikchidag complex // *Zerkalo* – Mirror, 15.09.2019. Available at: <https://zerkalo.az/o-komplekse-keshikchidag> (date accessed: 02.03.2020).
22. *Patriarihiya Gruzii protiv sozdaniya v David Garedzhi transgranichnoj territorii* – The Patriarchate of Georgia against the creation of a cross-border territory in David Gareji // Regnum, 09.12.2019. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2802630.html> (date accessed: 02.03.2020).
23. *Politicheskie aspekty islama v Gruzii* – Political aspects of Islam in Georgia / I. Menagarishvili [et al.] // *Institut strategicheskikh issledovanij* – Institute for strategic studies. 2013. Available at: <http://georgica.tsu.edu.ge/files/03-Society/Ethnic%20Minorities/ISLAM.pdf>.
24. *Posol Gruzii vyzvan v MID Azerbajdzhana iz-za obostreniya konflikta na granice* – The Georgian Ambassador was summoned to the Azerbaijan foreign Ministry due to the escalation of the conflict on the border // *Kavkazskij Uzel* – Caucasian Knot, 15.09.2019. Available at: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/337878> (date accessed: 02.03.2020).
25. *Prezidenty Gruzii i Azerbajdzhana obsudili vopros David Garedzhi v Chikago* – The Presidents of Georgia and Azerbaijan discussed the issue of David Gareji in Chicago // *Gruziya Online* – Georgia Online, 20.05.2012. Available at: <http://www.apsny.ge/2012/pol/1337540261.php> (date accessed: 02.03.2020).
26. *Provokaciya u David-Garedzhi: iz Baku obvinyayut Gruziyu, iz Gruzii – Moskvu* – David-Gareji's provocation: Georgia is accused from Baku, Moscow is accused from Georgia // *Eurasiadaily*, 18.07.2019. Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2019/07/18/provokaciya-u-david-garedzhi-iz-baku-obvinyayut-gruziyu-iz-gruzii-moskvu> (date accessed: 02.03.2020).
27. *Salaev K. Obrazovatel'nye problemy nacional'nyh men'shinstv v Gruzii (na primere azerbajdzhancev i armyan)* [Educational problems of national minorities in Georgia (on the example of Azerbaijanis and Armenians)] // *Humanitarian Balkan Research*. 2019. Vol. 3. No. 1. Pp. 55–58.
28. *SOS ot azerbajdzhancev Gruzii: glava KAG obratilsya k vlastyam cherez Sputnik Azerbajdzhan*, 18.01.2018 – SOS from the Azerbaijanis of Georgia: the head of the CAG addressed the authorities via Sputnik Azerbaijan, 18.01.2018. Available at: <https://az.sputniknews.ru/life/20180118/413650802/azerbajdzhancy-gruzija-obrazovanie-vuz-rodnoj-jazyk.html> (date accessed: 03.03.2020).
29. *Whitley J. Integraciya nacional'nyh men'shinstv v regionah Gruzii Samckhe-Dzhavaheti i Kvemo Kartli* [Integration of national minorities in the Samtskhe-Javakheti and Kvemo Kartli regions of Georgia] // *Evropejskij centr po delam men'shinstv : rabochij doklad No. 44* – European centre for minority affairs : working paper no. 44. 2009. Available at: http://www.minorities-network.org/wp-content/uploads/2014/10/working_paper_44_rus.pdf.
30. *Upravlenie musul'man Gruzii otreagirovalo na nedovol'stvo UMK* – The Department of Muslims of Georgia reacted to the discontent of the UMK // *Ansar*, 17.06.2011. Available at: <http://www.ansar.ru/rfsng/2011/06/17/17303> (date accessed: 01.03.2020).

31. *Shiity i sunnity delyat Gruziyu* – Shia and Sunni divide Georgia // *Nezavisimaya Gazeta* – Independent Newspaper, 18.05.2011. Available at: http://www.ng.ru/events/2011-05-18/3_gruzia.html (date accessed: 01.03.2020).
32. *Berglund C.* Accepting Alien Rule? State-Building Nationalism in Georgia's Azeri Borderland // *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. No. 3. Pp. 263–285. DOI: 10.1080/09668136.2019.1679091.
33. *Bradley J.* Azerbaijan-Georgia border dispute: a political, and literal, minefield // *Eurasia.net*, 19.09.2018. Available at: <https://eurasianet.org/azerbaijan-georgia-border-dispute-a-political-and-literal-minefield> (date accessed: 02.03.2020).
34. *Çelikpala M., Veliyev C.* Azerbaijan-Georgia-Turkey: An Example of a Successful Regional Cooperation // *Center of European and International Studies at Kadir Has University Policy Brief Series*. 2015. No. 4. Pp. 1–25.
35. Civic Equality and Integration State Strategy and Action Plan for 2015–2020. Available at: <https://smr.gov.ge/en/page/31/state-strategy-for-civic-equality-and-integration-and-action-plan> (date accessed: 03.03.2020).
36. (The) Constitution of the Republic of Georgia. Available at: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/30346?publication=35> (date accessed: 01.03.2020).
37. *Cornell S. E.* Azerbaijan since Independence. New York : Routledge, 2011.
38. Framework Convention for the Protection of National Minorities. Available at: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/ChercheSig.asp?NT=157&CM=2&DF=10/27/2008&CL=ENG> (date accessed: 03.03.2020).
39. *Freni S.* Georgia as an Ethnic Democracy: a Study on the Azerbaijani and Armenian Minorities under Mikheil Saakashvili: dissertation, 2011.
40. General Population Census 2014. Available at: http://census.ge/files/results/Census_release_ENG.pdf (date accessed: 03.03.2020).
41. Georgian Cultural Strategy 2025. Available at: <https://en.unesco.org/creativity/policy-monitoring-platform/georgian-culture-strategy-2025> (date accessed: 03.03.2020).
42. *Nation Building in Post-Soviet Spaces: New Tools and Approaches* / ed. by R. Isaacs, A. Polese. Abingdon : Routledge, 2016.
43. *Turkish-Azerbaijani Relations: One Nation – Two States?* / ed. by M. Ismayilov, N. Graham. Abingdon : Routledge, 2016.
44. *Kakachia K., Shiriyev Z.* Azerbaijan-Georgian relations: The Foundations and Challenges of the Strategic Alliance // *Center for Strategic Studies*. 2013. Vol. 7–8. Pp. 1–121. DOI: 10.13140/RG.2.1.4250.4723.
45. *Kakhishvili L.* Competing for Votes of Ethnic Minorities in Georgia: The 2017 Local Elections // *Centre for the Studies of Ethnicity and Multiculturalism Policy Paper*. 2018. Pp. 1–21. Available at: http://csem.ge/wp-content/uploads/2018/06/Competing-for-Votes-of-Ethnic-Minorities_Eng.pdf.
46. *Kvakhadze A.* Unknown Suburbs: Azerbaijani Settlements of the Gardabani Municipality // *Georgian Foundation for Strategic and International Studies Policy Study*. 2020. Pp. 1–20.
47. *National Minorities in Georgian Parliament* // *Centre for the Studies of Ethnicity and Multiculturalism Policy Paper*. 2017. Pp. 1–11. Available at: http://csem.ge/wp-content/uploads/2017/01/Infographics_minorities-in-parliament_ENG.pdf
48. Organic Law of Georgia Local Self-Government Code, 2014. Available at: <https://matsne.gov.ge/en/document/download/2244429/15/en/pdf> (date accessed: 03.03.2020).
49. Report on International Religious Freedom: Georgia. Available at: <https://www.state.gov/reports/2018-report-on-international-religious-freedom/georgia> (date accessed: 01.03.2020).
50. Report submitted by Georgia pursuant to Article 25, paragraph 2 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities. Available at: <https://rm.coe.int/third-state-report-georgia/168075fc5e> (date accessed: 03.03.2020).
51. *Rumyantsev S.* "Ethnic Territories" Presentation Practices in Historical Textbooks in Post-Soviet Azerbaijan and Georgia // *International Textbook Research*. 2008. Vol. 30. No. 4. Pp. 811–824.
52. *Tabachnik M.* Citizenship, Territoriality, and Post-Soviet Nationhood: The Politics of Birthright Citizenship in Azerbaijan, Georgia and Moldova. Cham: Springer Nature, 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-12882-1.
53. *Tsereteli M.* Azerbaijan and Georgia: Strategic Partnership for Stability in a Volatile Region // *Central Asia – Caucasus Institute Silk Road Studies Program*. 2013. Pp. 1–61. Available at: <https://isdpeu.org/content/uploads/images/stories/isdpeu-main-pdf/2013-Tsereteli-Azerbaijan-and-Georgia1.pdf>.
54. *Valiyev A.* Azerbaijan-Russia Relations After the Five-Day War: Friendship, Enmity, or Pragmatism? // *Turkish Policy Quarterly*. 2011. Vol. 10. No. 3. Pp. 133–143.

Карикатуры США и революция в России: ноябрь-декабрь 1917 г.*

С. О. Буранок¹, А. В. Соколова²

¹доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет.

Россия, г. Самара. E-mail: witch-king-1@mail.ru

²магистрант исторического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия, г. Самара. E-mail: sokolova.a@sgspru.ru

Аннотация. Статья посвящена такой проблеме, как формирование образа революции в России в американских карикатурах. Проанализированы несколько основных образов, использованных журналистами того времени для выстраивания в умах американских читателей определенных представлений о России. Рубежным моментом в формировании представлений о России стал пик голода, когда вместе с уже сформировавшимися образами начал активно выстраиваться новый образ – образ жертвы. Изучено, на каком материале развивается и закрепляется новый образ. На примере тяжелой ситуации в Советской России американская пресса завуалированно показывает достоинства американского образа жизни и политической системы, вместе с тем подробно рассказывая о помощи США далекой стране. В этот период укрепляется положительное представление американцев о самих себе, то есть закрепляется роль России как конституирующего «Другого». Вопросы о перспективах «большевистской опасности» после Великой войны, формах и путях ее перехода в послевоенный век, о внешней политике США в Европе были очень популярными и довольно дискуссионными для американского общественного мнения во время Первой мировой войны и межвоенного периода. Итоги анализа прессы показывают изменение приоритета в изображении «большевистской опасности» в американском общественном дискурсе в 1917–1918 гг. Исследования «образной» проблематики в условиях конца Первой мировой войны невозможны без привлечения прессы стран-участников. Изучение прессы США даст возможность более глубоко и конкретно осветить американские представления о практических подходах в международных отношениях в условиях трансформации миропорядка после Первой мировой войны. Анализ прессы показал, что в течение 1917–1918 г. в американском общественном дискурсе происходила смена приоритетных подходов к образу России.

Ключевые слова: пресса США, общественное мнение, революция, большевики.

Теме Русской революции 1917 года посвящено большое количество трудов как в российской, так и в мировой историографии. В них очень тщательно изучен ход и характер революционных событий, особенности функционирования партийных, военных и государственных структур в 1917 году, роль различных социальных групп населения и многие иные вопросы. Однако пока остаются и малоизученные сюжеты истории революции 1917 года, одним из которых является ее восприятие союзниками СССР через карикатуры. Проблема преломления образа революции через комическое поможет не только выявить дополнительные детали образа самой революции, образа России, но и более точно понять роль карикатур в изображении «Другого» в период кризисов и конфликтов.

Значимость исследования этого сюжета заключается не только в расширении научных знаний по истории Русской революции, но и в конкретизации образа «Русского Другого», сформировавшегося у американцев в 1917 году. На примере карикатур о революции представляется возможным выявить как традиционные, общие черты оценок кризисных событий русской истории, свойственные общественности США, так и уникальные, характерные только для 1917 года. Разработка данной темы позволит более точно понять особенности представлений американцев о России времен революции.

Изучение американской карикатуристики имеет давние традиции, особенно в темах, касающихся международных отношений. Анализ карикатур позволяет более точно понять не только общественные настроения, но и ключевые детали образов «Другого» (в данном случае – России), которые, в силу своей эмоциональной окрашенности, не всегда могут быть представлены в текстуальных СМИ. Кроме того, при анализе американских карикатур 1917 года можно

определить их место и роль в информационной политике США; уточнить, какие мифы и стереотипы актуализировались карикатуристами, а какие – создавались заново; сравнить образ революции, формируемый текстами, с образом революции, формируемым карикатурами.

Карикатуры о Русской революции 1917 г. имеют несколько особенностей: 1) оперативность появления карикатур. Художники, как и все общество, мгновенно осознали не просто сенсационность события, но и его глобальное, историческое значение. Поэтому первые материалы появились очень рано – уже весной 1917 года; 2) большое разнообразие созданных единовременно или за короткий отрезок времени (с осени-зимы 1917 г.) карикатур позволяет провести анализ эволюции оценок революции; 3) пересечение в одних работах художников и «ментальной географии», и «воображаемого общества», и образов «Свой\Чужой».

Классифицировать карикатуры США о Русской революции можно по хронологии, по авторству, по географическому признаку. Причем интересные выводы может дать как анализ эволюции карикатур в одной газете, так и сравнительный анализ нескольких изданий за определенный период. Важно отметить, что далеко не все периодические издания США в период 1917 г. публиковали карикатуры о Русской революции (и какие-либо другие карикатуры тоже). Так, ежедневные газеты «Lewiston Morning Tribune», «Lodi News-Sentinel», «Evening Independent», «Gettysburg Times», относящиеся к прессе средних городов, карикатур не напечатали.

Многие редакционные карикатуристы и независимые художники, наоборот, почти на каждое событие Русской революции создавали комический образ. Причин этому несколько. В условиях социально-экономических перемен, происходящих в России в начале XX века, особую актуальность приобрели средства иллюстрирования существующих в обществе настроений, стереотипов и мифов. Карикатуры становятся мощным средством воздействия и пропаганды, усиливая визуальный эффект и задавая «нужное» настроение прочитанного текста.

Политическая карикатура – это иллюстрация существовавших в обществе настроений, предрассудков и стереотипов, без чего визуальные тексты не могли быть прочитаны и поняты аудиторией, и механизм конструирования новых общественных предпочтений и мифов, что превращает карикатуру в мощное пропагандистское оружие [2, с. 198].

Социокультурный контекст американского общества-наблюдателя был связан как с внутривнутриполитическими, так и с внешнеполитическими проблемами. Отсталость России в связи с революцией стала рассматриваться как перспектива демократизации страны. Поэтому представляла широкий интерес для Америки и создавала предпосылки для поддержки.

Однако, когда очередная русская революция превращалась в революцию по-русски, когда терпели крах их политические, религиозные и экономические амбиции, в американском обществе происходил отказ от романтического образа русского народа и на первое место выходили рассуждения о рабских восточных людях, невежественных и неспособных пользоваться свободой [1, с. 88].

Так, в 1917 году появляется множество карикатур в прессе США на тему русской революции.

Карикатуристы улавливали изменения в настроении и создавали запоминающиеся образы. Их условно можно разделить на 3 группы.

1. Демонический образ.
2. Романтический образ.
3. Наивно-оскорбительный.

Необходимо подчеркнуть, что каждый из указанных образов развивался параллельно с другими. И редакции периодических изданий США в 1917 году данные образы (в зависимости от редакционной политики и реакции общественности на события в России) переплетались и комбинировались. Тем не менее в каждом из выделенных нами образов можно обнаружить наиболее характерные карикатуры, показывающие ключевые элементы каждого образа. В США в 1917 году применительно к Русской революции самым востребованным и часто используемым образом был наивно-оскорбительный.

Одну из самых необычных, но одновременно и образных работ создал известный художник Дж. Дарлинг, где сама революция представлена как фон, а сюжет рисунка олицетворяет состояние России после революции.

На первом плане мы видим новорожденного теленка – худого и истощенного, а на его шее красуется бирка «Новый русский либерализм». Беспомощный, испуганный и молодой – именно так видит новый режим американская пресса. Теленок связан по «по рукам и ногам» –

копытам. Тут снова нам намекают на беспомощность власти. Теленок подвешен над пропастью, образ пропасти символизирует падение России, а разрушенный забор намекает на то, что она сама в этом виновата, так как упала сама. Всю тяжесть этого теленка держит на себе Керенский [4]. Именно от него, как от главы временного правительства, зависит судьба новой страны. В пропасть падает и ведро, как бы намекая, что скоро туда скатится и он сам. Необычен на этом рисунке вариант зооморфного образа России, который в США традиционно в начале XX века был представлен медведем. Дарлинг использует маленького теленка, стремясь тем самым подчеркнуть резкое различие между старой императорской Россией и новой революционной. Большевицкая угроза показана им в очень абстрактном виде – как пропасть, куда неминуемо должен свалиться неопытный теленок.

Были варианты карикатур и с использованием традиционного образа медведя. Другой известный художник Кассель выбрал в 1917 году именно классический образ медведя для характеристики России. Он был разъяренным, грозным и пугающим. Но не в этот раз. Кассель изображает медведя (то есть Россию) жалким и глупым. Перед ним на столе стоит два блюда с надписью «трезвые решения» и «здоровый смысл», но медведь их игнорирует, отвернувшись в другую сторону [11, р. 3]. При этом из его пасти капает слюна, намекая на то, что он голоден, жаждет пищи, но вот какой... Этим подчеркивался старый тезис о «русском варварстве», «политической беспомощности», «дикости». Кассель актуализировал через такой образ одну из наиболее популярных идей американской общественности: при всей очевидности «перестройки России по демократическому пути» она выберет «тиранию».

Еще одна часто встречающаяся проблема, отраженная в карикатурах первого образа с зооморфным содержанием, – это скорый выход России из войны. На карикатуре в издании «Youngstown Vindicator» мы видим скунса, он подписан как «Немецкий мир», и его хочет погладить все тот же русский мужик с бородой и в рубахе с надписью «Русские идеалисты». Только он не знает о том, что это за животное скунс, и думает, что это «Хорошая киса». Карикатура высмеивает действия России и подписание мира с Германией, намекая на то, что самое худшее – еще впереди [14, р. 6]. Снова идет отсылка к гражданской войне и политической близорукости «русских идеалистов» – так наиболее часто в прессе США называли большевиков.

Однако в период осени 1917 года в наивно-оскорбительном образе более востребованными были не зооморфные черты изображения России, а антропоморфные.

На карикатуре Россия изображена в своем привычном образе длинноволосого и бородатого мужика в сапогах и рубахе. Он вмешивается в перепалку Германии и Австрии, которые избивают маленькую Сербию. Та кричит о помощи, призывая другие страны помочь. Россия влезла в дела европейских стран, а потом трусливо убежала, призывая. «Русский мужик» изображен глупым и трусливым, именно такой образ начинает формироваться в прессе, намекая на несостоятельность власти. Кроме того, данный рисунок настраивал общественность США против идеи «спасения России», так как показывал, что «Россия сама виновата в своих бедах» [13, р. 1].

Карикатура Касселя этого же периода также изображает тему возможного сепаратного мира с Германией. На рисунке изображен русский солдат, уже без традиционной бороды (ее отсутствие символизировало начало перемен в русском обществе), но с усами, на европейский манер. На его рубахе написано «большевики», а руки трусливо подняты вверх ладонями, что означает признание поражения. В этот момент на мужика наступает немецкий сапог с шипами. Россия лишена не только гордости, но и достижений в войне [8, р. 5]. Здесь в очень эмоциональной манере представлены страхи американского общества о возможном выходе России из войны, что, по мнению художника, приведет в первую очередь к гибели самой России.

Еще один характерный момент данной карикатуры – сама по себе «большевицкая угроза» не является самостоятельной силой, больше Америку пугает усиление Германии – как следствие революции 1917 года.

Тему невыгодного будущего сепаратного мира с Германией Дж. Кассель продолжит. В декабре 1917 года в свет выходит еще одна карикатура, посвященная этой тематике.

Русский мужик стоит в окопах, в виде немецких шлемов. Тут он изображен также на современный манер, без бороды и с усами. Германия предоставила жесткие условия – сдача Польши, Финляндии, Прибалтики, Молдавии, Восточной Галиции и Армении. Россия, соглашаясь с этими условиями, добровольно надела на себя немецкие кандалы [7, р. 2].

В других карикатурах осени-зимы 1917 года Дж. Кассель пытался воздействовать на различные эмоции американцев, поднимая тему не только «безволия России», «позорного

перемирия с Германией», но и предательства: на одном из рисунков русский солдат уходит с фронта целый и невредимый, с оружием в руках. Присутствие ружья у солдата, покидающего фронт, намекает на скорую гражданскую войну. Бросает в окопе раненную Бельгию – страны, первой испытавшей на себе силу агрессии Германии в 1914 году.

Символично не только выражение лица русского мужика – недовольное и напряженное, без капли сочувствия, жалости или стыда. Но и его поза. Одна рука в кармане, а другая повисла над ружьем, словно снова готова взяться за оружие. Подобная карикатура – предчувствие гражданской войны в России, так как солдаты, покинувшие фронт, по мнению Касселя, еще в большей степени дестабилизируют ситуацию в России [12, р. 3].

Пресса США не верила, что Россия может добровольно отказаться от всех своих побед, и искала причины. Одной из таких стала тема спланированного Германией выхода из войны России.

Русский мужик схватился за голову, держа в руках подарок – кирпич с надписью «мир» с одной стороны, а с другой – «золотой кирпич». Тут же на столе виднеется записка «от Кайзера». Как раз данная карикатура отражает мысль, что мир большевиков был подготовлен в Германии и что выход России из Первой мировой войны был спланирован Кайзером [9, р. 3]. Художник таким образом подчеркивал, что Россия не самостоятельна, а власть лишь формальна, тут прямой намек на несостоятельность большевиков и нового режима.

Рассмотрев карикатуры с наивно-оскорбительным образом, можно сделать следующие выводы:

1. Этот образ эксплуатировался для демонстрации несамостоятельной России и пропаганды идеи – революция в России либо спланирована в Германии, либо является следствием варварства и дикости русского народа.

2. Также было неминуемо сравнение со своей американской революцией. Которой был в начале XX века в США свойствен уже патриотическо-романтический образ. Он использовался для формирования «Я-концепции» американской нации как родоначальника образцовой революции.

3. Америку явно раздражал тот факт, что Россия пошла не по ее образцовому пути. И не желала у нее учиться.

Второй из выделенных нами образ Русской революции романтический. Романтический образ в прессе был призван настроить общество на помощь России. Призыв нового «крестового похода в Россию» и «спасения России» был достаточно популярным. Если ранее «русского мужика» было принято выставлять «мрачным, неопрятным, с длинной бородой и в крестьянской рубашке», то на карикатуре Дж. Дарлина осенью 1917 года мы видим совершенно противоположную картину. Новая Россия, освобожденная от царизма, в лице крестьянина уже не такая страшная. Она засучила рукава и победила этот гнет. И теперь имеет более европейский облик благодаря аккуратной стрижке и усам вместо бороды. «Растрепанный» царизм – сломленный и потерпевший поражение – оказался у ног своего народа, символично уронившего скипетр и державу в грязь. Дарлинг на рисунке подчеркивает, что старая Россия и монархия пала; «русский мужик» готов биться за свою свободу дальше. Однако на его карикатуре есть тревожный момент (который беспокоил почти всех американцев) – это возможное вмешательство Германии в русские дела. На данном рисунке это представлено в виде кайзера Вильгельма II, который перепрыгивает линию фронта (изображена в виде забора) и намерен помешать «русской свободе». Поэтому Россию нужно спасать не только от русских, но и от немцев [4].

В «Chicago Tribune» в ноябре 1917 года напечатана карикатура, где соединяются абстрактные и зооморфные образы: революция обрушилась на Россию со скоростью молнии. Мировая общественность, в частности Америка, не ожидала столь скорого развития событий. Эти мысли нашли отражение на карикатуре. Изображение очеловечено миром, у которого кругом пошла голова от революции в России, случившейся за месяц. Столь скорые события обусловили еще один образ – безумного медведя, бегущего в колесе с надписью «революция». У медведя нет выхода из колеса под названием «Революция» – такая реакция «Chicago Tribune» на вторую за год революцию в России.

Достаточно уникальный образ Русской революции, даже в рамках «романтического направления», создал Дж. Кассель 15 декабря 1917 года. В 1917 году на фронте массовое распространение получило братание – стихийное прекращение вражды. Кассель изобразил русского и австрийского солдата, уставших от войны и немецкой пропаганды. Они сложили оружие и вместе, как братские народы, грезят о свободе. Тут Россия выступает в роли учителя и наставника. Обычно в карикатурах этого периода все наоборот – «бородатая» Россия нуждается

в наставлениях, а здесь нет. Этот образ – сенсация в формировании образа России [6, р. 4]. Как видно, даже один художник (как пример Дж. Кассель) в течение нескольких дней в 1917 году мог создать совершенно разные, даже противоположные образы революции: от «большевистской угрозы», опасной всему миру, до нового «наставника свободы» для европейских народов.

Очень похожий мотив содержится в рисунке Дарлинга от 1917 года. Данная карикатура показывает надежды американского общества на то, что после русской революции начнется падение других европейских монархий. Народы Австро-Венгрии и Германии к этому готовы. Поэтому Кайзер в панике оттаскивает народ от забора, который с интересом наблюдает за ситуацией в России [4].

Актуализировался в рамках романтических представлений художников о России и образ Керенского в прессе, который до последнего соответствовал «рыцарю русской революции». Именно на него возлагались надежды как на творца новой свободной России. С ним были связаны надежды на то, что он приведет Россию к рассвету, выведя ее из хаоса анархии и социализма. Потому что он последний, кто мог спасти невежественную и глупую Россию, которую тут олицетворяет медведь [10, р. 4].

К ноябрю 1917 года у американцев еще была вера в то, что «борьба за свободу и демократию» в России еще не проиграна. Стремление к романтизации революции в России и осознание своей причастности к этому обновлению становится важным аспектом внешней политики США. Романтический образ русского народа в лице огромного, сильного и красивого мужчины, разрывающего оковы политического рабства, становится основополагающим образом в прессе [4]. Обуславливает этот образ и желание продолжить крестовый поход, направленный на распространение демократии. Поэтому одной из важнейших задач становится ускорение в формировании общественного мнения о помощи России.

Изучение карикатур с романтическим образом Русской революции позволяет сделать следующие выводы:

1. Этот образ использовался для формирования общественного мнения о помощи России, встать на демократические рельсы и проследовать по пути американской революции.
2. Образ России и русского народа трансформируется из бородатого, неуклюжего мужика в мужчину европейской наружности, образованного и жаждущего новых демократических ценностей. Появляется сенсационный образ России думающей, которая смотрит в сторону запада.
3. При всей романтизации образа пресса не отказывается от главного визуального маркера – медведя. Но тут его не используют для дегуманизации образа чужой России. Главной задачей становится показать несостоятельность действий власти и разделить понятия «власть правителей» и «демократия народа».

Демонический образ Русской революции актуализировался в США в 1917 году теми же визуальными способами и стереотипами восприятия. Одной из главных задач администрации Вильсона было удержать Россию в войне. Надежду на это давало только Временное правительство. В 1917 году, после Февральской революции, сенатор Элай Рут был отправлен в Россию с задачей поддержать Временное правительство и «выразить уверенную надежду, что русский народ развивает политическую систему, основанную на демократии». Однако ожидания не оправдались. Этот сюжет изобразил Дж. Дарлинг: Комиссия Рута и Дядюшка Сэм разочаровываются в своих стремлениях помочь России, видя, что она упивается анархией (в буквальном смысле), а за спиной стоит кайзер. Россия представлена в образе разбушевавшегося мужика, размахивающего кулаками и бутылкой. Американцы, разочарованные в увиденном, решают не спешить с помощью и принять выжидающую позицию [4].

Другой известный художник Клиффорд Берримен весной 1917 года публикует рисунок: образ Дяди Сэма как персонифицированный образ Соединенных Штатов Америки стал популярен в период Первой мировой войны. Он олицетворял комичный образ американского правительства, которое, в свою очередь, стремилось помочь российской революции и надеялось на ее демократические устремления. Но надежды не оправдались. Дядя Сэм, который долго видел в России жертву – маленького медвежонка, нуждающегося в помощи, – на самом деле оказался подделкой – большим, страшным и глупым большевистским медведем. Он держит в лапах поддельные деньги, их же случайно уронил Дядя Сэм, отрицая этим всякую помощь России [5].

Администрация Вильсона переходит в выжидающую позицию и решает не вмешиваться в дела России, так как отмыывание от революционной заразы еще не произошло. Весьма характерно, что «отмыыванием» большевиков занят сам земной шар (в несколько антропоморфном изображении), который уже «отмыл» царизм, и теперь дело за революционерами – Троцким и Лениным [4].

Тема революционных лидеров поднималась в карикатурах США сразу после Октябрьской революции, когда отношение к большевикам было критическим. Его демонстрирует работа Джона Маккатчеона в «Chicago Tribune» от 9 ноября: на пьедестале с подписью «Россия» изображен революционер, размахивающий флагами. Вокруг постаментов лежат сброшенные фигуры царя и Керенского. Причем на революционере написано «хаос», а рядом уже присутствует казак, готовый замахнуть шашкой. И самое важное: за спиной революционера ждут его свержения большие массы самых различных политических сил [3, р. 1]. Такая работа отражала общий настрой общественности США, что большевики – явление временное, такое же нестабильное, как и прошлая власть в России. В прессе была развернута кампания по дискредитации власти большевиков.

Другие настроения граждан США передавались в работах Джея Дарлинга, который в ноябре 1917 года представил свой взгляд на Октябрьскую революцию: Троцкий и Ленин изображены в виде парикмахеров, которые «революционными ножницами» изуродовали Россию. На рисунке показаны и другие страны (как Антанты, так и Тройственного союза), в ужасе убегающие из «большевицкой парикмахерской». В остальных работах Дарлинга постоянно проводится мысль о возможности переноса революции из России в другие страны [1].

Американское общество пристально следило за ходом революции в России. И если сначала была надежда на то, что она пойдет по американскому – демократическому пути развития, то с ходом революции эта надежда рушилась. Как идеология большевизма, для США это «варварские методы власти», и пути достижения этой власти соответствующие. Уже в ноябре 1917 года карикатуристы, актуализируя демонический образ России, проводили мысль, что «большевизм – это варварство». Однако существование в ноябре-декабре 1917 года сразу трех образов России и революции в карикатурах США показывает, насколько разнообразно воспринимались события октября 1917 года. Выработать единую линию оценки Русской революции художники и журналисты США сразу не смогли. Объединяет все три образа одна эмоция – страх перед новой властью в России, страх перед «большевицкой опасностью», который очень быстро трансформируется в страх перед «красной угрозой».

Список литературы

1. Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914–1917: Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969.
2. Журавлева В. И., Фоглесонг Д. С. Конструирование образа России в Американской политической карикатуре XX века // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. Т. 1. М., 2008.
3. Chicago Tribune. 1917. November 9.
4. Editorial Cartoons of J. N. "Ding" Darling // University of Iowa. Libraries. Special Collections Dept. 1917.
5. NARA. RG: 46. Berryman Political Cartoon Collection. Box 5.
6. Pittsburgh Press. 1917. December 15.
7. Pittsburgh Press. 1917. December 18.
8. Pittsburgh Press. 1917. December 21.
9. Pittsburgh Press. 1917. December 26.
10. Pittsburgh Press. 1917. November 16.
11. Pittsburgh Press. 1917. November 22.
12. Pittsburgh Press. 1917. November 28.
13. Youngstown Vindicator. 1917. November 12.
14. Youngstown Vindicator. 1917. November 13.

Cartoons of the United States and the revolution in Russia: November–December 1917

S. O. Buranok¹, A. V. Sokolova²

¹Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Department of general history, law and teaching methods, Samara State Socio-Pedagogical University.

Russia, Samara. E-mail: witch-king-1@mail.ru

²master student of the faculty of history, Samara State Socio-Pedagogical University.

Russia, Samara. E-mail: sokolova.a@srgspu.ru

Abstract. The article is devoted to such a problem as the formation of the image of the revolution in Russia in American cartoons. The article analyzes several main images used by journalists of that time to build certain ideas about Russia in the minds of American readers. The peak of the famine became a turning point in the

formation of ideas about Russia, when a new image – the image of the victim-began to be actively built together with the already formed images. It is studied on what material the new image develops and is fixed. Using the example of the difficult situation in Soviet Russia, the American press covertly shows the advantages of the American way of life and political system, while at the same time describing in detail the US assistance to a distant country. During this period, the positive image of Americans about themselves is strengthened, that is, the role of Russia as the constituent "Other" is consolidated. Questions about the prospects of the "Bolshevik danger" after the Great War, the forms and ways of its transition to the post-war century, and about US foreign policy in Europe were very popular and quite debatable for American public opinion during the First World War and the interwar period. The results of the press analysis show a change in priority in the image of the "Bolshevik danger" in American public discourse in 1917–1918. Research of "figurative" issues in the conditions of the end of the First World War is impossible without the involvement of the press created by participants in these processes. The study of the US press will provide an opportunity to more deeply and specifically highlight American ideas about practical approaches to international relations in the context of the transformation of the world order after the First World War. Analysis of the press has shown that during 1917–1918, the American public discourse was changing the priority approaches to the image of Russia.

Keywords: US press, public opinion, revolution, Bolsheviks.

References

1. Ganelin R. Sh. *Rossiya i SShA. 1914–1917: Ocherki istorii russko-amerikanskih otnoshenij* [Russia and the USA. 1914–1917: Essays on the history of Russian-American relations]. L. 1969.
2. Zhuravleva V. I., Foglesong D. S. *Konstruirovaniye obraza Rossii v Amerikanskoj politicheskoy karikature XX veka* [Constructing the image of Russia in the American political caricature of the XX century] // *Mify i realii amerikanskoj istorii v periodike XVIII–XX vv* – Myths and realities of American history in periodicals of the XVIII–XX centuries. Vol. 1. M. 2008.
3. Chicago Tribune. 1917. November 9.
4. Editorial cartoons by J. N. "Ding" Darling // University of Iowa. Libraries. Special Collections Dept. 1917.
5. NARA. RG: 46. Berryman Political Cartoons Collection. Box 5.
6. Pittsburgh Press. 1917. December 15.
7. Pittsburgh Press. 1917. December 18.
8. Pittsburgh Press. 1917. December 21.
9. Pittsburgh Press. 1917. December 26.
10. Pittsburgh Press. 1917. November 16.
11. Pittsburgh Press. 1917. November 22.
12. Pittsburgh Press. 1917. November 28.
13. Youngstown Vindicator. 1917. November 12.
14. Youngstown Vindicator. 1917. November 13.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 930.1(091)

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.009

Советизация Румынии в контексте американско-советских отношений 1944–1945 гг.: отечественная историография

М. А. Росина

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-1241-0854. E-mail: usr12020@vyatsu.ru

Аннотация. Период 1944–1945 гг. характеризовался расширением сферы советского влияния в Европе и формированием американской стратегии сдерживания, что проявлялось в постоянном росте американско-советского противостояния и привело в конечном итоге к возникновению холодной войны. В отечественной историографии в контексте международных отношений того периода недостаточно освещенным остается процесс советизации Румынии, борьба за установление контроля над этим геополитическим регионом. Место этой страны во внешней политике США и собственно американско-румынские отношения практически не изучались.

Целью статьи выступает анализ советских и российских исследований, затрагивающих проблему советизации Румынии в 1944–1945 гг. Автором рассматриваются изменения, произошедшие в трактовке событий завершающего этапа Второй мировой войны отечественными историками, обозначаются дискуссионные проблемы. Статья отражает изменение проблематики исследований, освещающих вхождение Румынии в сферу влияния СССР, которое происходило на фоне ухудшения советско-американских отношений. Привлекается внимание к объяснению истоков, динамики, итогов и последствий биполярной конфронтации, воссоздается процесс постепенной глобализации внешнеполитического курса Соединенных Штатов, органичной частью которого являлась политика в отношении Румынии.

Результаты исследования позволяют расширить представления о соотношении внешних и внутренних факторов в становлении просоветских режимов в странах Восточной Европы, их месте и роли в генезисе холодной войны. Проведенный анализ позволяет в свою очередь переосмыслить широкий комплекс ключевых проблем международных отношений 1944–1945 гг. с учетом всей неоднозначности и многоплановости процессов, происходивших в мире.

Ключевые слова: историография, идеология, Румыния, американско-советские отношения, холодная война.

75 лет назад победой антигитлеровской коалиции завершилась Вторая мировая война, но очень скоро человечество столкнулось с новой – холодной войной, начавшейся между бывшими союзниками. Значение событий 1944–1945 гг. в нарастании глобального американско-советского противостояния привлекает внимание к действиям Вашингтона и Москвы в Восточной Европе, которую зачастую называют колыбелью холодной войны. Процесс советизации этого региона происходил на фоне роста противоречий между капиталистической и социалистической системами, в условиях расширения сферы советского влияния и формирования американской стратегии сдерживания [15, с. 302]. Несмотря на то что эта тема в целом исследована относительно широко, не всем странам региона уделено одинаковое внимание. Крайне слабо в контексте международных отношений того периода в отечественной историографии освещен процесс советизации Румынии, который привел к установлению советского контроля над геополитически важным регионом.

Малочисленность исследований американской политики в отношении Румынии в значительной степени объясняется тем, что в указанный период в ней происходили процессы, характерные для всех государств Восточной Европы. США занимались восточноевропейским вопросом в целом, не уделяя пристального внимания специфике отдельных стран региона. Советская политика в отношении Румынии исследована значительно лучше, поскольку в планах Кремля этой стране отводилась важная роль в обеспечении советской безопасности.

Румынская проблематика в отечественной историографии исследовалась и трактовалась по-разному, в зависимости от существования идеологических установок. Работы советских историков, опубликованные в 1950–1970-е гг., не выходили за рамки марксистско-ленинской концепции и рассматривали происходившие события сквозь призму идеологии. Высокий научный уровень исследований того периода обеспечивался активной деятельностью сотрудников созданного в 1947 г. Института Славяноведения АН СССР, собравших и обработавших большой объем источников, устанавливавших научные связи с исследователями из восточноевропейских стран. Крупнейшими исследователями внешней и внутренней политики Румынии были Н. И. Лебедев, И. Э. Левит, М. А. Мунтян, А. А. Шевяков, труды которых затронули широкий спектр проблем, отличались резкой критикой политики Вашингтона и одобрением действий Советского Союза [47–50; 52; 53; 63; 127; 128].

Особое внимание в работах того периода уделялось великой исторической миссии СССР, создавался образ Советского Союза как освободителя и защитника восточноевропейских народов. Огромное значение придавалось итогам Яско-Кишиневской операции, которая позиционировалась как решающий фактор освобождения Румынии и других стран Юго-Восточной Европы [2; 60; 71; 72; 73]. Утверждалось, что наступление Красной армии создало благоприятные условия для борьбы румынского народа против «военно-фашистского режима И. Антонеску» и присоединения страны к антигитлеровской коалиции [47–53]. Значительное внимание в советской историографии было уделено рассмотрению внешне- и внутриполитических аспектов вооруженного восстания 23 августа 1944 г.¹, которое оценивалось как поворотный момент в истории Румынии, начало народной революции. В этом контексте изучалась история движения Сопротивления в странах гитлеровского блока [43; 98; 116], подвергалась критике деятельность буржуазных «исторических» партий и короля Михая². Подчеркивалось, что США стремились «любым путем поддержать румынскую буржуазную оппозицию <...> бывших руководителей “исторических” партий <...>, представить их в качестве “подлинных демократов”» [139, с. 114]. Создавались труды, посвященные процессу формирования народно-демократических режимов в странах региона, советско-румынским отношениям и роли, которую сыграл Советский Союз в послевоенной судьбе Румынии [3; 6; 31; 51; 62; 127; 128].

Господствовавшая идеология предопределяла оценку американской политики как империалистической, антинародной, стремящейся обеспечить благополучие капиталистической верхушки [23; 38; 46; 70; 76; 85; 86; 139; 140]. Констатировалось, что на завершающем этапе войны англо-американские союзники настаивали на переносе решения всех территориальных и политических вопросов на более поздний период «общего послевоенного урегулирования» [63; 64].

6 марта 1945 г. в Румынии произошел политический кризис, к руководству страной пришло просоветское правительство П. Грозы³. Англо-американские союзники оценили произошедшее как вмешательство Москвы во внутренние дела Румынии и экспорт революции. Такая позиция и основанные на ней утверждения западных исследователей о том, что армия СССР «на штыках принесла в Румынию Советы», подвергались резкой критике в советской историографии. Представленные в зарубежной литературе оценки, трактовались как «по-

¹ 23 августа 1944 г. в Бухаресте произошла смена правительства: королю Михая и лидерам «исторических» партий удалось совершить государственный переворот, в результате которого пронацистский режим маршала И. Антонеску прекратил свое существование. Румыния вышла из войны, приняв предложенные условия перемирия. В политической жизни страны начался новый этап. Уже 25 августа она вступила в боевые действия на стороне союзников, что изменило баланс сил на Восточном фронте и способствовало скорому поражению вермахта.

² «Исторические» партии – Национал-Царанистская (НЦП) и Национал-Либеральная (НЛП). НЦП, которую возглавлял Ю. Маниу, до войны выражала интересы крупных землевладельцев и предпринимателей, связанные с иностранным капиталом. НЛП, под руководством Д. Братиану, была тесно связана с финансовым капиталом, торговыми кругами и крупными земельными собственниками. Обе партии придерживались прозападной внешнеполитической ориентации. С их точкой зрения был солидарен и молодой король Михай. Названные деятели стремились иметь дело преимущественно с Вашингтоном и Лондоном.

³ Петру Гроза, занимавший пост премьер-министра Румынии с 6 марта 1945 г. по 2 июня 1952 г., был известен как активный антифашист, открыто симпатизировал коммунистической идеологии, но по факту членом коммунистической партии не являлся.

пытка идеологов антикоммунизма прикрыть вмешательство империалистических кругов США и Англии в румынские дела с целью не допустить победы народной революции». Утверждалось, что проблема «непредставительности» правительства П. Грозы использовалась для «непрерывного давления империалистов на народную Румынию» [51, с. 17–18, 20], а сам факт преобладания в западном политическом и историографическом дискурсе критических и обвинительных интерпретаций истории освобождения Румынии войсками Красной армии и последующих событий объяснялся различием общественно-политических систем СССР, США и Великобритании.

Во второй половине 1980-х гг. влияние официальной идеологии начало постепенно ослабевать, больше внимания стало уделяться изучению изменений, происходивших в восточноевропейском регионе, и роли Советского Союза в них [42; 44; 66; 84; 111; 124; 137]. Публикацией, значимой в отечественном исследовании проблемы, однако еще не вполне освободившейся от идеологических штампов, стал труд К. Л. Жигни. Автор пришла к выводу, что США и Великобритания «прикрывались совместной ответственностью союзников за процесс демократизации в стране, пытались осуществить грубое вмешательство в дела Румынии, отводя ей функцию одной из частей “санитарного кордона” вдоль советских границ и “объекта экономической эксплуатации западным капиталом”. Используя «статус держав-победительниц для борьбы с революционными завоеваниями» румын, они стремились к разжиганию территориальных споров, используя их как рычаги вмешательства в дела восточноевропейских народов. Действия Кремля характеризовались как прогрессивные, предусматривавшие сохранение за румынским народом права решать внутренние проблемы самостоятельно» [29, с. 3–6].

В целом в исследованиях перестроечного периода появилась дискуссионность, повысился интерес к обсуждению спорных вопросов, существовавших в зарубежной историографии, политика СССР и США стала оцениваться не столь однозначно [8; 9; 32; 33; 39; 56; 77; 83; 100; 119; 122; 123; 126]. В вышедшем в тот период труде А. В. Потехина «Дипломатия США в Восточной Европе 1945–1950 гг.» отмечалось, что политика Соединенных Штатов относительно государств Восточной Европы оформилась и приобрела качество только в 1949–1950 гг. В 1944–1945 гг. Вашингтон еще не имел продуманного плана действий, поэтому, «испытывая очевидные классовые симпатии к оппозиционным социализму силам в восточноевропейских государствах», он не предоставил им «всю возможную помощь». Это было обусловлено несколькими причинами, одной из которых было неверие Вашингтона в способность оппозиции переломить доминанту общественно-политических процессов в регионе [83, с. 122–123]. По мнению профессора кафедры истории внешней политики стран Европы и Америки МГИМО МИД СССР А. А. Язьковой, политическая линия США в отношении восточноевропейских стран «с самого начала определялась неадекватным пониманием их роли в мировой политике, недоучетом сложности и глубины происходивших в них процессов» [137, с. 70–71].

С 1990-х гг. расширился доступ к ранее неизвестным архивным материалам, исследования стали освещать и переосмысливать широкий комплекс ключевых проблем международных отношений 1944–1945 гг. с учетом всей неоднозначности и многоплановости процессов, происходивших в мире. Отсутствие официальной идеологии позволило положить в основу исследовательской деятельности многофакторный подход, взвешенные оценки событий. Особое внимание стало уделяться вопросу соотношения внешних и внутренних факторов в укреплении просоветских режимов в странах Восточной Европы, их месте и роли в происхождении холодной войны.

Внутриполитические процессы, характерные для Румынии и других стран Восточной Европы, были скрупулезно исследованы историками-славистами [1; 11; 12; 14; 17; 27; 57; 58; 61; 69; 118]. Их заслугой стало детальное рассмотрение восточноевропейской политики Советского Союза в условиях зарождения и эскалации биполярной конфронтации. Пристальное внимание авторы уделяли становлению в Румынии режима народной демократии и роли советского фактора в этом процессе. Ведущий специалист по Румынии Татьяна Андреевна Покивайлова исследовала политические аспекты военного и послевоенного периода, а также особенности трактовки событий тех лет в румынской историографии [78; 79; 81; 82].

Во второй половине 1990-х гг. Институт всеобщей истории РАН создал Центр изучения холодной войны, яркими представителями которого стали Н. И. Егорова, В. Л. Мальков, М. М. Наринский, А. М. Филитов, А. О. Чубарьян. Существенно расширилась тематика исследований. Большое

внимание стало уделяться анализу новых источников, а также тенденциям изменения проблематики и развития мировой историографии холодной войны [19–22; 24; 25; 106–110]. Процесс советизации Восточной Европы рассматривался авторитетными отечественными исследователями в трудах, посвященных генезису холодной войны, однако румынская проблематика не получила в них детального освещения [4; 5; 13; 16; 45; 59; 67; 68; 75; 101; 112; 120; 125]. В исследованиях биполярной конфронтации отмечается, что утверждение советского контроля в странах Восточной Европы стало результатом фактического признания западными союзниками правомерности претензий СССР на создание здесь «пояса безопасности», решимости советского руководства поддержать эту претензию соответствующими материальными ресурсами и наличия социально политической базы для советизации [134, с. 36].

В трудах отечественных американистов достаточно подробно исследован процесс взревания внешнеполитического курса США в отношении восточноевропейского региона. Сохраняется внимание к американской истории XX в., объяснению истоков, динамики, итогов и последствий биполярной конфронтации [4; 26; 54; 55; 75; 104; 105; 112; 121; 125; 129; 131; 132; 135]. Высокопрофессиональный анализ стратегии и тактики Вашингтона на международной арене воссоздает процесс постепенной глобализации внешнеполитического курса Соединенных Штатов, одной из частей которого являлась политика в отношении Румынии. Следует, однако, отметить, что место этой страны во внешней политике США и собственно американско-румынские отношения практически не изучались [34; 89; 92; 94; 96; 97].

Освобождение исторической науки от идеологических установок привело к пересмотру выводов советской историографии, была опровергнута непогрешимость Советского Союза, появились взвешенные оценки политики обеих сверхдержав. В изучении американско-советских отношений на начальном этапе советизации Румынии обозначился ряд дискуссионных проблем. Например, существовал ли у СССР подробный план по советизации Восточной Европы? Следует отметить, что этот вопрос дискуссионен не столько внутри отечественной исторической науки, сколько между представителями отечественной и зарубежной историографии. Большинство современных авторов отмечает, что к началу 1944 г. для союзников по антигитлеровской коалиции было приемлемым, что Восточная Европа войдет в сферу влияния СССР, вопрос заключался лишь в степени этого влияния [133, с. 66–78]. Вашингтон и Лондон стремились воспрепятствовать явной советизации стран региона и превращения их в часть неделимого советского блока [87; 88; 91; 93]. Они рассчитывали как минимум на свободное развитие экономических отношений с послевоенной Румынией, в то время как Москва стремилась минимизировать все контакты Бухареста с капиталистическим миром. После того как страны Восточной Европы приняли советскую систему, администрация США сочла, что произошедшие изменения были запланированы Кремлем изначально. В труде румынского исследователя Д. Добринку отмечается, что в марте 1945 г. один из источников сообщил представителям УСС в Бухаресте о существовании детализированного проекта коммунизации Румынии. Тем не менее достоверность этого документа не может быть установлена [94, с. 220].

Безусловно, в планах Кремля Румынии уделялось существенное внимание, поскольку через нее осуществлялась коммуникация с советскими войсками в Юго-Восточной Европе. Памятуя о международной обстановке накануне Второй мировой и опасаясь возобновления идеологической борьбы между Западом и СССР, последний предполагал обязательное участие Румынии в создании «пояса» дружественных государств вдоль советских границ [103, с. 24, 32–35]. Сотрудники Института Славяноведения РАН Т. В. Волокитина и Т. А. Покивайлова придерживаются основанной на изучении ими обширного пласта документов Архива внешней политики РФ точки зрения, что «в интересах сохранения согласия в рамках антигитлеровской коалиции на этом этапе [1944 г. – М. Р.] намерений форсированной советизации в планах советского руководства не просматривалось. Москву вполне устраивал статус “дружественных” государств» [10; 79, с. 207–208].

В период с 1944 года по февраль 1945 года румынский вопрос рассматривался американским внешнеполитическим ведомством «в текущем порядке». Руководство США в то время не видело в нем грубых противоречий либеральным принципам. В Ялте американская делегация стремилась к реализации идеи политической самостоятельности освобожденных государств, что нашло свое отражение в «Декларации об освобожденной Европе». Ситуация изменилась после прихода к власти правительства П. Грозы. Видя причину произошедшего в советском вмешательстве, США отказались признать новый кабинет.

В период между Ялтинской и Потсдамской конференциями СССР добивался международного признания румынского руководства, что шло вразрез с глобальной внешнеполити-

ческой стратегией США, поэтому американцы настаивали на обсуждении румынской проблемы при очередной встрече союзников. В Потсдаме западные державы настаивали на немедленной реорганизации правительства. Тем не менее принятые на конференции решения давали каждой союзной державе право самостоятельно решать вопрос дипломатических отношений с бывшими вражескими государствами [102, с. 185, 474], что в значительной степени соответствовало интересам СССР. В Потсдаме не воплотились планы западных союзников по установлению международного наблюдения за выборами в восточноевропейских странах. Однако от официального признания румынского правительства США настойчиво отказывались вплоть до Московской сессии СМВД в декабре 1945 г.

Достигнутые на Ялтинской и Потсдамской конференциях 1945 г. договоренности по румынскому вопросу представители советской историографии рассматривали, противопоставляя «империалистическим целям» США и Великобритании «демократическую» политику СССР [28–31; 43; 49; 70; 73; 98; 113; 117]. Общим для советских историков стал вывод о том, что «империалистический мир» во главе с США стремился добиться таких условий мирного урегулирования с Румынией, которые осложнили бы процесс ее послевоенного восстановления и поставили бы страну в политическую и экономическую зависимость от Запада, в то время как Советский Союз делал все возможное для восстановления и развития румынского хозяйства [40, с. 40, 46; 44, с. 424; 51, с. 19; 127, с. 139, 262–263; 139, с. 119]. Именно с помощью СССР Румыния сумела избежать вмешательства империалистических держав в свои внутренние дела и в конечном итоге заключить с ними демократический мирный договор [52; 65; 98; 138]. В то же время труды советских авторов нередко показывали фактическую несамостоятельность политики Бухареста, ее прямую зависимость от интересов Кремля.

Современные отечественные исследователи придерживаются взвешенных оценок. Доминирует точка зрения, что на завершающем этапе войны Румыния оказалась объектом политики держав антигитлеровской коалиции. Соглашение о перемирии сентября 1944 г., а также принятые в Ялте и Потсдаме решения открыли для СССР возможность непосредственного влияния на развитие внутривосточных процессов в этой стране. США и Великобритания не могли оказать эффективного противодействия политике Москвы из-за присутствия частей Красной армии на территории Румынии, решающей роли советских представителей в СКК, работы советских военных комендатур и т. д. Таким образом, становление нового режима проходило при полном контроле советской военной администрации и наводивших страну советников из Москвы [13; 14; 18, с. 7; 27; 34; 61; 67; 69, с. 5].

Российский историк А. В. Васильев выделил в качестве важного фактора просоветской ориентации Румынии в конце войны ее стремление заручиться поддержкой Советского Союза в получении статуса воюющей державы. В апреле 1945 г. министр иностранных дел Румынии Г. Татареску отметил, что страна готова поставить всю свою внешнюю политику под контроль СССР, рассчитывая во время мирной конференции занять место среди ее участников [6, с. 80]. Исследователи Института Славяноведения РАН выразили точку зрения, что, стремясь сбалансировать односторонне прозападный курс НЦП и НЛП, Татареску, сам являвшийся сторонником прозападного внешнеполитического курса, стремился переключить на себя основные контакты с СССР и этим разрушить монополию Румынской коммунистической партии (РКП) в отношениях с Москвой [69, с. 168; 103, с. 135].

Научный интерес представляет анализ действий молодого румынского монарха и антисоветской оппозиции. Советские исследователи называли их «послушным орудием империалистических держав» и делали акцент на стремлении США оказать поддержку НЛП и НЦП с целью усилить в стране антисоветские настроения [29, с. 7, 61; 41, с. 380–388; 130, с. 112–113; 139, с. 111, 114]. Представители современной отечественной историографии сходятся во мнении, что Вашингтон и оппозиционные партии по объективным причинам не могли противостоять процессу советизации Румынии. Оппозиция не имела четкой структуры и была недостаточно хорошо организована. К тому же получение ключевых постов в правительстве позволило поставить под контроль кадровый состав госаппарата, армии и органов внутренних дел, а также минимизировать возможности «исторических» партий, а позднее полностью избавиться от оппозиции [90; 136].

Дискуссионным является вопрос о мотивации Советского Союза в отношении Румынии. Политическое или экономическое превосходство было для Москвы более важным? По одной точке зрения, Советский Союз был ориентирован на экономическую эксплуатацию подконтрольных ему стран Восточной Европы. Это якобы явилось неожиданностью для американ-

цев, которые рассчитывали, что экономическая заинтересованность СССР в сотрудничестве с ними удержит советскую экспансию в допустимых для США рамках и сохранит для американского бизнеса открытые двери на восточноевропейские рынки [4, с. 15; 67, с. 129; 74, с. 27].

Иная точка зрения заключается в том, что приоритетными для Москвы являлись политические преобразования в Румынии, установление режима, «дружественного» Кремлю, что подтверждается советским вмешательством в мартовский кризис 1945 г. [5, с. 9; 17, с. 117, 119–120]. Многими исследователями отмечается приоритетная роль геополитических соображений в действиях Советского Союза. По их мнению, Сталин последовательно выступал за присоединение новых территорий с соответствующим изменением границ, поэтому СССР использовал территориальные споры в своих интересах [35; 36, с. 26; 37; 99; 114; 115]. Укрепление коммунизма в странах Восточной Европы было для советского вождя средством обеспечения безопасности СССР и расширения его сферы влияния. Так, в 1939–1941 гг. советские границы были пересмотрены во взаимодействии с нацистской Германией, а в 1941–1945 гг. – в сотрудничестве с союзниками по антигитлеровской коалиции [5, с. 9; 13, с. 22–23; 69, с. 5]. Спорным остается вопрос, явилось ли происходящее втягивание Румынии в сферу советского влияния результатом экспансионистской политики Кремля, или оно было обусловлено желанием последнего обезопасить себя от враждебного экономического либерализма?

Если в советской историографии советизация Румынии представлялась как результат освобождения Восточной Европы войсками Красной армии, роста интереса к социализму в мире, усиления авторитета СССР на международной арене [51, с. 16], то в постсоветской она стала объясняться вмешательством Кремля [5, с. 9; 27, с. 87; 69, с. 171; 118, с. 9]. Отмечалось, что итоги войны предоставили СССР возможность непосредственного воздействия на внутривнутриполитические процессы в Румынии [18, с. 7; 27, с. 77, 87] и он воспользовался ею для собственной выгоды. Главной целью Вашингтона и Москвы было не допустить усиления противника при сохранении и упрочении собственных позиций, в этих обстоятельствах румынская проблематика использовалась сверхдержавами как предмет торга.

Отечественная историография советизации Румынии прошла несколько этапов. В советский период она находилась в прямой зависимости от официальной государственной идеологии и была направлена на одобрение действий Советского Союза в 1944–1945 гг. Возникновение значительной части трудов того времени было связано с необходимостью представления Румынии неотъемлемой частью социалистического лагеря. В период перестройки идеологические послабления положили начало пересмотру прежних оценок и выявлению дискуссионных проблем в истории американско-советских отношений середины 1940-х гг. Период, начавшийся с 1990-х гг. открыл широкие возможности для научного поиска, появления качественно новых трактовок исторических событий, их предпосылок и значения. По сути, именно с этого периода в отечественной историографии началось систематическое изучение холодной войны.

Специфика румынской проблематики в контексте американско-советских отношений заключается в том, что она практически никогда не становилась отдельным предметом исследования. Процесс советизации Румынии в международном контексте рассматривался фрагментарно в работах, посвященных истории холодной войны и внешней политике сверхдержав. Столь слабое внимание к месту и роли Румынии в американско-советских отношениях обусловлено тем, что внешняя политика США и СССР изменялась в зависимости от состояния их отношений друг с другом. Румыния с ее геополитическим положением имела высокую значимость для Советского Союза, который очень быстро и решительно поставил ситуацию в этой стране под свой контроль.

Список литературы

1. Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / под ред. В. В. Марьиной. М., 1991.
2. Антосяк А. В. Освободительная миссия Советской Армии в Румынии. Начало освобождения Румынии // Военно-исторический журнал. № 5. 1971.
3. Антосяк А. В. СССР – Румыния: дружба и сотрудничество. М., 1987.
4. Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995.
5. Быстрова Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе, 1945–1955 гг. М., 2005.

6. *Васильев А. В.* Влияние исторических традиций на формирование внешней политики Румынии : дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
7. *Васильев С. В., Покивайлова Т. А.* Некоторые проблемы советско-румынских отношений и внешней политики Румынии в работах советских историков // *Международные отношения на Балканах.* М., 1974. С. 263–276.
8. *Волков С. В., Емельянов Ю. В.* До и после секретных протоколов. М., 1990.
9. *Волков Ф. Д.* За кулисами Второй мировой войны. М., 1985.
10. *Волокитина Т. В.* Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов // *Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы.* М., 1999.
11. *Волокитина Т. В.* Холодная война и социал-демократия в Восточной Европе, 1944–1948 гг. М., 1999.
12. *Волокитина Т. В.* Социалистические и социал-демократические партии в политической палитре Восточной Европы, 1944–1948 гг. : дис. ... д. ист. наук. М., 1997.
13. *Вопросы истории холодной войны: сборник статей / под ред. М. М. Наринского.* М., 2001.
14. *Восточноевропейский социализм: становление режима, попытки его модификации, причины краха / под ред. В. В. Марьиной.* М., 1992.
15. *Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблюд.* Киров, 2014.
16. *Гайдук И. В.* ООН и многосторонняя дипломатия в годы холодной войны // *Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны.* М., 2008. С. 51–64.
17. *Гибянский Л. Я.* Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // *Холодная война, 1945–1963 гг.* С. 105–136.
18. *Гибянский Л. Я.* У истоков «социалистического содружества»: СССР и Восточно-европейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.
19. *Егорова Н. И.* «Новая история “холодной войны”» в современных зарубежных исследованиях // *Новая и новейшая история.* 2009. № 4. С. 116–129.
20. *Егорова Н. И.* Новая история холодной войны: теория и практика // *Американские исследования в Сибири : Материалы Всероссийской научной конференции «Американский и сибирский фронт».* Томск, 2001. С. 17–29.
21. *Егорова Н. И.* Новые документы по истории советско-американских отношений. 1945–1948 годы // *Новая и новейшая история.* 2005. № 4. С. 162–171.
22. *Егорова Н. И.* Проблема окончания холодной войны: основные направления историографических дискуссий // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2014. № 2 (25). С. 2.
23. *Егорова Н. И.* Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США. М., 1981.
24. *Егорова Н. И.* Холодная война в освещении новейшей российской историографии // *История : электронный научно-образовательный журнал.* 2014. № 7 (30). С. 9.
25. *Егорова Н. И., Гайдук И. В.* Кембриджская история холодной войны // *Новая и новейшая история.* 2011. № 4. С. 108–122.
26. *Еремин А. Г.* Формирование внешнеполитических доктрин СССР и США в первые послевоенные годы, 1945–1949 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
27. *Ерещенко М. Д.* История, которую оставили за кулисами дипломатии (Советское влияние как политический фактор послевоенного урегулирования в Румынии) // *У истоков «Социалистического содружества» (СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг.)*. М., 1995. С. 76–91.
28. *Живу И.* Внешняя политика Румынии в период августа 1944 – декабря 1947 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958.
29. *Жигня К. Л.* Империалистическая политика США и Великобритании в отношении Болгарии и Румынии (1944–1947 гг.). М., 1987.
30. *Жигня К. Л.* Некоторые вопросы мирного урегулирования с Болгарией, Венгрией и Румынией после Второй мировой войны в освещении американской и английской буржуазной историографии // *Исследования по истории стран Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время.* Кишинев, 1983.
31. *Жигня К. Л.* Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после Второй мировой войны. Кишинев, 1981.
32. *Иванов Л. Н.* Дипломатия в годы войны. М., 1985.
33. *Иванян Э. А.* От Дж. Вашингтона до Дж. Буша. Белый дом и пресса. М., 1991.
34. *Илие Д. А.* Румыния в планах СССР и союзных держав, 1941–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
35. *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг. М., 2008.
36. *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* СССР и трансильванский вопрос (1945–1946 гг.) // *Вопросы истории.* 2004. № 12.
37. *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Трансильванский вопрос. По материалам комиссии М. М. Литвинова, июнь 1944 года // *Новая и новейшая история.* 2006. № 2. С. 58–70.
38. *Израэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция. М., 1964.

39. *Израэлян В. Л.* Дипломатия в годы войны. М., 1985.
40. История внешней политики СССР. Т. 2 : 1945–1980 гг. / под ред. А. А. Громыко. М., 1981.
41. История Румынии. 1918–1970. М., 1971.
42. *Калашникова И. Ю.* Румынская интеллигенция в послевоенный период: попытка анализа факторов развития // Политические системы СССР и стран Восточной Европы 20–60-е годы. М., 1991. С. 239–247.
43. *Колкер Б. М.* Борьба румынского народа в 1944–1945 гг. за национальное и социальное освобождение : дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.
44. Краткая история Румынии с древнейших времен до наших дней / под ред. В. Н. Виноградова. М., 1987.
45. Кризис и война. Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 1930–1940-х годах / под ред. А. Д. Богатурова. М., 1998.
46. *Лан В. И.* США в военные и послевоенные годы. М., 1978.
47. *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1983.
48. *Лебедев Н. И.* Падение диктатуры Антонеску. М., 1966.
49. *Лебедев Н. И.* Провал империалистической политики США и Англии в отношении Румынии в годы Второй мировой войны : дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.
50. *Лебедев Н. И.* Румыния в годы Второй мировой войны. М., 1961.
51. *Лебедев Н. И.* Румыния в годы народно-демократической революции 1944–1947 гг. М., 1974.
52. *Лебедев Н. И., Карпещенко Е. Д.* История Румынской народной республики. М., 1964.
53. *Левит И. Э.* Крах политики агрессии диктатуры Антонеску. Кишинев, 1983.
54. *Мальков В. Л.* Доктрина «сдерживания» Кеннана. К выбору послевоенной внешнеполитической стратегии США // Обеспечение международной безопасности в условиях холодной войны: поиски согласованных подходов : сборник научных статей / Институт всеобщей истории РАН. Москва, 2017. С. 191–225.
55. *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.
56. *Мальков В. Л.* Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988.
57. *Марьина В. В.* 1944–1945 годы: Красная Армия в Восточной Европе // Россия XXI. 2010. № 4. С. 78–99.
58. *Марьина В. В.* Национальная политика в странах формирующегося советского блока 1944–1948 гг. М., 2004.
59. Международные коалиции и договоры накануне и во время Второй мировой войны / под ред. А. О. Чубарьяна. М., 1990.
60. *Минасян М. М.* Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967.
61. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953 гг.) / под ред. Т. В. Волокитиной. М., 2002.
62. *Мунтян М. А.* Борьба Советского Союза за прием в ООН Болгарии, Венгрии и Румынии. Кишинев, 1972.
63. *Мунтян М. А.* Дунайская проблема в международных отношениях 1945–1948 гг. Кишинев, 1977.
64. *Мунтян М. А.* Дунайская проблема после Второй мировой войны 1945–1948 гг. : автореф. дис. ... д. ист. наук. М., 1979.
65. *Мунтян М. А.* Подготовка мирного договора с Румынией и позиция советской дипломатии. Прошлое и настоящее. Из истории европейских стран народной демократии. М., 1967.
66. *Мурашко Г. П.* Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989.
67. *Мягков М. Ю.* Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях, 1941–1945 гг. М., 2006.
68. *Наринский М. М.* История международных отношений 1945–1975 гг. М., 2004.
69. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. / под ред. П. В. Волобуева. М., 1993.
70. *Орлик И. И.* Империалистические державы и Восточная Европа 1945–1964 гг. М., 1968.
71. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне / под ред. А. А. Гречко. М., 1971.
72. Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, 1944–1945 гг. М., 1970.
73. *Пархомчук С. М.* Роль Советского Союза в борьбе румынского народа за освобождение от фашистского ига и установление народно-демократического строя в Румынии, 1941–1945 гг. : дис. ... д. ист. наук. Киев, 1955.
74. *Печатнов В. О.* От союза к вражде (советско-американские отношения 1945–1946 гг.) // Холодная война, 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / под ред. Н. И. Егоровой. М., 2003.
75. *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006.
76. *Подлесный Т. П.* СССР и США 50 лет дипломатических отношений. М., 1983.

77. Позняков В. В. Крымская конференция в оценке американских участников переговоров // Американский ежегодник. М., 1985.
78. Покивайлова Т. А. Из истории советско-румынских отношений 1943–1944 гг.: румынский король Михай и советское руководство // Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis к юбилею Т. В. Волокитиной. Москва, 2018. С. 192–201.
79. Покивайлова Т. А. Решение о выходе Румынии из фашистского блока (1943 – сентябрь 1944 гг.) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. По материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 202–218.
80. Покивайлова Т. А. Румыния во Второй мировой войне в румынской историографии // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 126–142.
81. Покивайлова Т. А. Румынский король Михай I и руководство СССР, 1943–1944 годы // Славяноведение. 2005. № 3.
82. Покивайлова Т. А. Эволюция общественных настроений в Румынии. 1946–1953 гг. // В поисках новых путей власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. Москва, 2011. С. 153–167.
83. Потехин А. В. Дипломатия США в Восточной Европе 1945–1950 гг. Киев, 1991.
84. Проблемы внутри- и внешнеполитической истории Румынии нового и новейшего времени / отв. ред. С. А. Мадиевский. Кишинев, 1988.
85. Ржешевский О. А. Война и история. М., 1984.
86. Ржешевский О. А. Война и история: буржуазная историография США о Второй мировой войне. М., 1976.
87. Росина М. А. «Румынский вопрос» во взаимоотношениях держав Большой Тройки на заключительном этапе Второй мировой войны // Международные отношения в XX веке : сб. науч. статей. Киров, 2011. С. 197–213.
88. Росина М. А. Вступление Бухареста в войну с нацистской Германией (март – сентябрь 1944 г.): позиции держав Большой Тройки // Немцы в России: взгляд из провинции : сборник материалов III Всероссийской научной конференции с международным участием. Киров, 2015. С. 185–194.
89. Росина М. А. Динамика американо-румынских отношений в 1945–1970-е гг. // Некрасовские чтения (памяти д. и. н., профессора Ю. К. Некрасова) : материалы II Всероссийской научной конференции. 2016. С. 225–230.
90. Росина М. А. Отношение Соединенных Штатов к румынской оппозиции и королю Михаяу в 1944–1947 гг. // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования. Курск, 2011. С. 185–201.
91. Росина М. А. Подготовка выхода Румынии из войны: позиция американской дипломатии (март–сентябрь 1944 г.) // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования : межвуз. сб. науч. тр. Курск, 2012. С. 146–158.
92. Росина М. А. Позиции США и СССР в процессе послевоенного урегулирования в Румынии в 1946 г.: экономический аспект // Россия и Соединенные Штаты Америки: история отношений. Киров, 2012. С. 193–199.
93. Росина М. А. Позиция Соединенных Штатов по румынской проблеме в 1944–1945 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 8. С. 69–78.
94. Росина М. А. Политика США в отношении Румынии в 1944–1949 гг. : дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.03 / УрФУ. Киров, 2013.
95. Росина М. А. Проблема признания Соединенными Штатами Америки румынского правительства П. Грозы (1945–1946 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3-1. С. 85–90.
96. Росина М. А. Румыния как фактор сдерживания СССР/России в политике США в 1946–2016 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 9. С. 24–32.
97. Росина М. А. Эволюция политики США в отношении Румынии в 1944–1949 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 8. С. 29–37.
98. Сазина М. Г. Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя 1944–1947 гг. М., 1963.
99. Сальков А. П. Урегулирование проблемы Южной Добруджи (1939–1947 гг.) // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 65–78.
100. Сиполс В. Я. На пути к великой Победе. Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985.
101. Системная история международных отношений : в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2004.
102. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : в 6 т. Т. VI / под ред. А. А. Громыко. М., 1984.
103. Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999.
104. Согрин В. В. Американская империя как исторический и современный феномен // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 91–109.

105. *Согрин В. В.* Динамика соперничества СССР и США в холодной войне. 1945–1991 // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 36–52; Он же. Динамика соперничества СССР и США в холодной войне. 1945–1991 (окончание) // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 19–43.
106. *Согрин В. В.* Изучение истории США в постсоветской России // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 4 (568). С. 20–33.
107. *Согрин В. В.* Профессиональная, пропагандистская и обывательская историография // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 185–203.
108. *Согрин В. В.* Современный диалог историографий России и США // Американский ежегодник. 2012. № 2012. С. 11–25.
109. *Согрин В. В.* Состояние и перспективы российской американистики // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 156–176.
110. *Согрин В. В.* Школьные учебники и профессиональная историография // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 179–184.
111. СССР – Румыния: дружба и сотрудничество / под ред. А. В. Антосяка. М., 1987.
112. Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы / под ред. А. О. Чубарьяна. М., 1999.
113. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне. М., 1972.
114. *Стыкалин С. А.* Позиция новых политических элит Венгрии и Румынии в отношении Трансильвании в процессе подготовки Парижских мирных договоров 1947 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. № 11. С. 126–134.
115. *Стыкалин С. А.* Почему не реализовались новые планы по расширению Советской Украины за счет Румынии в 1945 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2014. № 9. С. 202–214.
116. *Сучалкин Е. А.* Отечественная историография движения сопротивления в странах-сателлитах гитлеровской Германии (на примере Болгарии и Румынии) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. По материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 135–149.
117. *Тельнов В. В.* Вопрос о заключении мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией в советско-американских отношениях, 1944–1947 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1978.
118. Тоталитаризм. Исторический опыт Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948 гг. / под ред. В. В. Марьиной. М., 2002.
119. *Уткин А. И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990.
120. *Уткин А. И.* Мировая Холодная война. М., 2005.
121. *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде 1945–1954. М., 1999.
122. *Филитов А. М.* «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М., 1991.
123. *Филитов А. М.* «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе : автореф. дис. ... д. ист. наук. М., 1991.
124. *Хействер А. В.* Буржуазная историография ФРГ об участии Румынии во Второй мировой войне. Кишинев, 1986.
125. Холодная война, 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / под ред. Н. И. Егоровой. М., 2003.
126. *Чубарьян А. О.* Происхождение «холодной войны» в историографии Востока и Запада // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 63–67.
127. *Шевяков А. А.* Отношения между СССР и Румынией, 1944–1949 гг. М., 1985.
128. *Шевяков А. А.* Установление дипломатических отношений СССР со странами Центральной и Юго-Восточной Европы как важный фактор европейской безопасности. М., 1974.
129. *Шенин С. Ю.* Начало холодной войны, анатомия «великого поворота» // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 12.
130. *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны, книга вторая. М., 1973.
131. *Юнгблюд В. Т.* «Длинная телеграмма» Дж. Ф. Кеннана и изменение внешнеполитического курса США в 1946 г. // Международные отношения в XX веке. Вып. 2. Киров, 2009. С. 165–184.
132. *Юнгблюд В. Т.* «Новая и очень нужная парадигма»: «длинная» телеграмма Дж. Ф. Кеннана как альтернатива принципам Ялты // Вехи американской истории : сборник статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Викторовича Согина. М., 2015. С. 98–116.
133. *Юнгблюд В. Т.* «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944–1945 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 6. С. 66–78.
134. *Юнгблюд В. Т.* 1945 год и современный мир // 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства : сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. 2015. С. 15–40.
135. *Юнгблюд В. Т.* Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 гг. Киров, 1998.
136. *Юнгблюд В. Т., Росина М. А.* Потенциал антисоветских групп Румынии в оценках государственного департамента США: 1944–1953 годы // Университетский научный журнал. 2016. № 23. С. 15–30.
137. *Язькова А. А.* Восточная Европа в политике СССР и США (1944–1945 гг.) // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 68–76.
138. *Язькова А. А.* Народная Румыния. М., 1965.

139. Язькова А. А. О некоторых аспектах политики США в отношении Румынии в 1945–1948 гг. // Балканиите в международните отношения 1944–1948. София, 1984. С. 111–120.
140. Яковлев Н. Н. Франклин Д. Рузвельт: человек и политик. М., 1965.

Sovietization of Romania in the context of US–Soviet relations 1944–1945: domestic historiography

M. A. Rosina

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-1241-0854. E-mail: usr12020@vyatsu.ru

Abstract. The period 1944–1945 was characterized by the expansion of the Soviet sphere of influence in Europe and the formation of the American strategy of containment, which was manifested in the constant growth of the US–Soviet confrontation and eventually led to the emergence of the Cold war. In Russian historiography, in the context of international relations of that period, the process of Sovietization of Romania and the struggle to establish control over this geopolitical region remains insufficiently covered. The place of this country in the US foreign policy and the actual US–Romanian relations have not been studied.

The purpose of the article is to analyze Soviet and Russian studies concerning the problem of Sovietization of Romania in 1944–1945. The author examines the changes that occurred in the interpretation of the events of the final stage of the Second World War by Russian historians, and identifies debatable problems. The article reflects a change in research issues that highlight Romania's entry into the sphere of influence of the USSR, which occurred against the background of the deterioration of Soviet-American relations. The author draws attention to the explanation of the origins, dynamics, results and consequences of the bipolar confrontation, recreates the process of gradual globalization of the foreign policy of the United States, an organic part of which was the policy towards Romania.

The results of the research allow us to expand our understanding of the correlation of external and internal factors in the formation of Pro-Soviet regimes in Eastern Europe, their place and role in the genesis of the cold war. This analysis, in turn, allows us to rethink a wide range of key problems of international relations in 1944–1945, taking into account all the ambiguity and diversity of processes that took place in the world.

Keywords: historiography, ideology, Romania, US–Soviet relations, Cold war.

References

1. *Antifashistskoe dvizhenie Soprotivleniya v stranah Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy* – Anti-Fascist Resistance movement in the countries of Central and South-Eastern Europe / ed. V. V. Maryina. M. 1991.
2. *Antosyak A. V. Osvoboditel'naya missiya Sovetskoj Armii v Rumynii. Nachalo osvobozhdeniya Rumynii* [Liberation mission of the Soviet Army in Romania. Beginning of the liberation of Romania] // *Voennno-istoricheskij zhurnal* – Military-historical journal. No. 5. 1971.
3. *Antosyak A. V. SSSR – Rumyniya: druzhba i sotrudnichestvo* [The USSR–Romania: friendship and cooperation]. M. 1987.
4. *Batyuk V., Evstaf'ev D. Pervye zamorozki. Sovetsko-amerikanskije otnosheniya v 1945–1950 gg* [The first freeze. Soviet-American relations in 1945–1950]. M. 1995.
5. *Bystrova N. E. SSSR i formirovanie voenno-blokovogo protivostoyaniya v Evrope, 1945–1955 gg* [The USSR and the formation of military-bloc confrontation in Europe, 1945–1955]. M. 2005.
6. *Vasil'ev A. V. Vliyanie istoricheskikh tradicij na formirovanie vneshnej politiki Rumynii : dis. ... kand. ist. nauk* [Influence of historical traditions on the formation of Romania's foreign policy : dis. ... PhD of Hist. Sciences]. M. 2001.
7. *Vasil'ev S. V., Pokivajlova T. A. Nekotorye problemy sovetsko-rumynskih otnoshenij i vneshnej politiki Rumynii v rabotah sovetskih istorikov* [Some problems of Soviet–Romanian relations and foreign policy of Romania in the works of Soviet historians] // *Mezhdunarodnye otnosheniya na Balkanah* – International relations in the Balkans. M. 1974. Pp. 263–276.
8. *Volkov S. V., Emel'yanov Yu. V. Do i posle sekretnyh protokolov* [Before and after secret protocols]. M. 1990.
9. *Volkov F. D. Za kulisami Vtoroj mirovoj vojny* [Behind the scenes of the Second World War]. M. 1985.
10. *Volokitina T. V. Stalin i smena strategicheskogo kursa Kremlya v konce 40-h godov* [Stalin and the change of the Kremlin's strategic course in the late 40s] // *Stalinskoe desyatiletie holodnoj vojny. Fakty i gipotezy* – Stalin's decade of the Cold war. Facts and hypotheses. M. 1999.
11. *Volokitina T. V. Holodnaya vojna i social-demokratiya v Vostochnoj Evrope, 1944–1948 gg.* [The Cold war and social democracy in Eastern Europe, 1944–1948]. M. 1999.
12. *Volokitina T. V. Socialisticheskie i social-demokraticheskie partii v politicheskoj palitre Vostochnoj Evropy, 1944–1948 gg. : dis. ... d. ist. nauk* [Socialistic and social-democratic parties in the political palette of Eastern Europe, 1944–1948: dis. ... Dr. of Hist. Sciences]. M. 1997.

13. *Voprosy istorii holodnoj vojny : sbornik statej* – Questions of the history of the Cold war : collection of articles / edited by M. M. Narinsky. M. 2001.
14. *Vostochnoevropskij socializm: stanovlenie rezhima, popytki ego modifikacii, prichiny kraha* – East European socialism: the formation of the regime, attempts to modify it, the reasons for the collapse / ed. V. V. Maryina. M. 1992.
15. *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* – Counter courses: the policy of the the USSR and the United States in the Balkans, the near East and the middle East in 1939–1947. Kirov. 2014.
16. *Gajduk I. V. OON i mnogostoronnyaya diplomatiya v gody holodnoj vojny* [UNO and multilateral diplomacy in the years of the Cold war] // *Mnogostoronnyaya diplomatiya v gody holodnoj vojny* – Multilateral diplomacy in the years of the Cold war. M. 2008. Pp. 51–64.
17. *Gibianskij L. Ya. Problemy Vostochnoj Evropy i nachalo formirovaniya sovetskogo bloka* [Problems of Eastern Europe and the beginning of the formation of the Soviet bloc] // *Holodnaya vojna, 1945–1963 gg.* – The Cold war, 1945–1963. Pp. 105–136.
18. *Gibianskij L. Ya. U istokov "socialisticheskogo sodruzhestva": SSSR i Vostochno-evropejskie strany v 1944–1949 gg.* [At the origins of the "socialist commonwealth": the the USSR and East European countries in 1944–1949]. M. 1995.
19. *Egorova N. I. "Novaya istoriya "holodnoj vojny"" v sovremennyh zarubezhnyh issledovaniyah* ["New history of the Cold war" in modern foreign studies] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and recent history. 2009. No. 4. Pp. 116–129.
20. *Egorova N. I. Novaya istoriya holodnoj vojny: teoriya i praktika* [New history of the Cold war: theory and practice] // *Amerikanske issledovaniya v Sibiri : Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Amerikanskij i sibirskij frontier"* – American studies in Siberia : Materials of the all-Russian scientific conference "American and Siberian frontier". Tomsk. 2001. Pp. 17–29.
21. *Egorova N. I. Novye dokumenty po istorii sovetsko-amerikanskih otnoshenij. 1945–1948 gody* [New documents on the history of Soviet-American relations. 1945–1948 years] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and recent history. 2005. No. 4. Pp. 162–171.
22. *Egorova N. I. Problema okonchaniya holodnoj vojny: osnovnye napravleniya istoriograficheskikh diskussij* [The problem of the end of the Cold war: the main directions of historiographical discussions] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* – Electronic scientific and educational journal "History". 2014. No. 2 (25). P. 2.
23. *Egorova N. I. Sovetsko-amerikanske otnosheniya poslevoennogo perioda v burzhuaznoj istoriografii SShA* [Soviet-American relations of the post-war period in the bourgeois historiography of the USA]. M. 1981.
24. *Egorova N. I. Holodnaya vojna v osveshchenii novejshej rossijskoj istoriografii* [The Cold war in the coverage of the latest Russian historiography] // *Istoriya : elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal* – History: electronic scientific and educational journal. 2014. No. 7 (30). P. 9.
25. *Egorova N. I., Gajduk I. V. Kembridzhskaya istoriya holodnoj vojny* [Cambridge history of the Cold war] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and recent history. 2011. No. 4. Pp. 108–122.
26. *Eremin A. G. Formirovanie vneshnepoliticheskikh doktrin SSSR i SShA v pervye poslevoennye gody, 1945–1949 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of foreign policy doctrines of the the USSR and the USA in the first post-war years, 1945–1949 : dis. ... PhD of Hist. Sciences]. M. 1999.
27. *Ereshchenko M. D. Istoriya, kotoruyu ostavili za kulisami diplomatii (Sovetskoe vliyanie kak politicheskij faktor poslevoennogo uregulirovaniya v Rumynii)* [The history that was left behind the scenes of diplomacy (Soviet influence as a political factor in the post-war settlement in Romania)] // *U istokov "Socialisticheskogo sodruzhestva" (SSSR i vostochnoevropskie strany v 1944–1949 gg.)* – At the origins of the "Socialist commonwealth" (the the USSR and Eastern European countries in 1944–1949). M. 1995. Pp. 76–91.
28. *Zhivu I. Vneshnyaya politika Rumynii v period avgusta 1944 – dekabrya 1947 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Foreign policy of Romania in the period of August 1944 – December 1947 : abstr. dis. ... PhD of Hist. Sciences. M. 1958.
29. *Zhignya K. L. Imperialisticheskaya politika SShA i Velikobritanii v otnoshenii Bolgarii i Rumynii (1944–1947 gg.)* [Imperialist policy of the USA and Great Britain in relation to Bulgaria and Romania (1944–1947)]. M. 1987.
30. *Zhignya K. L. Nekotorye voprosy mirnogo uregulirovaniya s Bolgarijei, Vengrijei i Rumyniej posle Vtoroj mirovoj vojny v osveshchenii amerikanskoj i anglijskoj burzhuaznoj istoriografii* [Some issues of peaceful settlement with Bulgaria, Hungary and Romania after the Second World War in the coverage of American and English bourgeois historiography] // *Issledovaniya po istorii stran Yugo-Vostochnoj Evropy v novoe i novejshee vremya* – Research on the history of South-Eastern Europe in modern and modern times. Chisinau. 1983.
31. *Zhignya K. L. Podgotovka i zaklyuchenie mirnyh dogovorov s Bolgarijei, Vengrijei i Rumyniej posle Vtoroj mirovoj vojny* [Preparation and conclusion of peace treaties with Bulgaria, Hungary and Romania after the Second World War]. Chisinau. 1981.
32. *Ivanov L. N. Diplomatiya v gody vojny* [Diplomacy in the years of war]. M. 1985.
33. *Ivanyan E. A. Ot Dzh. Vashingtona do Dzh. Busha. Belyj dom i pressa* [From J. Washington to George Bush. White house and press]. M. 1991.

34. Ilie D. A. *Rumyniya v planah SSSR i soyuznyh derzhav, 1941–1945 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Romania in the plans of the the USSR and the allied powers, 1941–1945 : dis. ... PhD of Hist. Sciences]. M. 2003.
35. Islamov T. M., Pokivajlova T. A. *Vostochnaya Evropa v silovom pole velikih derzhav. Transil'vanskiy vopros* [Eastern Europe in the power field of the great powers. Transylvanian question, 1940–1946]. M. 2008.
36. Islamov T. M., Pokivajlova T. A. *SSSR i transil'vanskiy vopros (1945–1946 gg.)* [the USSR and the Transylvanian question (1945–1946)] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 2004. No. 12.
37. Islamov T. M., Pokivajlova T. A. *Transil'vanskiy vopros. Po materialam komissii M. M. Litvinova, iyun' 1944 goda* [Transylvanian question. Based on the materials of the Commission of M. M. Litvinov, June 1944] // *Novaya i novejschaya istoriya – New and recent history*. 2006. No. 2. Pp. 58–70.
38. Israelyan V. L. *Antigitlerovskaya koalitsiya* [Anti-Hitler coalition]. M. 1964.
39. Israelyan V. L. *Diplomatiya v gody vojny* [Diplomacy in the years of war]. M. 1985.
40. *Istoriya vneshnej politiki SSSR. T. 2: 1945–1980 gg. – History of foreign policy of the the USSR. Vol. 2: 1945–1980* / edited by A. A. Gromyko. M. 1981.
41. *Istoriya Rumynii. 1918–1970 – History of Romania. 1918–1970*. M. 1971.
42. Kalashnikova I. Yu. *Rumynskaya intelligenciya v poslevoennyj period: popytka analiza faktorov razvitiya* [Romanian intelligentsia in the post-war period: an attempt to analyze factors of development] // *Politicheskie sistemy SSSR i stran Vostochnoj Evropy 20–60-e gody – Political systems of the USSR and countries of Eastern Europe 20–60s*. M. 1991. Pp. 239–247.
43. Kolker B. M. *Bor'ba rumynskogo naroda v 1944–1945 gg. za nacional'noe i social'noe osvobozhdenie : dis. ... kand. ist. nauk* [Struggle of the Romanian people in 1944–1945 for national and social liberation : dis. ... PhD of Hist. Sciences. M. 1954.
44. *Kratkaya istoriya Rumynii s drevnejshih vremen do nashih dnei – Brief history of Romania from ancient times to the present day* / ed. V. N. Vinogradov. M. 1987.
45. *Krizis i vojna. Mezhdunarodnye otnosheniya v centre i na periferii mirovoj sistemy v 1930–1940-h godah – Crisis and war. International relations in the center and on the periphery of the world system in the 1930s and 1940s* / ed. by A. D. Bogaturov. M. 1998.
46. Lan V. I. *SShA v voennye i poslevoennye gody* [USA in the war and post-war years]. M. 1978.
47. Lebedev N. I. *Krah fashizma v Rumynii* [Collapse of fascism in Romania]. M. 1983.
48. Lebedev N. I. *Padenie diktatury Antoneksu* [The fall of the dictatorship of Antonexu]. M. 1966.
49. Lebedev N. I. *Proval imperialisticheskoy politiki SShA i Anglii v otnoshenii Rumynii v gody Vtoroj mirovoj vojny : dis. ... kand. ist. nauk* [Failure of the imperialist policy of the United States and England in relation to Romania during the Second world war : dis. ... PhD of Hist. Sciences. M. 1953.
50. Lebedev N. I. *Rumyniya v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Romania during the Second World War]. M. 1961.
51. Lebedev N. I. *Rumyniya v gody narodno-demokraticeskoy revolyucii 1944–1947 gg.* [Romania in the years of the people's democratic revolution of 1944–1947]. M. 1974.
52. Lebedev N. I., Karpeshchenko E. D. *Istoriya Rumynskoj narodnoj respubliki* [History of the Romanian People's Republic]. M. 1964.
53. Levit I. E. *Krah politiki agressii diktatury Antonesku* [Collapse of the Antonescu dictatorship's policy of aggression]. Chisinau. 1983.
54. Mal'kov V. L. *Doktrina "sderzhivaniya" Kennana. K vyboru poslevoennoj vneshnepoliticheskoy strategii SShA* [Doctrine of "containment" of Kennan. To the choice of post-war foreign policy strategy of the United States] // *Obespechenie mezhdunarodnoj bezopasnosti v usloviyah holodnoj vojny: poiski soglasovannyh podhodov : sbornik nauchnyh statej – Ensuring international security in the context of the Cold war: searching for coordinated approaches : collection of scientific articles* / Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. M. 2017. Pp. 191–225.
55. Mal'kov V. L. *Rossiya i SShA v XX veke: ocherki istorii mezhdunarodnykh otnoshenij i diplomatii v sociokul'turnom kontekste* [Russia and the USA in the XX century : essays on the history of interstate relations and diplomacy in the socio-cultural context]. M. 2009.
56. Mal'kov V. L. *Franklin Ruzvel't. Problemy vnutrennej politiki i diplomatii* [Franklin Roosevelt. Problems of internal politics and diplomacy]. M. 1988.
57. Mar'ina V. V. *1944–1945 gody: Krasnaya Armiya v Vostochnoj Evrope* [1944–1945: the Red Army in Eastern Europe] // *Rossiya XXI – Russia XXI*. 2010. No. 4. Pp. 78–99.
58. Mar'ina V. V. *Nacional'naya politika v stranah formiruyushchegosya sovetskogo bloka 1944–1948 gg.* [National policy in the countries of the emerging Soviet bloc 1944–1948]. M. 2004.
59. *Mezhdunarodnye koalitsii i dogovory nakanune i vo vremya Vtoroj mirovoj vojny – International coalitions and treaties before and during the Second World War* / ed. by A. O. Chubaryan. M. 1990.
60. Minasyan M. M. *Osvobozhdenie narodov Yugo-Vostochnoj Evropy* [Liberation of the peoples of South-Eastern Europe]. M. 1967.
61. *Moskva i Vostochnaya Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953 gg.) – Moscow and Eastern Europe. The formation of political regimes of the Soviet type (1949–1953)* / ed. by T. V. Volokitina. M. 2002.
62. Muntyan M. A. *Bor'ba Sovetskogo Soyuzza za priem v OON Bolgarii, Vengrii i Rumynii* [Struggle of the Soviet Union for admission to the UNO of Bulgaria, Hungary and Romania]. Chisinau. 1972.

63. Muntyan M. A. *Dunajskaya problema v mezhdunarodnyh otnosheniyah 1945–1948 gg.* [The Danube problem in international relations 1945–1948]. Chisinau. 1977.
64. Muntyan M. A. *Dunajskaya problema posle Vtoroj mirovoj vojny 1945–1948 gg. : avtoref. dis. ... d. ist. nauk* [The Danube problem after the Second World War, 1945–1948 : abstr. dis. ... Dr. of Hist. Sciences]. M. 1979.
65. Muntyan M. A. *Podgotovka mirnogo dogovora s Rumyniej i pozitsiya sovetской diplomatii. Proshloe i nastoyashchee. Iz istorii evropejskih stran narodnoj demokratii* [Preparation of a peace Treaty with Romania and the position of Soviet diplomacy. The past and the present. From the history of the European people's democracies]. M. 1967.
66. Murashko G. P. *Stroitel'stvo osnov socializma v stranah Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy* [Construction of the foundations of socialism in the countries of Central and South-Eastern Europe]. M. 1989.
67. Myagkov M. Yu. *Problema poslevoennogo ustrojstva Evropy v amerikano-sovetских otnosheniyah, 1941–1945 gg.* [Problem of postwar Europe in US–Soviet relations, 1941–1945]. M. 2006.
68. Narinskij M. M. *Istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij 1945–1975 gg.* [History of international relations 1945–1975]. M. 2004.
69. *Narodnaya demokratiya: mif ili real'nost'? Obshchestvenno-politicheskie processy v Vostochnoj Evrope. 1944–1948 gg.* – People's democracy: myth or reality? Socio-political processes in Eastern Europe. 1944–1948 / ed. by P. V. Volobuev. M. 1993.
70. Orlik I. I. *Imperialisticheskie derzhavy i Vostochnaya Evropa 1945–1964 gg.* [Imperialist powers and Eastern Europe 1945–1964]. M. 1968.
71. *Osvoboditel'naya missiya Sovetskih Vooruzhennyh Sil vo vtoroj mirovoj vojne* – Liberation mission of the Soviet Armed Forces in the Second World War / ed. by A. A. Grechko. M. 1971.
72. *Osvobozhdenie Yugo-Vostochnoj i Central'noj Evropy vojskami 2-go i 3-go Ukrainskih frontov, 1944–1945 gg.* – Liberation of South-Eastern and Central Europe by the troops of the 2nd and 3rd Ukrainian fronts, 1944–1945. M. 1970.
73. Parhomchuk S. M. *Rol' Sovetskogo Soyuzа v bor'be rumynskogo naroda za osvobozhdenie ot fashistskogo iga i ustanovlenie narodno-demokraticeskogo stroya v Rumynii, 1941–1945 gg. : dis. ... d. ist. nauk* [The role of the Soviet Union in the struggle of the Romanian people for liberation from the fascist yoke and the establishment of the people's democratic system in Romania, 1941–1945 : dis. ...Dr. of Hist. Sciences]. Kiev. 1955.
74. Pechatnov V. O. *Ot soyuzа k vrazhde (sovetsko-amerikanskiye otnosheniya 1945–1946 gg.)* [From the Union to the enemy (Soviet-American relations 1945–1946)] // *Holodnaya vojna, 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva* – The Cold war, 1945–1963. Historical retrospect / ed. by N. I. Egorova. M. 2003.
75. Pechatnov V. O. *Stalin, Ruzvel't, Truman: SSSR i SShA v 1940-h gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: the the USSR and the USA in the 1940s]. M. 2006.
76. Podlesnyj T. P. *SSSR i SShA 50 let diplomaticheskikh otnoshenij* [the USSR and the USA 50 years of diplomatic relations]. M. 1983.
77. Poznyakov V. V. *Krymskaya konferenciya v ocenke amerikanskiх uchastnikov peregovorov* [Crimean conference in the assessment of American negotiators] // *Amerikanskij ezhegodnik* – American Yearbook. M. 1985.
78. Pokivajlova T. A. *Iz istorii sovetsko-rumynskih otnoshenij 1943–1944 gg.: rumynskij korol' Mihaj i sovetское rukovodstvo* [From the history of Soviet-Romanian relations 1943–1944: Romanian king Mihai and the Soviet leadership] // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis k yubileyu T. V. Volokitinoj* – *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis* to the anniversary of T. V. Volokitina. M. 2018. Pp. 192–201.
79. Pokivajlova T. A. *Reshenie o vyhode Rumynii iz fashistskogo bloka (1943 – sentyabr' 1944 gg.)* [Decision to withdraw Romania from the fascist bloc (1943 – September 1944)] // *Aktual'nye problemy istorii Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj vojn. Po materialam raboty kruglogo stola (g. Voronezh, 20–22 aprelya 2016 g.)* – Actual problems of the history of the Second World War and the Great Patriotic War. Based on the materials of the round table (Voronezh, April 20–22, 2016). Voronezh. 2016. Pp. 202–218.
80. Pokivajlova T. A. *Rumyniya vo Vtoroj mirovoj vojne v rumynskoj istoriografii* [Romania in the Second World War in Romanian historiography] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and recent history. 2014. No. 5. Pp. 126–142.
81. Pokivajlova T. A. *Rumynskij korol' Mihaj I i rukovodstvo SSSR, 1943–1944 gody* [Romanian king Mihai I and the leadership of the the USSR, 1943–1944] // *Slavyanovedenie* – Slavic studies. 2005. No. 3.
82. Pokivajlova T. A. *Evolyuciya obshchestvennyh nastroyenij v Rumynii. 1946–1953 gg.* [Evolution of public attitudes in Romania. 1946–1953] // *V poiskah novyh putej vlast' i obshchestvo v SSSR i stranah Vostochnoj Evropy v 50-e – 60-e gg. XX v.* – In search of new ways, power and society in the USSR and the countries of Eastern Europe in the 50s – 60s of the XX century. M. 2011. Pp. 153–167.
83. Potekhin A. V. *Diplomatiya SShA v Vostochnoj Evrope 1945–1950 gg.* [US diplomacy in Eastern Europe 1945–1950]. Kiev. 1991.
84. *Problemy vnutri- i vneshnepoliticheskoy istorii Rumynii novogo i novejshego vremeni* – Problems of internal and external political history of Romania of the new and modern times / ed. S.A. Madievskiy. Chisinau. 1988.
85. Rzheshhevskij O. A. *Vojna i istoriya* [War and history]. M. 1984.
86. Rzheshhevskij O. A. *Vojna i istoriya: burzhuaznaya istoriografiya SShA o Vtoroj mirovoj vojne* [War and history: bourgeois historiography of the USA about the Second World War]. M. 1976.

87. Rosina M. A. "Rumynskij vopros" vo vzaimootnosheniyah derzhav Bol'shoj Trojki na zaklyuchitel'nom etape Vtoroj mirovoj vojny ["Romanian question" in the relations of the powers of the Big Three at the final stage of the Second World War] // *Mezhdunarodnye otnosheniya v XX veke : sb. nauch. statej* – International relations in the XX century : collection of scientific articles. Kirov. 2011. Pp. 197–213.
88. Rosina M. A. *Vstuplenie Buharesta v vojnu s nacistskoj Germaniej (mart – sentyabr' 1944 g.): pozicii derzhav Bol'shoj Trojki* [Entry of Bucharest into the war with Nazi Germany (March – September 1944): positions of the Big Three powers] // *Nemcy v Rossii: vzglyad iz provincii : sbornik materialov III Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* – Germans in Russia: a view from the province : collection of materials of the III all-Russian scientific conference with international participation]. Kirov. 2015. Pp. 185–194.
89. Rosina M. A. *Dinamika amerikano-rumynskih otnoshenij v 1945–1970-e gg.* [Dynamics of American-Romanian relations in the 1945–1970s]. // *Nekrasovskie chteniya (pamyati d. i. n., professora Yu. K. Nekrasova) : materialy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii* – Nekrasov readings (in memory of Doctor of science, Professor Yu. K. Nekrasov) : materials of the II all-Russian scientific conference. 2016. Pp. 225–230.
90. Rosina M. A. *Otnoshenie Soedinennyh Shtatov k rumynskoj oppozicii i korolyu Mihayu v 1944–1947 gg.* [Attitude of the United States to the Romanian opposition and king Mihai in 1944–1947] // *Amerikanistika: Aktual'nye podhody i sovremennye issledovaniya* – American Studies: Current approaches and modern research. Kursk. 2011. Pp. 185–201.
91. Rosina M. A. *Podgotovka vyhoda Rumynii iz vojny: poziciya amerikanskoj diplomatii (mart – sentyabr' 1944 g.)* [Preparing Romania's exit from the war: the position of American diplomacy (March – September 1944)] // *Amerikanistika: Aktual'nye podhody i sovremennye issledovaniya : mezhvuz. sb. nauch. tr.* – American Studies: Current approaches and modern research: inter-university collection of scientific works. Kursk. 2012. Pp. 146–158.
92. Rosina M. A. *Pozicii SShA i SSSR v processe poslevoennogo uregulirovaniya v Rumynii v 1946 g.: ekonomicheskij aspekt* [Positions of the USA and the the USSR in the process of post-war settlement in Romania in 1946: economic aspect] // *Rossiya i Soedinennye Shtaty Ameriki: istoriya otnoshenij* – Russia and the United States of America: a history of relations. Kirov. 2012. Pp. 193–199.
93. Rosina M. A. *Poziciya Soedinennyh Shtatov po rumynskoj probleme v 1944–1945 gg.* [Position of the United States on the Romanian problem in 1944–1945] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of the Vyatka State University for the Humanities. 2015. No. 8. Pp. 69–78.
94. Rosina M. A. *Politika SShA v otnoshenii Rumynii v 1944–1949 gg. : dis. ... kand. ist. nauk. : 07.00.03* [The US policy towards Romania in 1944–1949 : dis. ... PhD of Hist. sciences : 07.00.03] / UrFU. Kirov. 2013.
95. Rosina M. A. *Problema priznaniya Soedinennymi Shtatami Ameriki rumynskogo pravitel'stva P. Grozy (1945–1946 gg.)* [Problem of recognition by the United States of America of the Romanian government of P. Groza (1945–1946)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of the Vyatka State University for the Humanities. 2010. No. 3–1. Pp. 85–90.
96. Rosina M. A. *Rumyniya kak faktor sderzhivaniya SSSR/Rossii v politike SShA v 1946–2016 gg.* [Romania as a deterrent to the the USSR/Russia in US politics in 1946–2016] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Vyatka State University. 2016. No. 9. Pp. 24–32.
97. Rosina M. A. *Evoluciya politiki SShA v otnoshenii Rumynii v 1944–1949 gg.* [Evolution of the US policy towards Romania in 1944–1949] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Vyatka State University. 2016. No. 8. Pp. 29–37.
98. Sazina M. G. *Bor'ba rumynskogo naroda za ustanovlenie i ukreplenie narodno-demokraticeskogo stroya 1944–1947 gg.* [Struggle of the Romanian people for the establishment and strengthening of the people's democratic system 1944–1947]. M. 1963.
99. Sal'kov A. P. *Uregulirovanie problemy Yuzhnoj Dobrudzhi (1939–1947 gg.)* [Settlement of the problem of southern Dobrudja (1939–1947)] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and modern history. 2005. No. 5. Pp. 65–78.
100. Sipols V. Ya. *Na puti k velikoj Pobede. Sovetskaya diplomatiya v 1941–1945 gg.* [On the way to the Great Victory. Soviet diplomacy in 1941–1945]. M. 1985.
101. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij : v 4 t.* – System history of international relations : in 4 vols. / ed. by A. D. Bogaturov. M. 2004.
102. *Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciyah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 gg. : v 6 t. T. VI* – The Soviet Union at international conferences of the period of the Great Patriotic War, 1941–1945 : in 6 vols. Vol. VI / ed. by A. A. Gromyko. M. 1984.
103. *Sovetskij faktor v Vostochnoj Evrope: 1944–1953 gg. : v 2 t. T. 1* – The Soviet factor in Eastern Europe: 1944–1953 : in 2 vols. Vol. 1 / ed. by T. V. Volokitina. M. 1999.
104. Sogrin V. V. *Amerikanskaya imperiya kak istoricheskij i sovremennij fenomen* [The American Empire as a historical and modern phenomenon] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and recent history. 2016. No. 3. Pp. 91–109.
105. Sogrin V. V. *Dinamika sopernichestva SSSR i SShA v holodnoj vojne. 1945–1991* [Dynamics of competition between the USSR and the USA in the Cold war. 1945–1991] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and recent history. 2015. No. 6. Pp. 36–52; Also him. *Dinamika sopernichestva SSSR i SShA v holodnoj vojne. 1945–1991*

(*okonchanie*) [The dynamics of the rivalry between the USA and the the USSR in the Cold war. 1945–1991 (ending)] // *Novaya i novejshaya istoriya* – New and modern history. 2016. No. 1. Pp. 19–43.

106. *Sogrin V. V. Izuchenie istorii SShA v postsovetskoj Rossii* [Study of the history of the United States in post-Soviet Russia] // *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* – The USA and Canada: economy, politics, culture. 2017. No. 4 (568). Pp. 20–33.

107. *Sogrin V. V. Professional'naya, propagandistskaya i obyvatel'skaya istoriografiya* [Professional, propagandistic and philistine historiography] // *Novaya i novejshaya istoriya* – New and recent history. 2018. No. 1. Pp. 185–203.

108. *Sogrin V. V. Sovremennyj dialog istoriografij Rossii i SShA* [Modern dialogue of historiographies of Russia and the USA] // *Amerikanskij ezhegodnik* – American Yearbook. 2012. No. 2012. Pp. 11–25.

109. *Sogrin V. V. Sostoyanie i perspektivy rossijskoj amerikanistiki* [State and prospects of Russian American studies] // *Novaya i novejshaya istoriya* – New and recent history. 2014. No. 3. Pp. 156–176.

110. *Sogrin V. V. Shkol'nye uchebniki i professional'naya istoriografiya* [School textbooks and professional historiography] // *Novaya i novejshaya istoriya* – New and recent history. 2019. No. 5. Pp. 179–184.

111. *SSSR – Rumyniya: druzhba i sotrudnichestvo* – The USSR-Romania: friendship and cooperation / ed. by A. V. Antosyak. M. 1987.

112. *Stalinskoe desyatletie holodnoj vojny. Fakty i gipotezy* – Stalinist decade of the Cold War. Facts and hypotheses / ed. by A. O. Chubaryan. M. 1999.

113. *Strany Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy vo Vtoroj mirovoj vojne* – Countries of Central and South-Eastern Europe in the Second World War. M. 1972.

114. *Stykalin S. A. Poziciya novyh politicheskikh elit Vengrii i Rumynii v otnoshenii Transil'vanii v processe podgotovki Parizhskih mirnyh dogovorov 1947 g.* [Position of the new political elites of Hungary and Romania in relation to Transylvania in the process of preparing the Paris peace treaties of 1947] // *Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii* – Slavic world in the third Millennium. 2016. No. 11. Pp. 126–134.

115. *Stykalin S. A. Pochemu ne realizovalis' novye plany po rasshireniyu Sovetskoj Ukrainy za schet Rumynii v 1945 g.* [Why were new plans for the expansion of Soviet Ukraine at the expense of Romania not implemented in 1945] // *Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii* – Slavic world in the third Millennium. 2014. No. 9. Pp. 202–214.

116. *Suchalkin E. A. Otechestvennaya istoriografiya dvizheniya soprotivleniya v stranah-satellitah gitlerovskoj Germanii (na primere Bolgarii i Rumynii)* [Domestic historiography of the resistance movement in the satellite countries of Hitler's Germany (on the example of Bulgaria and Romania)] // *Aktual'nye problemy istorii Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj vojn. Po materialam raboty kruglogo stola (g. Voronezh, 20–22 aprelya 2016 g.)* – Actual problems of the history of the Second World War and the Great Patriotic War. Based on the materials of the round table (Voronezh, April 20–22, 2016). Voronezh. 2016. Pp. 135–149.

117. *Tel'nov V. V. Vopros o zaklyuchenii mirnyh dogovorov s Bolgarijej, Vengrijej i Rumyniej v sovetsko-amerikanskij otnoshenijah, 1944–1947 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Question of concluding peace treaties with Bulgaria, Hungary and Romania in Soviet-American relations, 1944–1947 : dis. ... PhD of Hist. Sciences. M. 1978.

118. *Totalitarizm. Istoricheskij opyt Evropy. "Demokraticheskoe intermecco" s kommunisticheskim finalom, 1944–1948 gg.* – Totalitarianism. Historical experience of Europe. "Democratic Intermezzo" with the Communist finale, 1944–1948 / ed. by V. V. Maryina. M. 2002.

119. *Utkin A. I. Diplomatiya Franklina Ruzvel'ta* [Diplomacy of Franklin Roosevelt]. Sverdlovsk. 1990.

120. *Utkin A. I. Mirovaya Holodnaya vojna* [World Cold war]. M. 2005.

121. *Fateev A. V. Obraz vraga v sovetskoj propagande 1945–1954* [The image of the enemy in Soviet propaganda 1945–1954]. M. 1999.

122. *Filitov A. M. "Holodnaya vojna": istoriograficheskie diskussii na Zapade* ["Cold war": historiographical discussions in the West]. M. 1991.

123. *Filitov A. M. "Holodnaya vojna": istoriograficheskie diskussii na Zapade : avtoref. dis. ... d. ist. nauk* ["The Cold war": historiographical discussions in the West : abstr. dis. ... Dr. of Hist. Sciences. M. 1991.

124. *Hejstver A. V. Burzhuaznaya istoriografiya FRG ob uchastii Rumynii vo Vtoroj mirovoj vojne* [Bourgeois historiography of Germany on the participation of Romania in the Second World War]. Chisinau. 1986.

125. *Holodnaya vojna, 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva* – The Cold war, 1945–1963. Historical retrospect / ed. by N. I. Egorova. M. 2003.

126. *Chubar'yan A. O. Proiskhozhdenie "holodnoj vojny" v istoriografii Vostoka i Zapada* [The origin of the "Cold war" in the historiography of the East and West] // *Novaya i novejshaya istoriya* – New and recent history. 1991. No. 3. Pp. 63–67.

127. *Shevyakov A. A. Otnosheniya mezhdou SSSR i Rumyniej, 1944–1949 gg* [Relations between the USSR and Romania, 1944–1949]. M. 1985.

128. *Shevyakov A. A. Ustanovlenie diplomaticheskij otnoshenij SSSR so stranami Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy kak vazhnyj faktor evropejskoj bezopasnosti* [Establishment of diplomatic relations of the USSR with the countries of Central and South-Eastern Europe as an important factor of European security]. M. 1974.

129. *Shenin S. Yu. Nachalo holodnoj vojny, anatomiya "velikogo povorota"* [Beginning of the Cold war, the anatomy of the "great turn"] // *SShA: ekonomika, politika, ideologiya* – The USA: economy, politics, ideology. 1994. No. 12.

130. Shtemenko S. M. *General'nyj shtab v gody vojny, kniga vtoraya* [The general staff during the war, book two]. M. 1973.
131. Yungblud V. T. "Dlinnaya telegramma" Dzh. F. Kennana i izmenenie vneshnepoliticheskogo kursa SShA v 1946 g. ["The long telegram" of J. F. Kennan and the change in the foreign policy of the United States in 1946] // *Mezhdunarodnye otnosheniya v XX veke* – International relations in the XX century. Is. 2. Kirov. 2009. Pp. 165–184.
132. Yungblud V. T. "Novaya i ochen' nuzhnaya paradigm": "dlinnaya" telegramma Dzh. F. Kennana kak al'ternativa principam Yalta ["A New and very necessary paradigm": "long" telegram of J. F. Kennan as an alternative to the principles of Yalta] // *Vekhi amerikanskoj istorii: sbornik statej, posvyashchennyj 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora Vladimira Viktorovicha Sogrina* – Milestones of American history: collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Vladimir Viktorovich Sogrin. M. 2015. Pp. 98–116.
133. Yungblud V. T. "Obrazy rossijskoj imperii" i vneshnepoliticheskoe planirovanie v SShA v 1944–1945 gg. ["Images of the Russian Empire" and foreign policy planning in the USA in 1944–1945] // *SShA: ekonomika, politika, ideologiya* – The USA: economy, politics, ideology. 1998. No. 6. Pp. 66–78.
134. Yungblud V. T. *1945 god i sovremennyj mir* [1945 and the modern world] // *1945 god: formirovanie osnov poslevoennogo miroustrojstva: sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne* – 1945: laying the foundations of the postwar world order: proceedings of the scientific conference, dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. 2015. Pp. 15–40.
135. Yungblud V. T. *Vneshnepoliticheskaya mysl' SShA 1939–1945 gg* [Foreign policy thought of the USA 1939–1945]. Kirov. 1998.
136. Yungblud V. T., Rosina M. A. *Potencial antisovetskih grupp Rumynii v ocenkah gosudarstvennogo departamenta SShA: 1944–1953 gody* [Potential of anti-Soviet groups in Romania in the assessments of the US State Department: 1944–1953] // *Universitetskij nauchnyj zhurnal* – University scientific journal. 2016. No. 23. Pp. 15–30.
137. Yaz'kova A. A. *Vostochnaya Evropa v politike SSSR i SShA (1944–1945 gg.)* [Eastern Europe in the politics of the USSR and the USA (1944–1945)] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and modern history. 1991. No. 3. Pp. 68–76.
138. Yaz'kova A. A. *Narodnaya Rumyniya* [Pople's Rumania]. M. 1965.
139. Yaz'kova A. A. *O nekotoryh aspektah politiki SShA v otnoshenii Rumynii v 1945–1948 gg.* [On some aspects of the US policy towards Romania in 1945–1948]. // *Balkanite v mezhdunarodnite otnosheniya 1944–1948* – Balkanite in international relations 1944–1948. Sofia. 1984. Pp. 111–120.
140. Yakovlev N. N. *Franklin D. Ruzvel't: chelovek i politik* [Franklin D. Roosevelt: a man and a politician]. M. 1965.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902.2

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.010

Особенности погребального обряда Плесинского могильника*

К. В. Моряхина

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0002-7879-6526. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Аннотация. Плесинский могильник расположен в Гайнском районе Пермского края. Раскопки на памятнике проводились в 1960–1961 гг. под руководством В. А. Оборина. Ранее объектом исследования выступали костюм, отдельные категории украшений, вооружение, но не рассматривался в целом погребальный обряд. Хотя памятник представляет интерес для исследователей региона, поскольку фиксируются новые традиции в обряде, в погребениях обнаружен богатый материал в виде украшений, оружия, бытовых предметов, орудий труда. Цель данного исследования – изучение особенностей захоронений и жертвенных ям в межмогильном пространстве на Плесинском могильнике. В сравнении с более ранними памятниками Пермского Предуралья можно отметить, что на Плесинском могильнике уменьшается размер погребальных ям, фиксируются остатки гробовищ, в заполнении ямы практически не встречаются угли и кости животных. Вместе с этим появились погребальные маски, элементы костюма становятся более разнообразными. Наиболее характерными его элементами являлись височные кольца, бусы, поясная гарнитура. На основе анализа погребального инвентаря Плесинский могильник был датирован VIII – началом X в. В межмогильном пространстве на памятнике были расположены жертвенные комплексы, часть которых может быть интерпретирована как места, отведенные для поминальной пищи. Судя по их заполнению (кости животных, зерноотерка), население, оставившее Плесинский могильник, скорее всего, вело смешанное сельское хозяйство. Данный могильник относят к позднему этапу ломоватовской культуры. Его изучение позволит расширить представление о погребальном обряде данного периода, что весьма важно в свете споров о периодизации средневековых культур Пермского Предуралья.

Ключевые слова: погребальный обряд, погребальный инвентарь, костюм, хронология, средневековье.

Плесинский могильник расположен на склоне высокого левого берега р. Камы на расстоянии 350 м от реки, в 100 м к востоку от д. Плесо Гайнского района Пермского края [18, с. 7].

Первые находки украшений вблизи д. Плесо были найдены еще в конце XIX в. и вошли в коллекцию Теплоуховых. Материалы были обобщены и опубликованы А. А. Спицыным в 1902 г. в работе «Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых». В коллекции представлено 20 предметов: подвески, бляшки, пронизки, браслет, поясная пряжка, поясные накладки и наконечник ремня, навершия кинжалов (?). По мнению А. А. Спицына, большинство материалов датируются VIII–IX вв., к IX–X вв. были отнесены браслет с изображением головы медведя на концах, бляшка с изображением животных (двух куниц (?) и ящера) [21, с. 54–60].

Могильник был обнаружен только в 1960 г. во время строительных работ. Когда рабочие стали рыть траншею, были выкопаны человеческие кости, украшения, оружие, конская сбруя. Вещи были переданы в Кудымкарский краеведческий музей. Предположительно было разрушено три погребения. Осенью того же года под руководством В. А. Оборина начались раскопки на месте строительных работ. Была вскрыта площадь 136 кв. м, на которой изучено 9 погребений [18, с. 6]. В 1961 г. В. А. Обориным были продолжены работы на памятнике, в

© Моряхина К. В., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 19-49-590004 «Культурно-хронологическая идентификация средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.)».

** Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

ходе которых было вскрыто еще 352 кв. м. Всего за два года раскопок было изучено 51 погребение [19, с. 2]. Коллекция Плесинского могильника хранится в Коми-Пермяцком краеведческом музее им. П. И. Субботина-Пермяка. По мнению В. А. Оборина, могильник датируется VIII–X вв., относится к позднему этапу ломоватовской культуры и раннему этапу родановской [19, с. 58].

Материалы Плесинского могильника были включены в базу данных «Погребальный обряд средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.)» [17].

На Плесинском могильнике погребальные ямы имеют преимущественно малые (до 1,6 × 0,6 м) и средние (более 2,6 × 1,6 м) размеры – 41,2 %, и 51,0 % соответственно. Глубина могильных ям неглубокая, варьируется от 10 до 38 см, средняя глубина – 16 см. Большинство погребений ориентировано в западную сторону: на запад – 49,0 %, на юго-запад – 29,4 %, на северо-запад – 13,7 %. Выбиваются из общего ряда одно погребение, ориентированное на север, и два – на юг. Относительно плана местности погребенные лежали преимущественно ногами к реке. В заполнении ям в единичных случаях встречаются угли (1,9 %).

Кости сохранились в 45 погребениях (88,2 %). В 17 случаях была возможность определить положения костяка: в 11 из них костяк вытянут на спине, в 6 – обе руки лежали на бедрах. В 5 погребениях кости были перемещены, скорей всего, в результате распашки. В погребении 26 кости были подвержены воздействию огня. На могильнике отсутствуют парные захоронения.

При расчистке погребений были зафиксированы в 11 захоронениях (21,6 %) остатки деревянной конструкции, вероятно, гробовища. Вместе с этим на могильнике можно отметить еще одну традицию – заворачивание тела покойного в бесту или луб, что удалось проследить в трех погребениях (5,9 %). Стоит отметить, что в одном погребении (п. 45) были зафиксированы обе традиции.

В 5 погребениях (9,8 %) были обнаружены погребальные маски. Лицевые покрытия представлены двумя типами: отдельные маски (наглазники и наротники) и маски-личиины. Раздельные маски представляют собой серебряные овальные пластины с прорезями для глаз и для рта (п. 43, п. 45 – сохранился только «наротник»). По мнению А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой, такие маски датируются VI – первой половиной VIII в. [3, с. 47–51]. Маски-личиины (п. 6, 26, 32) имеют прорези для глаз и рта и отверстия по краям с четырех сторон, которые, вероятно, были предназначены для закрепления маски или пришивания ее к ткани. На масках выделен только нос, отсутствует «прорисовка» бровей, усов, кружкового орнамента, как, например, на масках из Баяновского и Рождественского могильников. Интерес представляет маска из п. 32, которая имела исключительно символическое значение и ввиду своих малых размеров (9 × 5 см) не могла закрывать лицо умершего. На маске выдавлены с обратной стороны глаза и нос, имеется прорезь для рта. Так же как и на других масках, имеются отверстия для ее закрепления: два сверху и одно снизу. Как отмечают А. М. Белавина и Н. Б. Крыласова, маски-личиины датируются концом IX – началом X в. [3, с. 47–51].

Погребальные комплексы женских погребений состоят из украшений, бытового инвентаря и посуды, мужские – производственного инвентаря, оружия, конского снаряжения, украшений и посуды.

В погребениях были обнаружены целые керамические сосуды (11,8 % погребений) и фрагменты керамики (13,7 % погребений). Целые сосуды имеют круглодонную форму, но отличаются по своим размерам и орнаментации: неорнаментированные (п. 4, 14), со шнуровым орнаментом (п. 2, 46 – 2 экз.), гребенчатым штампом в виде наклонных линий и зигзагов (п. 8, 24). Сосуды, как правило, располагались в ногах: между ног или у правой ноги, в одном случае у головы. Были найдены как в женских, так и в мужских погребениях. Обнаруженные фрагменты керамики имели более разнообразные варианты орнаментации: неорнаментированный (п. 3), со шнуровым орнаментом (п. 17, 18), гребенчатым штампом (п. 25, 41), фигурным штампом в виде кружков (п. 21). В целом представленная керамика является типичной для позднеломоватовских памятников [7, с. 87; 2, с. 183–187]. В двух мужских погребениях (п. 5, 8) были обнаружены железные котлы, в погребении 8 – железная дужка.

Набор украшений на Плесинском могильнике весьма разнообразен. По мнению Н. Б. Крыласовой, женский костюм Плесинского могильника представлен четырьмя типами (тип 1, 6, 7, 11). Наиболее распространенный вариант женского комплекса включает в себя височные кольца, ожерелья, подвески в виде наконечников, пояс со сходящими с него пронизками. Остальные варианты имеют не такой богатый набор украшений: могут быть представ-

лены на косниках и поясной гарнитурой, или височными кольцами, на косниках и поясом, или только на косниках. Мужской костюм, по реконструкции Н. Б. Крыласовой, также представлен четырьмя типами (тип 8, 9, 10, 13). Чаще в мужском костюме встречаются украшения в виде поясной гарнитуры и пронизки к ней, может дополняться височными кольцами. Также можно выделить мужские погребения с единичными бусами. Иногда встречаются мужские погребения с разнообразным набором украшений: височные кольца, монетовидные подвески, поясная гарнитура [13, с. 105–203].

Височные кольца были обнаружены в 22 погребениях (в 43,1 % от общего количества погребений), представлены тремя типами: проволочные, с гроздьевидной привеской и с привеской в виде полого шарика (или шарика и конуса). Проволочные височные украшения были изготовлены из серебра и бронзы. Данные изделия имеют широкую датировку (V–XIII вв.) и ареал распространения ввиду простоты формы и техники изготовления [20, с. 78–79]. Височные кольца с гроздьевидной привеской являются типичными для ломоватовской и полонской культур, варианты, представленные на Плесинском могильнике, могут быть датированы концом VIII – первой половиной IX в. [20, с. 70]. Височные кольца с привеской в виде полого шарика, найденные на данном памятнике, датируются IX в. Интерес представляют два украшения из п. 7 – привеска, которая представлена в виде полого тисненого шарика и конуса, сужающегося кверху, украшенного зерносканным декором. Боковые грани кольца с двух сторон украшены полыми шариками. Такие изделия появляются в Пермском Предуралье в конце IX – начале X вв. [20, с. 55].

Гривны встречаются на могильнике в единичных экземплярах (4 экз., в 3 погребениях, в 5,9 % от общего количества): бронзовые круглые в сечении и серебряные «глазовского типа». Украшения датируются IX–X вв. [2, с. 366; 8, рис. 71].

Подвески были обнаружены в 15 погребениях (в 29,4 % от общего количества погребений) в области груди и в 6 погребениях (в 11,8 %) в области пояса. Данная категория украшений на памятнике представлена ранними и поздними вариантами. Колесовидные и колоковидные подвески датируются концом VI – первой половиной VIII вв. [8, рис. 67; 5, с. 120]. К концу VIII–IX вв. можно отнести монетовидные, коньковидные подвески, подвески-коробочки [7, рис. 16; 14, с. 294]. Наибольшее распространение на памятнике получили шумящие подвески, датируемые IX – началом X в.: умбовидные (с одним, двумя, тремя и пятью умбонами), арочные со стилизованным изображением ростков, с трубчатой основой, биконьковые [1, с. 430; 2, с. 376–377; 8, рис. 70].

Среди пронизок наибольшее распространение получили типичные для памятников Пермского Предуралья изделия: спиралевидные, непрорезные с гладкими вздутыми, перемежающиеся поясками, с прорезными вздутыми. Такие пронизки датируются VIII–XI вв. [4, с. 143–145]. Также в единичных экземплярах на памятнике были обнаружены пронизки с изображением Симаргла VII в. [8, рис. 68] и полые пронизки с изображением лебедя IX – начала X в. [1, с. 425]. В целом пронизки были обнаружены в области головы (груди) в 10 погребениях (в 19,6 % от общего количества погребений), в области пояса – в 13 погребениях (в 25,5 %).

Находки бус представлены металлическими (в 27,5 % погребений) и стеклянными (в 31,4 % погребений) изделиями. На могильнике были найдены цельнолитые тонкостенные бусы без «воротничков» у отверстий, датирующиеся VIII–X вв. [1, с. 424]. Стеклянные бусы весьма разнообразны. В наибольшем количестве встречаются одночастные желтые, зеленые и синие, многочастные сегментированные (зонные) синие непрозрачные VIII–IX вв., многосегментные с желто-коричневым внешним слоем VI–X вв. Также встречаются глазчатые бусины: красно-коричневые с голубыми глазками VIII–IX вв., черные с голубыми глазками, желтые с красными и голубыми глазками [1, с. 431–433].

Находки украшений рук на могильнике немногочисленны: браслеты обнаружены в 11 погребениях (в 21,6 % от общего количества погребений), перстни – в 5 (в 9,8 %). Браслеты представлены типичными для Пермского Предуралья вариантами: дротовые овальные и четырехгранные в сечении, кованые пластинчатые с уплощением на концах, пластинчатые с отогнутыми концами и чеканным орнаментом. Изделия датируются IX–X вв. Найденные перстни разнообразны в своих вариантах: «салтовского типа», с пуговкообразным щитком, спаянный со вставкой, широкосерединый с желобками, широкосерединый с имитацией зерно-сканного декора. Украшения можно отнести к концу VIII–X в. [16, с. 151–152, 159–161].

Поясная гарнитура представлена пряжками (в 21 погребении, в 41,2 % от общего количества погребений), накладками (в 9 погребениях – в 17,7 %), наконечниками ремня (в 5 по-

гребенях, в 9,8 %). К поясным пряжкам VIII в. [8, рис. 69] можно отнести щитковые с округлым окончанием, приостренным концом, с концом в виде «ласточкиного хвоста». Щиток пряжек не орнаментирован. Также были обнаружены восьмеркообразные пряжки IX в. [8, рис. 70], круглые с ложноверевочным орнаментом. Варианты поясных накладок более разнообразные. На памятнике были найдены накладки-тройчатки VIII в., сердцевидные со схематичным изображением личины IX в., с основой, декорированной растительным орнаментом, и свободно свисающим концом IX в. [8, рис. 69–70], с приостренным концом и узкой прорезью посередине, прямоугольные неорнаментированные с подпрямоугольной прорезью внизу VIII–IX вв. [1, с. 423]. Наконечники ремня встречаются редко и представлены двумя вариантами: вытянутые пластинчатые с округлым концом неорнаментированные и с растительным орнаментом. В погребении 45 пояс не был надет на погребенного, лежал поверх костяка в районе пояса. Вероятно, был положен символически.

Из бытовых предметов в погребениях были обнаружены металлические ложки (в 3 погребениях, в 5,9 % от общего количества погребений), костяная копоушка (в 1 погребении), костяные гребни (в 5 погребениях – в 9,8 %). Ручки ложек имеют украшение в виде головы животного: в одном случае – это голова хищной птицы, в двух других – голова медведя. Изделия находились в женских погребениях. Копоушка сохранилась во фрагментарном состоянии, имеет зигзагообразный орнамент. Костяные гребни представлены тремя вариантами: зоморфный с прорезными фигурками животных (козня?) с оформленными ногами и хвостом, симметрично расположенные реалистичные изображения голов коней (биконьковые), арочные с ушками (стилизованное изображение голов коня). Интерес представляет тот факт, что в 2 из 5 случаев гребни были обнаружены в мужских погребениях, что, как отмечает Н. Б. Крыласова, не типично для других памятников Пермского Предуралья [14, с. 251].

В мужские погребения было уложено оружие: мечи (в 3 погребениях, в 5,9 % от общего количества погребений), копья (в 7 погребениях – в 13,7 %), кинжалы (в 3 погребениях – в 5,9 %), наконечники стрел (в 21 погребении – в 41,2 %). Мечи отличаются по форме перекрытия: прямые брусковидные с ромбическим расширением в верхней части и с шарообразным окончанием. Первые получили распространение в VIII–X вв., вторые – в IX–XI вв. [11, с. 91–92]. Копья представлены тремя вариантами: втульчатые ромбической формы VIII–XII вв., втульчатые ланцетовидной формы IX–X вв., с пером в виде шипов IX–XI вв. [9, с. 22–26]. Железные наконечники стрел (61 экз.) можно разделить на бронебойные [10, с. 103] и универсальные (листовидные, двурогие, втульчатые). Также был найден один костяной наконечник. Найденные топоры имеют разнообразную форму лезвия и обуха, в зависимости от этого можно среди них выделить боевые и универсальные (рабочие) [15, с. 74–80].

Найденные в погребениях орудия труда можно разделить на женский, мужской, универсальный (в мужских и женских погребениях) наборы.

К женскому набору можно отнести пряслица – металлические, глиняные, каменные (в 3 погребениях – в 5,9 %), которые были уложены в ногах, и костяные иглы (13 экз. в 1 погребении), лежавшие рядом с логтевым суставом.

Мужской набор орудий труда представлен деревообрабатывающим инструментарием (ложкарь, стамеска, скобель, тесло – в 6 погребениях, в 11,2 % погребений от общего количества), металлургическим (кузнечные клещи, молоточек – в 1 погребении), оселком (в 3 погребениях – в 5,9 %). Стоит отметить, что деревообрабатывающий инструментарий был обнаружен в мужских погребениях с оружием, что, вероятно, говорит о совмещении функции ремесленника и воина. Инструментарий располагался в четырех случаях в области ног, в одном – у головы и в области пояса.

К универсальному набору можно отнести ножи, кресала и шилья. Ножи были в 31 погребении (в 60,8 % от общего количества), из них в 17 женских и 14 мужских. Инструменты можно разделить на два типа: прямоспинные и с четким переходом к рукояти. Ножи были найдены в области пояса (привешивались к поясу) и в ногах. Кресала обнаружены в 15 погребениях (в 29,4 % от общего количества), из них только в двух женских погребениях. Кресала представлены двумя типами: из круглого дрота, свернутого в форме овала, датируемые VII–VIII вв., и пластинчатые с одной рукоятью в виде тонкого прямого крючка конца VII–IX вв. [15, рис. 1]. Располагались в погребении в области пояса (71,4 %), у локтя (14,3 %), в ногах (14,3 %). Кресала, скорей всего, так же как и ножи, крепились к поясу.

В мужских погребениях обнаружены детали снаряжения верхового коня (в 8 погребениях – в 15,7 %): удила (7 экз.: стержневые с S-видными псалиями и двухсоставные кольча-

тые), подпружная пряжка прямоугольной формы (1 экз.), восьмеркообразные стремена с прямой или вогнутой нижней частью (3 экз. – по одному в погребении). Вещи можно датировать VIII–IX вв. [22, с. 55]. Комплекс располагался либо в ногах (в 5 случаях), либо в районе пояса (в 3 случаях).

Монеты (сасанидские) обнаружены в 5 погребениях: 3 – женских, 2 – мужских. Использовались они в качестве подвесок. Время чеканки монет относится к концу VI – началу VII вв. В. А. Оборин в отчете отмечал, что «монеты использовались как украшения, в связи с чем дата попадания их в могильник должна быть несколько омоложена в сравнении с годом чеканки». [19, с. 55]. Это объясняет их наличие в погребениях с материалами VIII–IX вв.

На основе анализа погребального инвентаря можно выделить 4 хронологические группы погребений:

VIII в. – п. 19, 24, 28, 29, 33, 43. Погребальные ямы имеют ориентировку преимущественно на СЗ–З, одно погребение – на ЮЗ. В погребениях из элементов костюма обнаружены поясная гарнитура, бусы, в единичных случаях – височные кольца и подвески. Помимо этого, были уложены оружие, орудия труда, конская упряжь. Появляются погребальные маски (обнаружена в одном погребении). В данных погребениях не фиксируется обряд заворачивания в бересту.

VIII–IX вв. (по имеющемуся материалу не удалось сузить датировку) – п. 2, 4, 12, 16, 18, 20, 22, 23, 30, 40, 41, 44, 45, 46, 47.

IX в. – 5, 6, 8, 10, 15, 17, 21, 26, 32, 34, 35, 38.

В этот период меняется ориентировка погребений – костяки укладывались не только на СЗ–З, но и на Ю–ЮЗ. Появился обряд заворачивания в бересту. Погребальный инвентарь второй и третьей хронологических групп представлен погребальными масками, богатым набором костюма, оружием, орудиями труда, конской упряжью.

IX – начало X в. – 7, 9, 31, 36, 37. В погребениях отсутствует поясная гарнитура, оружие, орудия труда, конская упряжь. Костюм состоит из височных колец, бус, подвесок и браслета.

Жертвенные комплексы в межмогильном пространстве устраивались в ямах малого (длина и ширина до 60 см) размера с глубиной до 30 см или среднего (длиной до 160 см и шириной до 130 см) с глубиной 40–60 см. В заполнении ям были угли, зола, фрагменты керамики и кости животных. В двух малых ямах были обнаружены обожженные камни, в средних – инвентарь: в одном случае – железный нож, в другом – зернотерка. Рядом с малыми ямами располагались глиняные сосуды. Возможно, что ямы имели разный функционал: малые ямы использовались для приготовления и размещения ритуальной пищи, а средние являлись жертвенниками. Вероятно, исходя из состава жертвенного комплекса, население, оставившее Плесинский могильник, занималось земледелием и скотоводством. Примечательно, что на памятнике кости животных присутствуют только в жертвенных комплексах в межмогильном пространстве, в погребальных ямах их нет. Хотя на более ранних и некоторых синхронных памятниках Пермского Предуралья кости животных были обнаружены в 15–30 % погребений (Агафоновский I, Аверенский II, Русиновский, Щукинский могильники). Это свидетельствует о появлении новой традиции в погребальной обрядности.

Схожие черты погребального обряда фиксируются на ряде могильников Пермского Предуралья – Важгортский, Деменковский, Каневский, Пыштайский, Редикорский, Урьинский [17]. На этих памятниках присутствует ряд общих черт, которые выделяют их среди других: ориентировка могильных ям ногами к реке, остатки гробовищ, угли и кости животных встречаются в единичных случаях. Среди элементов костюма наиболее характерным является наличие поясной гарнитуры, височных колец и бус. Также присуще наличие оружия, орудий труда и элементов конской сбруи. На указанных памятниках зафиксированы жертвенные ямы в межмогильном пространстве, в которых присутствовали кости животных. Наиболее схожий материал в ямах отмечен на Урьинском могильнике, где в двух ямах обнаружены обожженные камни, зернотерка либо пест-терочник, в одной – нож, фрагменты керамики и буса [6, с. 34].

Таким образом, Плесинский могильник можно датировать VIII – началом X в. На памятнике фиксируются черты обряда, не типичные для более ранних памятников, такие как остатки гробовищ (на Агафоновском I и Аверенском II встречаются в единичных случаях, на Русиновском и Щукинском не зафиксированы), костяк вытянут на спине, руки лежат вдоль тела или на бедрах, в заполнении ямы угли встречены в единичных случаях, кости животных отсутствуют. Но при этом угли и кости животных есть в жертвенных ямах в межмогильном пространстве. Эти особенности позволяют сделать вывод о появлении новых традиций в погребальной обрядности, которые могли быть следствием инокультурного влияния или ми-

грации нового населения на эту территорию. Н. Б. Крыласова, анализируя костюм и предметы быта, пришла к аналогичному заключению, что могильник мог быть отставлен пришлым населением [14, с. 251–252].

Список литературы

1. Археологические памятники Чашкинского озера / Н. Б. Крыласова [и др.]. Пермь : Книжный формат, 2014. 565 с.
2. *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь : ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.
3. *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Погребальные лицевые покрытия как угорский маркер // Между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития : материалы Всероссийской науч. конф., посвященные 20-летию ИИиАУрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 47–51.
4. *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Огурдинский могильник. Пермь : ПГПУ, 2012. 258 с.
5. *Генинг В. Ф.* Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. 1964. Вып. 6. С. 94–162.
6. *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 9. С. 30–56.
7. *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.
8. *Голдина Р. Д., Кананин В. А.* Средневековые памятники Верхней Камы. Екатеринбург : Уральский ун-т, 1989. 215 с.
9. *Данич А. В.* Наконечники копий на территории Пермского Приуралья // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2010. № 3. С. 20–43.
10. *Данич А. В.* Типология бронзобойных наконечников стрел Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2011. № 7. С. 98–115.
11. *Данич А. В.* Клинковое оружие Пермского Предуралья // Поволжская Археология. 2012. № 2 (2). С. 86–106.
12. *Данич А. В.* Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2015. № 10. С. 71–124.
13. *Крыласова Н. Б.* История Прикамского костюма. Пермь : ПГПУ, 2001. 260 с.
14. *Крыласова Н. Б.* Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь : ПГПУ, 2007. 352 с.
15. *Крыласова Н. Б.* Хронология кресал Пермского Предуралья // Известия Челябинского научного центра. 2007. Вып. 1 (35). С. 157–161.
16. *Моряхина К. В.* Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2018. 746 с.
17. *Моряхина К. В., Шмуратко Д. В.* Погребальный обряд средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.). Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019622464 от 23.12.2019.
18. *Оборин В. А.* Отчет о работе археологической экспедиции Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка в сентябре и октябре месяце 1960 г. // Архив ИА РАН. Пермь, 1961. Д. 2091.
19. *Оборин В. А., Вотинцева Р. Д.* Отчет о работе археологической экспедиции Пермского государственного университета и Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка в июле 1961 г. // Архив ИА РАН. Пермь, 1961. Д. 2280.
20. *Подосенова Ю. А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 207 с.
21. *Спицын А. А.* Древности камской Чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России. 1902. № 26. 110 с.
22. Хозяйство, торговля и военное снаряжение средневекового Предуралья : учебное пособие / А. М. Белавин [и др.]. Пермь : ПГПУ, 2017. (512 Мб).

Peculiarities of the funeral rite of the Plesinsky burial ground

K. V. Moryakhina

PhD of Historical Sciences, senior lecturer at the Department of national and universal history, archeology, Perm State Humanitarian and Pedagogical University.

Russia, Perm. ORCID: 0000-0002-7879-6526. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Abstract. Plesinsky burial ground is located in Gayny district of the Perm territory. Excavations on the monument were carried out in 1960–1961 under the direction of V. A. Oborin. Previously, the object of research was the costume, certain categories of jewelry, weapons, but the funeral rite was not considered as a whole.

Although the monument is of interest to researchers of the region, as new traditions in the rite are recorded, rich material in the form of jewelry, weapons, household items, and tools was found in the burials. The purpose of this study is to study the features of burials and sacrificial pits in the inter-grave space on the Plesinsky burial ground. In comparison with earlier monuments of the Perm pre-Urals, it can be noted that the size of burial pits on the Plesinsky burial ground decreases, the remains of tombs are fixed, and coals and animal bones are practically not found in the filling of the pit. Along with this, funeral masks appeared, and costume elements become more diverse. Its most characteristic elements were the temple rings, beads, and waist headset. Based on the analysis of the burial inventory, the Plesinsky burial ground was dated to the VIII–early XX. In the inter-grave space on the monument were located sacrificial complexes, some of which can be interpreted as places reserved for memorial food. Judging by their filling (animal bones, grain grinder), the population that left the Plesinsky burial ground, most likely, led a mixed agriculture. This cemetery belongs to the late stage lomovatka culture. Its study will expand the understanding of the funeral rite of this period, which is very important in the light of disputes about the periodization of medieval cultures of the Permian Urals.

Keywords: funeral rite, funeral equipment, costume, chronology, middle ages.

References

1. *Arheologicheskie pamyatniki Chashkinskogo ozera* – Archaeological monuments of Chashkinskoe lake / N. B. Krylasova [et al.]. Perm. Knizhny format. 2014. 565 p.
2. *Belavin A. M., Krylasova N. B. Drevnyaya Afkula: arheologicheskij kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afcula: archaeological complex near village Rozhdestvensk]. Perm. Perm branch of the Institute of History and Philological Sciences of Ural Department of RAS. 2008. 603 p.
3. *Belavin A. M., Krylasova N. B. Pogrebal'nye licevye pokrytiya kak ugorskij marker* [Burial front cover as the Ugric marker] // *Mezhdru proshlym i budushchim: istoricheskij opyt nacional'nogo razvitiya : materialy Vserossijskoj nauch. konf., posvyashchennye 20-letiyu IliAUrO RAN* – Between the past and the future: historical experience of national development : materials of the all-Russian scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Institute of History and Philological Sciences of Ural Department of RAS. Yekaterinburg. 2008. Pp. 47–51.
4. *Belavin A. M., Krylasova N. B. Ogurdinskij mogil'nik* [Ogurdinsky burial ground]. Perm. PSPU. 2012. 258 p.
5. *Gening V. F. Demenkovskij mogil'nik – pamyatnik lomovatovskoj kul'tury* [Demenkovsky burial monument of lomovatka culture] // *Voprosy arheologii Urala* – Issues of archeology of the Urals. 1964. Vol. 6. Pp. 94–162.
6. *Gening V. F., Goldina R. D. Pozdnelomovatovskie mogil'niki v Komi-Permyackom okruge* [Late lomovatka burial grounds of the Perm Komi district] // *Voprosy arheologii Urala* – Issues of archeology of the Urals. 1970. Is. 9. Pp. 30–56.
7. *Goldina R. D. Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e* [Lomovatka culture in the Upper Kama region]. Irkutsk. Irkutsk University. 1985. 280 p.
8. *Goldina R. D., Kananin V. A. Srednevekovye pamyatniki Verhnej Kamy* [Medieval monuments of Upper Kama]. Ekaterinburg. The Ural University. 1989. 215 p.
9. *Danich A. V. Nakonechniki kopij na territorii Permskogo Priural'ya* [Spearheads on the territory of the Perm Urals] // *Vestnik Muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* – Herald of the Museum of archeology and Ethnography of the Perm pre-Urals. 2010. No. 3. Pp. 20–43.
10. *Danich A. V. Tipologiya bronebojnyh nakonechnikov strel Permskogo Predural'ya* [Typology of armor-piercing arrowheads of the Perm pre-Urals] // *Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii* – Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition. 2011. No. 7. Pp. 98–115.
11. *Danich A. V. Klinkovoe oruzhie Permskogo Predural'ya* [Bladed weapons of the Permian Urals] // *Povolzhskaya Arheologiya* – Volga Region Archaeology. 2012. No. 2 (2). Pp. 86–106.
12. *Danich A. V. Klassifikaciya srednevekovyh toporov Permskogo Predural'ya* [Classification of medieval axes of the Perm pre-Urals] // *Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii* – Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition. 2015. No. 10. Pp. 71–124.
13. *Krylasova N. B. Istorija Prikamskogo kostyuma* [History of the Kama costume]. Perm. PSPU. 2001. 260 p.
14. *Krylasova N. B. Arheologiya povsednevnosti: material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya* [Archeology of everyday life: material culture of the medieval Urals]. Perm. PSPU. 2007. 352 p.
15. *Krylasova N. B. Hronologiya kresal Permskogo Predural'ya* [Chronology of kresals of the Permian Urals] // *Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo centra* – Proceedings of the Chelyabinsk scientific center. 2007. Is. 1 (35). Pp. 157–161.
16. *Moryahina K. V. Ukrasheniya ruk srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya : dis. ... kand. ist. nauk* [Decorations of the hands of the medieval population of the Perm pre-Urals : dis. ... PhD of Historical Sciences]. Perm. 2018. 746 p.
17. *Moryahina K. V., Shmuratko D. V. Pogrebal'nyj obryad srednevekovyh mogil'nikov Permskogo Predural'ya (VII–XV vv.). Svidetel'stvo o registracii bazy dannyh RU 2019622464 ot 23.12.2019* [Funerary rite of medieval burial grounds of the Perm pre-Urals (VII–XV centuries). Certificate of registration of the database RU 2019622464 from 23.12.2019].
18. *Oborin V. A. Otchet o rabote arheologicheskoy ekspedicii Komi-Permyackogo okruzhnogo kraevedcheskogo muzeya im. P. I. Subbotina-Permyaka v sentyabre i oktyabre mesyace 1960 g.* [Report on the work of the

archaeological expedition of the Komi-Permyak district museum of local lore n. a. P. I. Subbotin-Permyak in September and October 1960] // *Arhiv IA RAN* – Archive of the IA RAS. Perm. 1961. File 2091.

19. *Oborin V. A., Votinceva R. D. Otchet o rabote arheologicheskoy ekspedicii Permskogo gosudarstvennogo universiteta i Komi-Permyackogo okruzhnogo kraevedcheskogo muzeya im. P. I. Subbotina-Permyaka v iyule 1961 g.* [Report on the work of the archaeological expedition of the Perm State University and the Komi-Permyak regional museum n. a. P. I. Subbotin-Permyak in July 1961] // *Arhiv IA RAN* – Archive of the IA RAS. Perm. 1961. File 2280.

20. *Podosenova Yu. A. Visochnye ukrasheniya naseleniya Permskogo Predural'ya v epohu srednevekov'ya : dis. ... kand. ist. nauk* [Temporal decorations of the population of the Perm pre-Urals in the middle ages : dis. ... PhD of Historical Sciences]. Kazan. 2009. 207 p.

21. *Spicyn A. A. Drevnosti kamskoj Chudi po kollekcii Teplouhovyh* [Antiquities of the Kama Chudi in the collection of Teploukhovs] // *Materials on archaeology of Russia*. 1902. No. 26. 110 p.

22. *Hozyajstvo, trgovlya i voennoe snaryazhenie srednevekovogo Predural'ya : uchebnoe posobie* – Economy, trade and military equipment of the medieval pre-Urals : textbook / a.m. Belavin [et al.]. Perm. PSHPU. 2017. (512 Mb).

«Третья нота» в русскоязычной литературе эмиграции

Н. О. Осипова

доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: nina.osipova@list.ru

Аннотация. В статье представлена художественная специфика национального и наднационального в литературе писателей т. н. «третьей ноты», жизнь и творчество которых определялось «тройной» эмиграцией.

В качестве примера рассматривается творчество представителей «ферганской школы», венгерских и российских писателей, с одной стороны сохранивших национальную и этническую идентичность, родной язык, а с другой – вступивших в творческий диалог с культурой иной страны. На перекрестке трех культур формируется особое художественное мышление. Творчество, в котором синтезируются эстетика и образный мир разных культур, обретает всеобщий смысл, утрачивает жесткую привязанность к национальным реалиям и характерам, демонстрирует культурную многогранность (поэзия Х. Закирова, проза Х. Исмайлова, творчество А. Миталиера).

Уникальность русскоязычных писателей и поэтов из бывших национальных республик (Х. Исмайлов, Х. Закиров, А. Миталиер, М. Гиголашвили и др.) состоит в том, что их язык, вбирая на внутреннем (глубинном) уровне синтаксис, фразеологию, семантику родного языка, при синтезе с западноевропейской культурой (и в новой среде проживания в этой культуре) способен был породить оригинальный дискурс «гибридной стилистики». При этом родная, усвоенная с детства культура является для писателей-эмигрантов не просто средством выживания, но и критерием отношения к миру с его прихотливой сложностью человеческих отношений, представлениями о добре и зле, жизни и смерти.

Ключевые слова: русскоязычная зарубежная литература, писатели-трилингвы, «третья нота», национальная традиция.

*Розу Гафиза я бережно вставил
В вазу Прюдодма,
Бесику сад украшаю цветами
Злыми Бодлера...
Тициан Табидзе «L'art poetique»*

В начале статьи я считаю необходимым пояснить термин, включенный в аннотацию, – «третья нота». Конечно, он ассоциируется в нашем сознании прежде всего с понятием «парижская нота» – неформальным обозначением творчества группы поэтов русского зарубежья 1930-х гг.

В нашем представлении «третья нота» – понятие скорее геокультурное, объединяющее писателей, принадлежащих (в силу разных обстоятельств) трем (и более) культурам и локализованных в разных ареалах. Их художественно-эстетическое сознание определяется одновременно разными национально-культурными доминантами, которые и придают их творчеству уникальность, образу «третью ноту».

Разумеется, эмиграция (или национальное зарубежье – русское, татарское, литовское и т. д.) – это феномен сложный и неоднозначный, много уже сделано в ее изучении, еще больше предстоит сделать. Но нас интересует особая его разновидность, сформировавшаяся в результате трансформации внутригосударственных границ в международные.

Так произошло и в Советской России в 1918 году, повторилось в 1940 г. в СССР и завершилось распадом Советского Союза в 1990-х, когда переместились границы, произошла смена политических режимов, образовались новые государства, что привело к бурному развитию миграционных процессов и в итоге – к эмиграции внутренней и внешней.

Показателен в этом плане и венгерский опыт, потому что только в XX веке, начиная с подписания Трианонского договора 1919 года и вплоть до конца 1940-х гг., государственная граница Венгрии постоянно изменялась, а ее полиэтничное население обретало статус нового гражданства. Попытка подобного исследования предпринята недавно составителями сборника «Венгрия за границами Венгрии» [2].

Авторы, включенные в сборник, – писатели, живущие за границами Венгрии и пишущие на венгерском языке (произведения Адама Бодора, Нандора Гийона, Отто Толнаи). Возникает естественный вопрос: они являются венгерскими писателями или румынскими (сербскими, немецкими и т. д.), пишущими на венгерском? Это очень важная проблема, связанная с идентичностью авторов, которая может быть обращена и к кинематографистам, и к художникам, живущим за границами (многие из них получили всемирную известность). Творчество, в котором синтезируются эстетика и образный мир разных культур, обретает всеобщий смысл, утрачивает привязанность к венгерским или иным национальным реалиям и характерам, демонстрируя культурную многогранность.

Возвращаясь к нашему материалу, отметим, что особенно остро эти процессы переживались в бывших союзных республиках, главным образом в Средней Азии и на Кавказе, там, где полиэтничность населения была наиболее выраженной, да и вся страна была «огромным цивилизационным котлом, в котором переваривались, приваривались, уваривались буддийское с исламом, атеистическое с гомосексуалистским, национальное с коммунистическим, мифологическое с идеологическим, и несть тому числа, что с чем да в какой комбинации» [8].

Русский язык, имея статус государственного, был и языком литературного творчества. Наряду с произведениями на национальных языках значительное место занимала русскоязычная литература, издавались русскоязычные литературные журналы («Родник», «Литературная Грузия», «Звезда Востока» и др.).

С распадом СССР многие писатели эмигрировали – кто в Россию, кто в дальнее зарубежье. Их писательская и личная судьба в эмиграции складывалась по-разному, но наиболее талантливые представители национальных культур продолжали работать в художественном творчестве, обнаруживая стремление не только сохранить этнокультурную идентичность, но и найти новые художественные возможности для выхода этой идентичности в контекст мировой культуры, придав ей некий наднациональный характер.

Ярким примером формирования литературы «третьей ноты» за рубежом стали представители Ферганской школы – такое название получило сообщество литераторов, художников, кинематографистов Узбекистана, сгруппировавшихся в 1980–1990-х гг. вокруг журнала «Звезда Востока», которое представило опыт новой литературы, ориентированной на жанровый синтез, поэтику западного модернизма и традиции классической поэзии Востока. Пожалуй, наиболее отчетливо определил эту эстетику один из лидеров Школы поэт Ш. Абдуллаев в своих манифестированных статьях 1990-х и в художественной проекции одного из последних своих эссе «Первая книга» [1].

Один из исследователей этого явления указывает два источника этой межкультурности: «мультиэтничность собственно Ферганы и Ферганской долины, где жили узбеки, русские, украинцы, корейцы, таджики, евреи, крымские татары, греки, немцы и представители других народов», и «идею синтеза европейских культур и специфической оптики, совмещающей способы восприятия, развитые в европейском авторском кино 60–70-х и восприятие действительности в восточных медитативных практиках» [11]. И если в относительно моноэтнических республиках христианской ориентации (Грузия, Армения, страны Прибалтики) процессы эмигрантской самореализации литераторов носили менее болезненный характер, то в республиках, где приход к власти нового руководства и установка на национальные стереотипы сопровождался возвратом к традиционным ценностям в их устоявшихся вариантах, они протекали весьма драматично, сопровождаясь запретом на публикации, закрытием периодических изданий, жесткой цензурой и массовым исходом интеллигенции.

Вот почему поэт и филолог К. Корчагин пронизательно заметил, что «деятельность ферганской школы можно воспринимать как во многом утопическую попытку создания новой литературы, которая должна была сблизить молодые государства региона... с большим европейским миром» [10].

Эти принципы получили мощный импульс в эмигрантском творчестве ферганцев, оказавшихся вне связи как с этнически родной, так и с русской культурой, – Х. Исмайлова и Х. За-

кирова. Первый эмигрировал в Англию в 1992 году (и ему до сих пор запрещен въезд в Узбекистан), второй после нескольких лет жизни в Москве – в Финляндию.

Оба автора востребованы за рубежом, являются обладателями международных и российских литературных премий (в числе которых – престижная премия им. А. Белого).

Встроенность этих писателей в чужую культуру если и не сделала эту культуру родной, но внесла в их творчество новые ноты (как признался Х. Закиров, пробовавший писать и на узбекском, и на финском, другой язык и другая культура «заставляют... говорить как-то по-другому»). В одном из последних интервью поэт признался: «В первое время после того, как я уехал из Азии, в моих текстах можно было увидеть то, что у моряков называется кильватерной струей. Облаком позади меня вилось что-то южное, азиатское. Наверное, особенное фаталистическое отношение к миру. Живя в Азии, тяжело не быть фаталистом. В жаре все кажется преходящим» [5].

В самом деле, в чужой стране обнаруживаются такие пласты родной культуры, которые не фиксировались, когда писатель находился «внутри» нее. Так, в «Ксениях» Э. Монтале Х. Закиров, по его собственному признанию, улавливал настрой и герметизм суфийской поэзии, а в философско-художественных исканиях Кавафиса, опередившего свое время, – синтез национальной традиции и интеллектуальных истоков европейского модернизма, ретроспективной поэтики (не случайно одним из важных проектов, инициированных «ферганцами», стал сайт, посвященный Кавафису) [9].

Уникальность русскоязычных (или двуязычных, а уже и «триязычных») писателей и поэтов из бывших национальных республик состоит в том, что их язык, вбирая на внутреннем (глубинном) уровне синтаксис, фразеологию, семантику родного языка, при синтезе с западноевропейской культурой (в особенности новой средой проживания в этой культуре) способен был породить новый, оригинальный дискурс «гибридной стилистики». Вот только один небольшой отрывок из стихотворения Х. Закирова уже «финского» периода, вошедшего в только что опубликованный сборник «Дословно» (М.: НЛО, 2018):

Исчезновение

Я постепенно растворяюсь,
протягивая руку вдоль по ветру,
несусь за листьями, соринками и мошкаррой,
которые поток срывает с места,
чтобы внезапно опустить к арыку,
затем опять поднять и, закружив,
вернуть на землю между топчанами Урик-зара
то ль смерчем маленьким, то ль
членом братства Мевлеви.
Я истончаюсь всякий раз,
как слышу голос мамы. Пусть
говорит, не останавливаясь, пусть (хотя все те же
известные родительские темы), главное
не слушать – слышать. Я истончаюсь – вслух,
освобождаюсь <...> [6].

Рамки статьи не позволяют представить разные грани поэзии Х. Закирова, которая переведена на несколько иностранных языков, но принцип ее стилистики можно назвать «принципом бинокулярности», когда отчетливая «имперсональность» не отменяет значения личного опыта, что в одном из тезисов-характеристик Ферганской школы еще задолго до эмиграции ее представителей отметил Ш. Абдуллаев: «Конкретные ландшафтные признаки, южный знойный мир и вместе с тем герметическая “западная” поэтика, то есть сквозь немислимое для сегодняшних литературных приоритетов проступает некое космополитическое месиво одних и тех же мнимостей, залитых солнцем» [16].

Упомянутый выше Хамид Исмаилов – один из ярких представителей литературы «третьей ноты» зарубежья, наиболее органично воплощающий в своем творчестве ее эстетику. Пишущий на трех языках (русском, узбекском, английском), он демонстрирует одну из главных особенностей «третьей ноты» – уникальный синтез ментальностей и культур в поэтике. Чему бы ни были посвящены его романы – «Железная дорога», «Муртад» («Вероотступник»), «Мбо-

бо», «Танец с дьяволом» – или опыты «визуальной» поэзии», они разбивают устоявшиеся стереотипы о современной литературе на национальных языках, которая и сегодня в глазах многих читателей и критиков не имеет никаких точек соприкосновения с мировой культурой.

Роман Х. Исмаилова (псевд. Алтаэр Магди) «Железная дорога» был издан в 1997 году (Магди А. Железная дорога. М. : Воскресенье, 1997), но английский перевод его, блестяще выполненный спустя десять лет одним из замечательных переводчиков русской литературы Р. Чандлером, дает повод говорить о необычайной востребованности произведения у английской и, шире, англоязычной читательской аудитории.

Образ железной дороги – этого символа советской эпохи – проложенной не только по земле, но по судьбам и душам людей, позволяет представить все многоцветье культур, расположенных вдоль Великого Шелкового пути и сошедшихся в маленьком городке Гиласе, этаком ноевом ковчеге советской цивилизации.

К сожалению, в английском переводе названия романа («The Railway») утрачено слово-понятие «железная», обладающее многозначностью и смысловыми ассоциациями, связанными в сознании русского читателя в основном с негативными представлениями о железной дороге как гибели и катастрофе: «Опасно, как бы земля не стала скоро походить на всемирный паутинник, который опутывает весь земной шар, в котором плавают только отошальный всеядный человек, как голодный паук, не имый кого и что поглотити, так как сам же он пожрал, побил, истерзал все живое на поверхности всей земли... [12, с. 677].

Остановка за остановкой – целый комплекс мотивов вбирает в себя этот долгий путь в никуда, населенный разными судьбами. Это и отказ от общечеловеческих ценностей в угоду нивелирования наций и этносов, механистичности, подчиненности общей идеологии, направленной на разобщение людей, и многоцветная, многоязычная панорама жизни «советской» Азии, и символ духовного восхождение по Шелковому пути. Язык, вбирающий все эти пласты культуры, впитывает народные каламбуры, народный юмор, аллюзии на советские лозунги, изречения суфийских философов, афоризмы Леви-Строса. Английский переводчик романа Д. Чандлер заметил, что «Железная дорога» «напоминает джазовую импровизацию или полотно Пауля Клее. <...> Он [писатель] одновременно подчиняет слова порядку и остается восприимчивым к многозначности этих слов; он рассказывает недвусмысленную историю и в то же время позволяет словам кружиться в произвольном танце» [17].

Восторженно отозвалась о романе газета «Daily Telegraph», посвятившая ему четверть полосы: «Представьте себе маркесовские “Сто лет одиночества”, происходящие в пустынных степях Средней Азии, в пристанционном городке Гилас – у железной дороги... Современность приходит сюда железной дорогой и ее всесокрушающим поездом... Роман рассчитан не на слабых сердцем... “Железная Дорога” – мощная книга, полная открытий, ее можно назвать колесом проклятия, прокатившимся по среднеазиатской истории XX века» [14].

Английские газеты сравнивают писателя с Маркесом, с культурным пространством от «Омара Хайяма до Булгакова, которое подчеркивает высококультурную и веротерпимую традицию среднеазиатского ислама» (журнал «New Statesman»). Об этом его «Вундеркинд Ержан», и особенно «Мбобо», 2009 (в английском издании «The Underground»), единодушно признанный зарубежной критикой одним из лучших постмодернистских романов современности и включенный в десятку лучших русских романов XXI века. Это глубокая и трагическая книга, образец европейской модернистской традиции, национальная и вненациональная одновременно. Рожденная из схемы, подаренной мальчику матерью, подземная империя московского метро – эта хтоническая зона, в которой вспыхнула и погасла московская жизнь ребенка-полукровки (Кирилла-Мбобо), полухакаса-полунегритенка, короткие этапы жизни которого измеряются только названиями станций и перегонами подземки. Не случайно роман предваряется пушкинским эпиграфом: «Он чувствовал, что он для них род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого, случайно перенесенного в мир, не имеющий с ним ничего общего» [15, с. 12].

Этот роман можно считать частью диптиха, открывающегося «Железной дорогой», – те же станции-остановки, та же многоголосица жизни... Предельная схематичность подземки – этапы становления мальчика как паломника, совершающего путь-инициацию через священные ворота, далее через подземный путь по храму, пространство которого тематически оформлено в соответствии с логикой движения. Но в этом движении – не смысл религии, и не смысл культуры, и не смысл национальной принадлежности, которых у Мбобо просто нет – идея помпезного оформления станций центральных линий метрополитена, символика деко-

ра, насыщенного героикой и трудовой романтикой, призвана сплотить поток толпы в единое послушное тело, в мистериальную процессию. Но вместо мистерии света герой обретает мистику тьмы – пещеры, тюрьмы и кошмара туннеля, где утрачивается чувство времени и размывается граница между жизнью и смертью.

Примечательно, что роман, начавшись пушкинским эпиграфом, Пушкиным и заканчивается: «Я-то знаю, что чувствовал Пушкин после своей смородиновой речки Черной, но знал ли он, что буду чувствовать я, приданный, преданный, проданный, стоящий, истекая кровью и болью, у самого края пустой вечерней платформы. Звук поезда уже над головой... Или под ногами... Мамин ли голос я слышу впереди, из гремящей темноты, или же это вопль малолетней моей проститутки Олеси-Москвы в спину?! Пора! Черный мураш закрывает черной колодезь. Черный петух взлетает опять на черное дерево и невпопад кричит по-черному, нечеловеческим голосом: «Осторожно, двери закрываются...» – и черная молния поезда застегивается надо мной навсегда... Расколись, скала, расколись...» [7, с. 64].

Последний роман Х. Исмаилова «Танец с дьяволом» (другое название «Пляски бесов», 2015), переведенный на английский Д. Редфилдом (автором романа-биографии об А. П. Чехове), привлекающий читателей тем «космополитическим и культурно разнообразным исламом, о котором редко пишут в западной литературе». Судьба репрессированного узбекского писателя Абдуллы Кадыри, показанная в форме «романа в романе» – это роман о творчестве, где переплетены история и современность, о женщине как хранительнице культуры и традиций, о божественной и дьявольской сути человеческой природы. Прекрасный знаток классической музыки и поэзии Востока, Х. Исмаилов накладывает структуру повествования на композиционную канву национальных песенных форм, что придает современному произведению экспериментаторский характер. В одной из своих статей писатель называет этот прием «кочевой формой» в литературе.

Возвращаясь к Венгрии, приведу еще один пример, характерный для литературы «третьей ноты». Несмотря на то что в Венгрии не так много творческих деятелей, эмигрировавших из стран бывшего СССР, в стране активная художественная жизнь, интенсивно функционирует Русский культурный центр, проводятся встречи и фестивали русской культуры. А каждая книга, написанная в Венгрии на русском языке, становится явлением как российской, так и венгерской культуры.

Таким явлением стала книга Алехана Миталиера (наст. имя Алихан Муталиев) «О!» [13], в которой собраны неопубликованные произведения последних лет. Он родился в Казахстане в семье ингушских спецпереселенцев, покинул Россию более 25 лет назад, тоже вскоре распада Советского Союза, в последние годы живет в Венгрии. Филолог по образованию, воспитанный на лучших образцах западной литературы (в числе любимых писателей называет Джойса, Паунда, Буковски), он глубоко и тонко чувствует язык как отражение философии народа (не случаен в связи с этим и его интерес к компаративным исследованиям истории, языка и культуры венгров).

Книжка А. Миталиера отчетливо демонстрирует процессы, о которых ведется речь. Творческое сознание автора открыто сразу трем культурам – ингушской, русской и венгерской, которые органично сосуществуют друг с другом, обнаруживая удивительные связи.

Это проявляется даже в жанровом характере книги – она трудно поддается жанровому определению, ее невозможно пересказать, в ней нет того, что бы позволило сказать: вот перед вами книга, она написана в определенном жанре и отражает очевидную авторскую концепцию... Внешне – это собрание мини-новелл, фрагментов, афоризмов, сентенций, стихов, иногда биографического характера, что-то вроде «арабесок», разбросанных по поверхности бумаги. Ей очень подходит борхесовское определение «сад расходящихся тропок», ибо читатель путешествует по лабиринтам сознания и подсознания, пересекающихся времен, континентов, городов, национальностей, религий.

Интеллектуальная вписанность А. Миталиера в европейскую культуру несколько не мешает ему оставаться представителем своего народа, определяет строй и направленность книги, ассоциирующей в восприятии читателя с эпифаниями – в джойсовском понимании «деликатными и мимолетными состояниями души». Эти мимолетные состояния (будь то новеллистические или афористические, стихотворные или фотографические) похожи и на дневниковые записи, и на спонтанные лирические импровизации, и на просто диалоги – с друзьями, женщинами, с самим собой – философские, грустно- и светлоироничные одновременно. Переходя от исторической памяти рода (новеллы «Сорок всадников», «Родина дино-

завров», «Игры Сатаны», «Хроника аула Кукушке»), истории навахов и венгерских обитателей маленького городка к мыслям об эфемерности и уязвимости нашей жизни, писатель создает свою вселенную, в которой национальное становится частью наднационального, общечеловеческого...

Выражением этого общечеловеческого становится заглавие книги, в котором и кроется суть вещей, мыслей, проблем, которые волнуют писателя. О – это и пустота, которая у Миталиера пронзительна и ощутима, наполнена множеством вселенных. Это и тоннель, сквозь который читатель переносится через континенты, как в другое измерение, это и египетский иероглиф, обозначающий «свет», и (в восточной символике) выражение активного мужского начала. А еще О – это земной шар, на разных концах которого живут люди, которые дышат одинаково, одинаково смеются и иронизируют над своими напыщенными и глупыми правителями, любят своих женщин, помнят своих предков и верны традициям своего народа – и оказывается, мы все связаны родственными узлами в этом мире, сближающем индейцев-навахов («Навахи Фенимор и Купер») и жителей маленького горного аула со смешным названием Кукушке, местного шерифа и главу райцентра, двух ерничающих интеллектуалов-эмигрантов Барановского и Рамишевского, местного кукушкианского поэта-мудреца Абейдуллу Цагенова и венгерского почтальона Пишту.

Один из притягательных и светлых образов книги, венгерский почтальон Пишта, концентрирует в своем характере все человеческие слабости, жизненные неурядицы и мудрость жизни. Это один из самых интересных и «живых» персонажей книги – ведь «никто не знает лучше о настроениях людей и состоянии дел в стране, чем почтальоны!» Можно было бы сказать, что это авторский вариант героя-чудака, которые живут в культуре каждого народа, но это не совсем так. Пишта – это не только носитель некоей народной философии – он, сам того не осознавая, несет в себе возложенную на себя им самим главную миссию – соединять людей, сопереживать их бедам, мирить их, иронизировать над ними. Он не просто хранитель информации, но и своеобразный коммуникатор, и комментатор, и говоря современным языком, модератор «социальных сетей» маленького городка. Нельзя годами доставлять письма,сылки, рекламу и ничего не знать о человеке. Спроси у Пишты – и он расскажет (часто в пикантных подробностях), у кого в районе проблемы с законом, кто умер, кто сыграл свадьбу, от кого и к кому ушла жена, а также о религии и патриотизме, о тревогах и счастье всего человечества и о качестве пива в соседней корчме... Такую же роль играет своеобразный двойник Пишты – «народный поэт аула Кукушке» Абейдулла Цагенов, величающий себя «великим и скромнейшим певцом Кукушке», – своеобразный alter ego автора – умный, ироничный, насмешливый, изрекающий «с улыбкой» мудрые истины, подтрунивающий над своими изобретательными аульчанами-кукушкианцами, не боясь выставить в смешном виде и самого себя, а через себя – и порядки «республики» Кукушке (миниатюры-притчи и миниатюры-пародии «Модернизация канализации», «Кукушкианцы и санкции», «Творческий бизнес» и др.). И сквозь эти искрящиеся юмором истории и бесконечные байки мы постигаем плутовское торжество автора над жутким «маскарадом» истории, заставлявшей человека ломаться в угоду своим правителям.

И «кавказский синдром» становится здесь для писателя тем философским, нравственным и художественным императивом, ибо «кавказский дух», по Гегелю, «приходит к абсолютному единству с самим собой, только здесь дух вступает в полную противоположность с условиями природного существования, постигает себя в своей абсолютной самостоятельности, вырывается из постоянного колебания туда и сюда, от одной крайности к другой, достигает самоопределения, саморазвития... [3, с. 63].

При этом естественно возникает вопрос: а в какой степени автор испытывает влияние своей родной культуры, родного языка, находясь в пространстве чужого? Так, грузинский писатель и филолог М. Гиголашвили, живущий более 20 лет в Германии, отвечая на вопрос: может ли писатель жить вне своего речевого поля, это ему помогает или мешает? – заметил: «Я постепенно прихожу к выводу, что изоляция и языковое одиночество писателю скорее помогают, чем мешают: он может беспрепятственно погружаться в глубины своего языка, он как бы уходит из зоны контроля, где он постоянно со всех сторон и из всех динамиков окружен полифонией разной чужой речи, часто примитивной, нет каждодневного наплыва и давления речи десятков людей...» [4].

Думаю, с этим можно согласиться – чувство родного языка и родной речи становится в атмосфере другой культуры особенно обостренным. Родная, усвоенная с детства культура является для писателя-эмигранта не просто средством выживания, но и критерием отноше-

ния к миру с его прихотливой сложностью человеческих отношений, представлениями о добре и зле, жизни и смерти...

Список литературы

1. *Абдуллаев Ш.* Первая книга // Интерпоезия. 2018. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2018/2/pervaya-kniga.html> (дата обращения: 29.08.2018).
2. Венгрия за границами Венгрии. М. : Центр книги ВГБИЛ имени М. И. Рудомино, 2015. 272 с.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1977. Т. 3. Философия духа. 471 с.
4. *Гиголашвили М.* На Западе человек становится другим... URL: <https://igor-panin.live-journal.com/90420.html> (дата обращения: 31.08.2018).
5. *Закиров Х.* Судьба книги зависит от читателя. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/poet_khamdam_zakirov_sudba_knigi_zavisit_ot_chitatelaya/10131685 (дата обращения: 30.08.2018).
6. *Закиров Х.* Прозрачность // Textonly. 2011. № 1. URL: <http://textonly.ru/self/?issue=34&article=36021> (дата обращения: 30.08.2018).
7. *Исмайлов Х.* Мбобо // Дружба народов. 2009. № 6. С. 6–64.
8. *Исмайлов Х.* Календарь Москвы заражен Кораном, или Советская империя в поэзии Бродского. URL: <http://library.ferghana.ru/uz/br.htm> (дата обращения: 26.08.2018).
9. Кавафис // Библиотека Ферганы. URL: <http://library.ferghana.ru/kavafis> (дата обращения: 30.08.2019).
10. *Корчагин К.* «Когда мы заменим свой мир...»: ферганская школа в поисках постколониального субъекта // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/2/kogdamu-zamenim-svoj-mir-ferganskaya-poeticheskaya-shkola-v-po.html> (дата обращения: 29.08.2018).
11. *Кукулин И.* Фотография внутренностей кофейной чашки // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 262–282. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/54/ku-pr.html> (дата обращения: 23.08.2018).
12. *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. М. : Эксмо, 2007. 896 с.
13. *Миталиер А. О!* Karlovy Vary : Sklenenymusteks. r. o. 2015. 170 с.
14. На Эдинбургской книжной ярмарке прошел день узбекской литературы // Фергана. Информационное агентство. 19.08.2006. URL: <http://www.ferghananews.com/articles/4548>.
15. *Пушкин А. С.* Полное собрание соч. : в 10 т. Т. 6. М.: АН СССР, 1957.
16. Ферганский словарь. URL: <http://www.ferghananews.com/tesaurus.html> (дата обращения: 29.08.2018).
17. *Чандлер Р.* Дорога из железа, или Путь суфи // Стороны света. Литературный сборник. Нью-Йорк. 2005. № 4. URL: <http://www.stosvet.net/4/chandler> (дата обращения: 26.08.2018).

"Third note" in Russian-language literature of emigration

N. O. Osipova

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of cultural studies, sociology and philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: nina.osipova@list.ru

Abstract. The article presents the artistic specificity of the national and supranational in the literature of writers of the so-called "third note", whose life and work were determined by the "triple" emigration.

As an example, we consider the creativity of representatives of the "Ferghana school", Hungarian and Russian writers, on the one hand, who preserved their national and ethnic identity, their native language, and on the other – entered into a creative dialogue with the culture of another country. At the intersection of three cultures, a special artistic thinking is formed. Creativity, which synthesizes the aesthetics and imaginative world of different cultures, acquires universal meaning, loses its rigid attachment to national realities and characters, and demonstrates cultural diversity (poetry by H. Zakirov, prose by H. Ismayilov, creative work of A. Mitalier).

The uniqueness of Russian-language writers and poets from former national republics (H. Ismayilov, H. Zakirov, A. Mitalier, M. Gigolashvili, etc.) consists in the fact that their language, taking into account the syntax, phraseology, semantics of the native language at the internal (deep) level, when synthesized with the Western European culture (and in the new environment of living in this culture) it was able to generate an original discourse of "hybrid stylistics". At the same time, the native culture acquired from childhood is not just a means of survival for emigrant writers, but also a criterion for their attitude to the world with its whimsical complexity of human relations, ideas about good and evil, life and death.

Keywords: Russian literature, writers of trilingua, "third note", national tradition.

References

1. *Abdullaev Sh.* *Pervaya kniga* [The first book] // *Interpoeziya* – *Interpoezia*. 2018. No. 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2018/2/pervaya-kniga.html> (date accessed: 29.08.2018).
2. *Vengriya za granicami Vengrii* – Hungary beyond the borders of Hungary, Moscow: All-Russian state library of foreign literature n. a. M. I. Rudomino Book Center. 2015. 272 p.

3. Hegel G. V. F. *Enciklopediya filosofskih nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. M. Mysl'. 1977. Vol. 3. Philosophy of the spirit. 471 p.
4. Gigolashvili M. *Na Zapade chelovek stanovitsya drugim...* [In the West, a person becomes different...] Available at: <https://igor-panin.livejournal.com/90420.html> (date accessed: 31.08.2018).
5. Zakirov H. *Sud'ba knigi zavisit ot chitatelya* [The fate of the book depends on the reader]. Available at: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/poet_khamdam_zakirov_sudba_knigi_zavisit_ot_chitatelya/10131685 (date accessed: 30.08.2018).
6. Zakirov H. *Prozrachnost'* [Transparency] // *Textonly*. 2011. No. 1. Available at: <http://textonly.ru/self/?issue=34&article=36021> (date accessed: 30.08.2018).
7. Ismajlov H. *Mbobo* [Mbobo] // *Druzhba narodov* – Friendship of peoples. 2009. No. 6. Pp. 6–64.
8. Ismajlov H. *Kalendar' Moskvyy zarazhen Koranom, ili Sovetskaya imperiya v poezii Brodskogo* [Moscow's calendar is infected with the Koran, or the Soviet Empire in Brodsky's poetry]. Available at: <http://library.ferghana.ru/uz/br.htm> (date accessed: 26.08.2018).
9. Kavafis – Kavafis // *Biblioteka Fergany* – Library of Ferghana. Available at: <http://library.ferghana.ru/kavafis> (date accessed: 30.08.2019).
10. Korchagin K. *"Kogda my zamenim svoj mir...": ferganskaya shkola v poiskah postkolonial'nogo sub'ekta* ["When we replace our world...": the Ferghana school in search of a postcolonial subject"] // *New literary review*. 2017. No. 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/2/kogda-my-zamenim-svoj-mir-ferganskaya-poeticheskaya-shkola-v-po.html> (date accessed: 29.08.2018).
11. Kukulini I. *Fotografiya vnutrennostej kofejnoj chashki* [Photo of the inside of a coffee cup] // *Novoe literaturnoe obozrenie* – New literary review. 2002. No. 54. Pp. 262–282. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/54/ku-pr.html> (date accessed: 23.08.2018).
12. Leont'ev K. N. *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo* [Vostok, Russia and Slavyanism]. M. Eksmo. 2007. 896 p.
13. Mitalier A. *O! Karlovy Vary : Sklenenymusteks. r. o.* 2015. 170 p.
14. *Na Edinburgskoj knizhnoj yarmarke proshel den' uzbekskoj literatury* – The day of Uzbek literature was held at the Edinburgh book fair // *Ferghana. News agency*. 19.08.2006. Available at: <http://www.ferghana.news.com/articles/4548>.
15. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie soch. : v 10 t. T. 6* [Complete collection of works : in 10 vols. Vol. 6]. M. USSR Academy of Sciences. 1957.
16. *Ferganskij slovar'* – Ferghana dictionary. Available at: <http://www.ferghananews.com/tesaurus.html> (date accessed: 29.08.2018).
17. Chandler R. *Doroga iz zheleza, ili Put' sufi* [Road from iron, or the Way of Sufi] // *Storony sveta. Literaturnyj sbornik* – Sides of the world. Analects. New York. 2005. No. 4. Available at: <http://www.stosvet.net/4/chandler> (date accessed: 26.08.2018).

Образы «добрых провинциалов» в повестях В. А. Соллогуба

В. Д. Петухов

аспирант факультета филологии и медиакоммуникаций, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-6346-2171. E-mail: vict.petukhoff@yandex.ru

Аннотация. В данной статье исследуется специфика представления образов жителей столицы и провинции в повестях писателя В. А. Соллогуба. Материалом для статьи послужили повести, написанные им в 1840-е годы. В исследовании представлена новая попытка взглянуть на творчество писателя, которого большинство литературоведов считает исключительно автором светских повестей, писавшем о высшем обществе и для высшего общества. Актуальность обращения к заявленной теме заключается в повышении интереса к творчеству писателя со стороны современных ученых, а также в отсутствии системной научной работы, в которой тема русской провинции отображалась бы наравне с темой столичного света. В ходе исследования выявляется, что провинциальная тема занимает в повестях Соллогуба значительное место. Более того, в заявленной смысловой оппозиции «столица-провинция» авторские симпатии находятся именно на стороне последней. Также прослеживается явное влияние на «провинциальные» повести Соллогуба произведений Н. В. Гоголя, в частности «Ревизора» и «Мертвых душ». Тем не менее, делая выводы, автор отмечает, что несмотря на влияние своего великого современника, Соллогуб сумел творчески переработать гоголевские сюжеты и создать собственный, самобытный художественно полноценный мир русской провинции. Не с карикатурными персонажами-типами, над которыми принято смеяться, а с живыми людьми, чьим судьбам надо сострадать. Помимо этого, автор приходит к выводу, что Соллогуб, на заре своего творческого пути показывавший «просвещенной» публике настоящую провинцию, на закате своей писательской жизни писал уже о столичном свете для «добрых провинциалов».

Ключевые слова: русская литература XIX века, В. А. Соллогуб, светская повесть, русская провинция.

Имя писателя В. А. Соллогуба ассоциируется в литературоведении прежде всего с миром «большого света», а вовсе не с миром русской провинции. Например, исследователь творчества писателя И. С. Чистова однозначно определяет Соллогуба в светские авторы. Во вступительной статье к сборнику повестей и воспоминаний писателя она пишет: «Соллогуб, испытав некоторое влияние Гоголя, ощутимое в "Истории двух калош", вскоре находит свою тему в современной прозе: жизнь светского общества». [12, с. 5] Другой известный литературовед Е. И. Кийко также отмечает Соллогуба в первую очередь как знатока светских нравов: «В. А. Соллогуб вошел в историю русской литературы главным образом как автор "Тарантаса" и нескольких других повестей, критически изображавших отдельные стороны жизни светского общества» [3, с. 3]. Солидарна с коллегами в этом вопросе и М. Белкина, которая отмечает, что такие повести, как «Два студента», «Три жениха», «История двух калош», «Большой свет», «Лев», «Аптекарьша», «...легко укладываются в общий шаблон светской повести: та же узко ограниченная среда, та же любовная интрига, развертывающаяся в атмосфере балов, маскарадов, пирушек; то же легкое, чуть насмешливое осуждение пустоты и испорченности большого света» [1, с. 7].

Между тем такие высказывания в отношении Соллогуба не совсем справедливы. Напротив, описание жизни русской провинции на протяжении всей его творческой деятельности занимало значительное место. Например, ранняя повесть «Три жениха» написана Соллогубом именно под впечатлениями о поездке по русской провинции, о чем прямо говорит та же Кийко: «Повесть "Три жениха" свидетельствует, что поездки по русской провинции не прошли бесследно для начинающего писателя. Соллогуб рассказывает в ней о жизни губернского города и создает запоминающиеся образы его обитателей...» [3, с. 8].

Со своей стороны Н. Якушин, говоря о другом раннем рассказе Соллогуба «Сереже», отмечал, что он (рассказ) «... открывал собой целый цикл произведений Соллогуба, посвященных жизни светского общества» [13, с. 9]. С этим утверждением трудно спорить, однако, важно отметить, что действие этого «светского» произведения по большей части развивается не в Петербурге, а как раз в провинции, куда и сбегает из высшего общества главный герой. Весьма любопытна при этом авторская позиция: Соллогуб, являясь, несомненно, человеком светским, не только не иронизирует над жизнью провинциалов, а, напротив, с теплой грустью

вспоминает то, что у любого светского льва вызовет в лучшем случае лишь высокомерную усмешку: *«Провинция! Провинция! Помню я тебя, с твоими уездными городами, с твоими отставными генералами, с твоим вистиком, с твоим бостончиком, со всеми твоими затеями... Помню и незабвенные твои балы – драгоценные воспоминания уездных барышень!..»* [10, с. 50].

То, что провинциальные «пейзажи» Соллогуб взял именно на себя, а не возложил на своего героя, легко объясняется при более близком знакомстве с этим героем – типичным представителем «большого света», который вряд ли бы ушел в своих рассказах о деревенской жизни дальше пары-тройки провинциальных анекдотов. Чего стоит хотя бы сцена встречи с крестьянами, на которой Сережа наставляет мужиков цитатами из романа г-жи Жанлис: *«Смотрите же, работайте хорошенько, трудитесь, любите друг друга, ходите в церковь, уважайте своего управляющего – и вы все будете счастливы»* [10, с. 44].

В том же духе Сережа ведет себя и дальше, а потому вполне логично, что герой, казалось бы, сбежав от «большого света» в деревню, в конце концов сбегает из деревни обратно в «большой свет» и *«меняет счастье жизни на приманки малодушного тщеславия»* [10, с. 36]. Что и говорить, доверить такому человеку, как Сережа, «провинциальные зарисовки» Соллогуб, конечно же, не мог, а потому именно он, а не его непутевый герой отвечает в повести за создание провинциального антуража. Взять хотя бы монолог, открывающий повесть. Это вовсе не сережины мысли, а мысли именно авторские. Соллогуб напрямую обращается к читателю, в то время как герой молча едет в телеге: *«Скучно ездить по святой Руси, нечего греха таить, куда как скучно!.. Ну так взгляните хоть на проезжающих. Сколько их тут!.. Это позабавит вас на полчаса. Но вот начинается настоящее вам горе, пропали вы совсем: вы сворачиваете с большой дороги и едете проселком. Горе вам, горе, горе, горе! Дорога делается хуже, вольных лошадей и неволю едва ли придется вам достать. Грязно, скучно, досадно!»* [10, с. 39–40].

Наметившаяся в «Сереже» смысловая оппозиция «столица-провинция» получает развитие в следующих произведениях писателя. Например, в повести «Лев», которая примечательна тем, что Соллогуб обращается к читателю уже не в форме лирических отступлений, а напрямую, так как он является непосредственным героем повести. Столицу олицетворяет собой светский «лев» – типичный представитель большого света, комический сердцеед и франт. Соллогуб, называясь другом героя, тем не менее весьма критически отзываясь и о нем, и о светском обществе в целом. Глядя на него, по мнению писателя, нельзя делать глобальных выводов обо всех людях в России. Точно так же нельзя судить обо всей стране исключительно по одному лишь Петербургу, который по сути своей – всего лишь точка на карте: *«Петербург – точка в России; модный свет точка в Петербурге. Можно ли распространять эту точку на всю огромную нашу родину?»* [7, с. 58]. Тем не менее сам автор-герой, отрешившись от большого света, («... я оставил великосветскую жизнь, я распростился с моими модными приятелями и довольствуюсь с ними единственно шапочного знакомства» [7, с. 60]) также не является и провинциалом. Он всего лишь сторонний наблюдатель, связывающий между собой два этих мира.

Олицетворением же провинции в повести является барыня Марфа Матвеевна, прибывшая в Петербург из Симбирска вместе с дочерью-невестой. Все в образе Марфы Матвеевны противопоставляет ее свету, начиная нелепым маскарадным костюмом и заканчивая речью. Недаром в разговоре с автором она прямо называет столицу *«вашим Петербургом»* [7, с. 71]. Конфликт столицы и провинции в повести переходит в «горячую фазу», когда «светский хищник», перепутав на маскараде дочь Марфы Матвеевны со своею светскою пассией, оскорбляет ее непристойными речами, за что получает от «травоядной» симбирской барыни прилюдную выволочку.

Несмотря на явное моральное превосходство Марфы Матвеевны над столичным львом, Соллогуб не спешит осуждать своего героя, занимая, скорее, нейтральную позицию в этом конфликте. Во-первых, он прекрасно знает, что когда-то и сам лев был скромным «травоядным» провинциалом, а во-вторых, автор догадывается, что и дочь Марфы Матвеевны – выгодная невеста – в скором времени и сама, вероятно, станет светской львицей. Более определенно о своей симпатии и прямой принадлежности именно к миру провинции писатель заявляет в другой «зоологической» повести «Медведь». Обширное сравнение преимуществ жизни деревенской над жизнью столичной Соллогуб начинает с зеркальной Марфе Матвеевне фразы: *«То ли дело наша деревенская жизнь»* [8, с. 387].

Тема же морального превосходства скромных провинциалов над представителями высшего общества прослеживается в повести «Аптекарьша», говоря о которой нельзя не упо-

мянуть Н. В. Гоголя. Дело в том, что русская провинция ассоциируется у большинства читателей именно с его произведениями. Об этом, в частности, говорит и Р. Казари, который отмечает, что именно «Мертвые души» определили «парадигму провинциального текста в русской литературе» [2, с. 164]. Помимо «Мертвых душ», нельзя не упомянуть и о гоголевском же «Ревизоре», который, как нам кажется, оказал на парадигму «провинциального текста» не меньшее влияние. Говоря же о характере «парадигмы провинциального текста», заложенной этими произведениями, нельзя не отметить, что она приобрела ярко выраженную сатирическую окраску. Правда, надо заметить, что великую гоголевскую сатиру поняли, увы, далеко не все столичные читатели. Например, эпитафия «Ревизора» «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» предполагает, что зритель будет потешаться не столько над вымышленными провинциальными жуликами-чиновниками, сколько над самим собой. Однако, повторимся, глубоко «Ревизора» прочувствовали очень немногие. Большая же часть зрителей, никогда не бывавшая в провинции, поняла комедию буквально. Больше того, как нам представляется, именно в этом поверхностном понимании кроются корни того, что типичным провинциалом в нашей литературе является какой-нибудь Добчинский или Бобчинский, а не, допустим, Самсон Вырин или Татьяна Ларина.

Ярким доказательством этого тезиса может служить характерный эпизод из «Аптекарьши», где Соллогуб продемонстрировал «эффект «Ревизора» в действии: «Смотрите же, – пишет в письме светская дама барону Фарингейму, главному герою повести, который по делам оказался в маленьком уездном городишке, – с вашей стороны не влюбиться в какую-нибудь жену этих монстров, которых я видела в “Ревизоре”» [4, с. 157].

К слову, столь пренебрежительное отношение столичной публики к провинциалам не было для Соллогуба каким-то открытием. Ведь уже в своей ранней повести «Сережа», вышедшей в печать задолго до «Аптекарьши» и «Ревизора», Соллогуб рисует во многом схожую сцену: «С какими ты, брат, **скотами** здесь познакомился?» [10, с. 34] – вместо приветствия бросает главному герою Сереже его столичный друг Саша, приехавший «спасать» бедного Сережу от женитьбы на деревенской девушке и в целом «жизни патриархальной». Не дав Сереже толком ничего ответить, Саша продолжает свою тираду: «А ты, брат, настоящий Бальзак, подпоручик Бальзак: все сочиняешь романы. Чего доброго, не влюблен ли ты в какую-нибудь **птичницу**?.. Я тебя знаю. В деревне молоко, природа, сметана, чистая любовь у ручейка, за обедом ватрушки – жизнь патриархальная. Это все очень трогательно» [10, с. 34].

Разница между Сашей и светской дамой, пожалуй, лишь в том, что Сашин хамский монолог прямо указывает на невежество говорящего, в то время как выдержка из письма светской дамы представляет собой, если можно так сказать, «просвещенное» невежество. Ведь дама почерпнула свои столь обширные знания о провинциальном мире не где-нибудь, а в театре: «Вообразите, – пишет дама далее, – я была в первый раз в жизни в русском театре! “Ревизор”, сочинение какого-то Гоголя. Довольно смешно, только дурного вкуса...» [4, с. 194].

Важно отметить, что, показывая влияние гоголевских произведений на умы «сливок» общества, Соллогуб ни в коем случае не думал критиковать самого Гоголя. Напротив, повторим, что провинция Соллогуба во многом схожа с гоголевской.

Так, в повести, конечно, присутствует главное провинциальное лицо – городничий. Помимо него есть франтик, рассказывающий все местные слухи и постоянно вертящий в руках безделушки столичного гостя. Есть и внефабульные персонажи с говорящими фамилиями, также характерные для гоголевского творчества. Стоит ли говорить, что события «Аптекарьши» проходят на фоне незабываемых пейзажей: «Лужи с утками, грязная зелень, бабы с тряпьем, тарантас с заседателем, домики с разбитыми стеклами, заклеенными бумагой» [4, с. 189].

Соллогуб, зная о буквальном восприятии столичной публики, смеется вовсе не над «аборигенами», а как раз над светским львом, который от нечего делать задумал немножко приударить, как это принято в большом свете, за местной аптекаршей. Каково же было его удивление, когда совершенно неожиданно он понял, что влюбился в нее! То есть влюбился в «жену одного из этих монстров». Правда, кажущийся таким легким и несерьезным сюжет постепенно превращается в самую настоящую драму. Происходит это уже в самом конце повести, когда Соллогуб показывает нам истинного главного ее героя – аптекаря. Он предстает перед нами не каким-то карикатурным чудовищем, как это видится столичным барышням, а, напротив, человеком, который ради любимой женщины и ее счастья готов пожертвовать и своей честью, и своей гордостью. И именно поэтому незаметный аптекарь в духовном плане стоит куда выше нежели петербургский повеса. Соллогуб тем самым словно бы проводит по-

верхностного зрителя за сцену «Ревизора». Писатель говорит, что провинция наполнена не одними ляпкиными-тяпкиными, а самыми обыкновенными *живыми* людьми со своими чувствами и душевными терзаниями.

Куда менее пафосно и драматично тема провинции получает развитие в рассказе «Собачка». В этом произведении городничий (конечно же, мошенник) буквально следует по стопам все того же Ляпкина-Тяпкина и получает взятку в виде визжащей болонки. Однако масштаб мысли городничего намного шире: помимо собаки, он просит для себя еще и *«пятьсот рублей себе, триста рублей архитектору, жене шаль в триста рублей»* [11, с. 391].

Справедливости ради, надо сказать, что городничий, будучи взяточником, является далеко не главным злом. Выше него, а значит, и еще жаднее, оказывается ревизор, которого, как известно, боится любой городничий. Сцена признания городничего является явной аллюзией на знаменитую немую сцену настоящего «Ревизора»: *«– А что бы ты на то сказал, – продолжал городничий, наклоняясь на ухо к своему собеседнику, – если и сам-то я иначе делать не мог, если б с ярмарки-то надо было мне самому поднести господину губернскому чиновнику пятнадцать тысяч рублей, – ты мне их, что ли, дашь?.. а?..»* [11, с. 396].

Писатель таким образом иронично восстанавливает «естественный ход вещей», нарушенный Хлестаковым, который получил от чиновников то, что должен был забрать настоящий ревизор. Поэтому ревизор в интерпретации Соллогуба представляется уже не предтечей неизбежной кары чиновникам за все их многочисленные грехи, а таким же банальным взяточником.

«Второй акт» Теменевской ярмарки, повесть «Воспитанница», казалось, должен продолжить историю городничего и компании, потому что действие повести проходит в тех же теменевских «декорациях», однако, Соллогуб неожиданно порывает со всеми аллюзиями на тему «Ревизора» и «Мертвых душ» и дает отставку всей «старой труппе». Единственное упоминание персонажей первого акта подчеркивает лишь ту самую общность декораций: *«... в Теменеве мало произошло перемен. Шрейн и Поченовский покончили свое существование. Городничий был переведен за отличные способности к службе на какое-то важное место. Мучной сарай не чинился, не поправлялся и поныне стоит в том же виде, как прежде, и приглашает странствующих актеров»* [5, с. 403].

Это может показаться даже странным, особенно если учесть, что посвящена повесть как раз Гоголю. Однако, если основное действие повести – трагическая судьба юной актрисы в стенах передвижного театра – вряд ли было близко творчеству Гоголя, то вот вступление, вполне возможно, адресовано именно ему. В этом своеобразном антракте, разделяющем первый и второй акты Теменевской ярмарки, Соллогуб прогуливается по улочкам провинциального города и неожиданно отмечает множество заметных улучшений в быту губернского города: *«Случай привел меня в губернский город X; и тут заметил я разные утешительные улучшения в наружности в нашем губернском быту: в наружности и во внутренности домов уже реже встречается прежнее неряшество; постоянное пьянство начали почитать несчастием; на отъявленных взяточников уже указывают пальцами; мужчины читают иностранные газеты, а на дамских столиках лежат брюссельские издания и разные книжонки русского издания, в числе которых – прошу не прогневаться – и мои смиренные повести»* [5, с. 377–378].

К слову, последняя фраза вступления – это не просто наивная попытка потешить собственное писательское самолюбие, а, скорее, осознание перехода на новый творческий рубеж. Дело в том, что молодой Соллогуб, будучи писателем светским, показывал, как мы уже отметили, просвещенной публике настоящую провинциальную жизнь: не смешную, а требующую сочувствия, сострадания. В свою очередь, Соллогуб зрелый, напротив, показывает провинциалам светскую жизнь без прикрас и без мишуры. Характерным примером в этом отношении служит типичная светская повесть «Княгиня», в которой Соллогуб прямо ограждает «добрых провинциалов» от идеалов светской жизни: *«Этот очерк столичных нравов написан не для провинциалов: они, добрые люди, не поймут, чтоб женщина могла шалить общественным мнением и радоваться нареканиям и завистливым осуждением толпы; они не поймут, добрые люди, странного угара людей, вечно танцующих, вечно ищущих чего-то... – и пусть не понимают!»* [6, с. 211].

Интересным нам это вступление видится еще и тем, что Соллогуб пишет его из *настоящего*, в то время как основное действие повести «Воспитанница» представляет собой, что называется, хронику и происходит задолго до посещения Соллогубом города X, где он, собственно, и записал историю. Соответственно, проделки городничего из первого акта Теменевской ярмарки происходили и того раньше.

Из этого не следует, однако, что Гоголь напрасно хулил провинциальное чиновничество, чьи прегрешения на самом деле остались далеко в прошлом. Напротив, Соллогуб скорее ставит Гоголю в заслугу, что теперь в самой провинции, а не в той же столице «на отъявленных взяточников указывают пальцами». Но теперь, когда постыдные пороки выявлены и осмеяны, Соллогуб как бы предлагает Гоголю обратить мощь своего таланта в противоположную сторону, показать не какими русские люди были, а какими они должны быть, к чему, быть может, они должны стремиться. Сложно сказать, прислушался ли Гоголь именно к Соллогубу, или же сам пришел к пониманию того, что в его творчестве наступает некий новый этап, но его нашумевшие «Выбранные места из переписки с друзьями» представляют собой кардинальную перемену взглядов писателя.

Сам же Соллогуб, пожалуй, не претендовал на роль какого-то пророка или властителя дум, а потому решал задачи, быть может, менее глобальные, но по-своему не менее значимые. В следующей своей повести «Метель», случайно сведя на Богом забытой почтовой станции, столичного офицера и провинциальную барыню, Соллогуб без свойственной ему иронии дает своим героям просто поговорить и неожиданно выяснить, что разными путями они пришли к одному жизненному итогу: «... я от излишества, – говорит своей случайной спутнице молодой офицер, – вы от недостатка – мы **оба** дожили до **одного**, то есть до тяжелой скуки» [9, с. 427]. И пусть итог этот не кажется утешительным, пусть героям не суждено быть вместе: «Судьба нам не назначила быть вместе, но пусть же останется нам сознание, что, когда мы сошлись случайно, мы поняли друг друга, оценили друг друга, и по крайней мере нам будет теплое задуманное воспоминание: вам – в скучной вашей деревне, мне – в скучной моей светской жизни» [9, с. 429]. Для Соллогуба, пожалуй, главным является не счастливый финал, а то, что в лице главных героев столица и провинция наконец-то смогли объясниться и понять друг друга.

Подводя итоги нашего небольшого исследования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, В. А. Соллогуб не был автором, писавшим исключительно о «большом свете» и его обитателях. Напротив, изображение русской провинции и ее жителей занимало значительную часть в его творчестве. Более того, чем старше становился писатель, тем более «провинциальными» становились его тексты.

Во-вторых, в изображении жителей русской глубинки Соллогуб, во многом опираясь на гоголевскую «провинциальную» традицию, все же стремился не столько высмеивать провинциалов, сколько показывать их человеческое лицо, которое скрывает от читателей и зрителей гоголевская сатира. Исходя из этого, подчеркнем, что Соллогуб, создавая образы «добрых провинциалов», боролся, конечно же, не с Гоголем, а с поверхностным пониманием его произведений столичной публикой.

В-третьих, несмотря на все явные различия между жителями столицы и провинции в ранних повестях писателя, ему все же удалось на страницах своих поздних повестей примирить их, показав тем самым, что место жительства не влияет на внутренние качества человека.

Список литературы

1. Белкина М. А. Водевиль Соллогуба. М., 1937. С. 7.
2. Казари Р. Русский провинциальный город в литературе XIX в. Парадигма и варианты // Русская провинция: миф-текст-реальность. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 164–170.
3. Кийко Е. И. В. А. Соллогуб // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М., 1962. С. 3–8.
4. Соллогуб В. А. Аптекарьша // Тарантас: повести. СПб.: Азбука, 2012. С. 107–164.
5. Соллогуб В. А. Воспитанница // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М.: Правда, 1988. С. 377–403.
6. Соллогуб В. А. Княгиня. Сочинения графа В. А. Соллогуба: в 5 т. Т. 2. СПб.: А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 211.
7. Соллогуб В. А. Лев // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М.: Советская Россия, 1988. С. 58–71.
8. Соллогуб В. А. Медведь. Сочинения графа В. А. Соллогуба: в 5 т. Т. 1. СПб.: А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 387.
9. Соллогуб В. А. Метель // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М.: Правда, 1988. С. 427–429.
10. Соллогуб В. А. Сережа // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М.: Советская Россия, 1988. С. 36–50.
11. Соллогуб В. А. Собачка. Избранная проза. М.: Правда, 1983. С. 373–397.
12. Чистова В. А. Беллетристика и мемуары Владимира Соллогуба // Соллогуб. Повести. Воспоминания / В. А. Соллогуб. Л.: Художественная литература, 1988. С. 5.
13. Якушин Н. И. Писатель с замечательным дарованием // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М.: Советская Россия, 1988. С. 9.

Images of "good provincials" in the stories of V. A. Sollogub

V. D. Petukhov

postgraduate student of the faculty of philology and media communications, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-6346-2171. E-mail: vict.petukhoff@yandex.ru

Abstract. This article examines the specifics of the representation of images of residents of the capital and the province in the stories of the writer V. A. Sollogub. The material for the article was stories written by him in the 1840s. The study presents a new attempt to look at the work of a writer who is considered by most literary critics to be exclusively the author of secular novels, who wrote about high society and for high society. The relevance of the appeal to the stated topic is to increase the interest in the writer's work from modern scientists, as well as in the absence of systematic scientific work in which the theme of the Russian province would be displayed on a par with the theme of the capital's light. The research reveals that the provincial theme occupies a significant place in Sollogub's stories. Moreover, in the declared semantic opposition "capital-province" author's sympathies are on the side of the latter. There is also a clear influence on the "provincial" stories of Sollogub works of N. V. Gogol, in particular "The inspector" ("Revizor") and "Dead souls" ("Mertvye dushi"). Nevertheless, drawing conclusions, the author notes that despite the influence of his great contemporary, Sollogub was able to creatively rework Gogol's stories and create his own, original, artistically complete world of the Russian province. Not with caricature characters-types that are usually laughed at, but with real people whose fates need to be pitied. In addition, the author comes to the conclusion that Sollogub, at the dawn of his creative career, showed the "enlightened" public a real province, at the end of his writing life, wrote about the capital's light for "good provincials".

Keywords: Russian literature of the XIX century, V. A. Sollogub, secular novel, Russian province.

References

1. Belkina M. A. *Vodevil' Solloguba* [Vaudeville of Sollogub]. M. 1937. P. 7.
2. Kazari R. *Russkij provincial'nyj gorod v literature XIX v. Paradigma i varianty // Russkaya provinciya: mif-tekst-real'nost'* [Russian provincial city in the literature of the XIX century. Paradigm and options] // *Russkaya Provinciia: mif-tekst-real'nost' – Russian province: myth – text – reality*. M. ; SPb. Tema. 2000. Pp. 164–170.
3. Kijko E. I. *V. A. Sollogub* [V. A. Sollogub] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. 1962. Pp. 3–8.
4. *Sollogub V. A. Aptekarsha* [Pharmacist woman] // *Tarantas : povesti – Tarantas : novels*. SPb. Azbuka. 2012. Pp. 107–164.
5. *Sollogub V. A. Vospitannica // Povesti i rasskazy / V. A. Sollogub* [Pupil] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Pravda. 1988. Pp. 377–403.
6. *Sollogub V. A. Knyaginya. Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t. T. 2* [The Princess. Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 2]. SPb. A. Smirdin (son), 1855–1856. P. 211.
7. *Sollogub V. A. Lev* [Lion] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Soviet Russia. 1988. Pp. 58–71.
8. *Sollogub V. A. Medved'. Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t. T. 1* [Bear. Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 1]. SPb. A. Smirdin (son), 1855–1856. P. 387.
9. *Sollogub V. A. Metel'* [Snowstorm] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Pravda. 1988. Pp. 427–429.
10. *Sollogub V. A. Serezha* [Serezha] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Soviet Russia. 1988. Pp. 36–50.
11. *Sollogub V. A. Sobachka. Izbrannaya proza* [Dog. Selected prose]. M. Pravda. 1983. Pp. 373–397.
12. *Chistova V. A. Belletristika i memuary Vladimira Solloguba* [Fiction and memoirs of Vladimir Sollogub] // *Sollogub. Povesti. Vospominaniya – Sollogub. Novels. Memoirs / V. A. Sollogub*. L. Hudozhestvennaya Literatura. 1988. P. 5.
13. *Yakushin N. I. Pisatel' s zamechatel'nym darovaniem* [Writer with a remarkable talent] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Soviet Russia. 1988. P. 9.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 82(470.342)

DOI: 10.25730/VSU.2070.20.013

Возвращение забытого вятского поэта: Ермил Костров и русская поэзия XVIII века

А. В. Петров¹, С. В. Харитонова²

¹доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова.

Россия, г. Магнитогорск. ORCID: 0000-0002-3664-4487. E-mail: alexpetrov72@mail.ru

²кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова.
Россия, г. Магнитогорск. ORCID: 0000-0002-4603-9387. E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Аннотация. Рецензируется вышедшая в 2019 году научная монография «Творчество Е. И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII века», написанная доцентом кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета А. Г. Масловой. Издание книги приурочено к 265-летию со дня рождения поэта – уроженца Вятской губернии. В монографии предлагается оригинальный подход к изучению феномена «забытого писателя» и делается существенный вклад в развитие кировского (вятского) литературного краеведения. Аналитическая часть исследования представлена четырьмя главами. Первая глава содержит детальный критический обзор истории «кострововедения», начиная с XIX века и заканчивая 10-ми годами XXI века. Наука о поэте эволюционировала от собирания «анекдотов» о добродушном пьянице до указаний на серьезный вклад Кострова в переводоведение, в развитие предромантизма, в становление русской орнаментальной прозы и философской поэзии. В центре второй главы – жанрово-тематические особенности костровской поэзии. Подчеркивается, что должность университетского стихотворца, не предполагавшая выражения личных чувств, а требовавшая лишь соблюдения определенных правил, как бы остановила индивидуальное развитие поэта, заставив его вернуться к стилистике ломоносовских од. Подробно рассматриваются топика од Кострова и поэтические жанры, в которых он «работал». Третья глава посвящена анализу библейских сюжетов, мотивов и образов; «метафизики» и символики Света; образов природы; феномена Времени в творчестве поэта. В заключительной главе монографии конструируется «портрет Ермила Кострова» – воссоздается его творческая индивидуальность, формирующаяся в перекрестье диалогов – с античными авторами, с современниками, с Богом.

Ключевые слова: Е. И. Костров, русская поэзия XVIII века, вятские писатели, историческая поэтика, лирические жанры.

В конце 2019 года кировский исследователь Анна Геннадьевна Маслова, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета, выпустила в свет научную монографию «Творчество Е. И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII века». Книга написана в канун 265-летия со дня рождения поэта – уроженца Вятской губернии, а с 1779 г. – официального стихотворца Московского университета. Ермил Иванович Костров умирает в самом конце 1796 г., на месяц пережив императрицу Екатерину II, певцом царствования которой, по сути, и являлся. Свою славу он, в отличие от ряда своих современников, не пережил и был хорошо знаком читателям как минимум до половины XIX века. В 1849 г. А. Ф. Смирдин переиздает сборник сочинений Кострова, а в начале 1850-х гг. другой некогда известный, но ныне также забытый писатель Нестор Васильевич Кукольник сочиняет драму в стихах «Ермил Иванович Костров». С этого времени известность Кострова идет на убыль, и современному читателю он знаком лишь по 27 стихотворениям, напечатанным во втором томе «Поэтов XVIII века» (1972). Отдельного тома в «Библиотеке поэта» Костров не удостоился; до сих пор нет и полного собрания его сочинений и переводов. Что касается научного изучения жизни и творчества поэта

филологами XIX–XXI веков, то оно представлено «анекдотами», критическими заметками в журналах, очерками и обзорными работами. На этом фоне не удивительно, что А. Г. Маслова ставит вопрос о «феномене Кострова» [5, с. 4], закономерно спрашивая: «почему?», «как?», «что?» [5, с. 6–7]. Почему труды Кострова-переводчика оказались не востребованы после его смерти? Почему столь самобытный писатель не встал в один ряд с Державиным или Карамзиным? Почему его авторское «я» почти не проявило себя в ту эпоху, когда *индивидуальность* заявила о себе во всех областях творчества? (См.: [6; 8]). Ответы на эти и другие актуальные вопросы современной науки о русском XVIII веке и содержит рецензируемая монография.

А. Г. Маслова предлагает увидеть в Кострове оригинального поэта, который всегда «занимал свою особую позицию» в литературном процессе той эпохи [5, с. 10]. В связи с этим исследовательница считает необходимым отказаться от традиционного – хронологического – рассмотрения творчества Кострова, нивелирующего его самобытность, и обращается к феноменологическому и мотивному анализу наследия поэта. Эта исследовательская задача нашла свое выражение в четырехчастной структуре монографии.

Первая глава представляет собой детальный историко-литературный критический обзор того, как развивалось «кострововедение», начиная с XIX в. и заканчивая литературоведческими работами 2010-х гг. Автор указывает, что критики XIX в. занимались восстановлением биографии Кострова, собиранием «анекдотов» о нем, выявлением его связей и отношений с известными деятелями и замечательными личностями XVIII столетия (А. В. Суворов, Г. А. Потемкин, Г. Р. Державин). С точки зрения биографической ученые XIX в. создали привлекательный образ поэта-чудака, добродушного и простосердечного [5, с. 15]. В контексте историко-литературном Кострову было найдено место среди поэтов-классицистов второго ряда. П. О. Морозов, автор монографии 1876 г. о Кострове, считал поворотным для него 1784 год, когда под влиянием Державина и Апулея поэт стал писать проще, искреннее и «нежнее» [5, с. 21]. Однако главной в творчестве Кострова для П. О. Морозова и для других критиков XIX в. была переводческая деятельность, в которой ученые в особенности выделяли переводы Апулея, Гомера и Оссиана. В контекст вятской литературы XVIII в. поэзию Кострова включил в 1896–1897 гг. вятский краевед А. С. Верещагин. В целом наука XIX в., справедливо считает А. Г. Маслова, поставила саму проблему вклада Кострова в развитие русской словесности, но не предложила вдумчивого и многопланового анализа его творчества. Литературоведение и краеведение XX в. обогатили «кострововедение», во-первых, новым взглядом на писательскую позицию Кострова – едва ли не романтическую (точка зрения Г. А. Гуковского); во-вторых, открытием новых стихотворений поэта и его автографов (Н. П. Изергина; В. А. Бердинских); в-третьих, обнаружением оппозиции/диалога «московского» (Костров) и «петербургского» (Державин) поэтов (К. Г. Бронников); в-четвертых, анализом стиля костровских переводов «Илиады» (А. Н. Егунов) и поэм Оссиана (Ю. Д. Левин). Литературоведение XXI в., обратившееся к изучению творчества Кострова, представлено немногочисленными, в общем, статьями и разделами в монографиях таких исследователей, как А. Г. Маслова (см., например: [3; 4]); авторы «Костровского сборника» (Г. А. Охотина, К. Д. Максимович, Ю. Б. Орлицкий, В. В. Сдобнов, Л. Н. Лузянина, В. А. Поздеев [2]); А. В. Петров [6, с. 138–149]; М. Г. Альтшуллер [1]. В их работах представлены биографический, рецептивный, философский, компаративный, стиховедческий, феноменологический подходы. В итоге в первой главе монографии А. Г. Масловой прослежена эволюция существующих представлений о жизни и творчестве Кострова – от «анекдотов» о добродушном пьянице до указаний на его серьезный вклад в переводоведение, в развитие предромантической поэтики, в становление русской орнаментальной прозы и философской поэзии.

Во второй главе своего исследования А. Г. Маслова описывает жанрово-тематические особенности поэзии Кострова. В параграфе 2.1 на материале «Стихов... архимандриту Иоанну» (1773) убедительно доказывается, что к «смешанной» оде поэт обратился за несколько лет до Г. Р. Державина и что образ его лирического героя «вполне индивидуален». Интересна мысль исследователя о том, что должность университетского стихотворца, не предполагавшая «выражения личных чувств», а требовавшая лишь соблюдения «определенных правил», как бы остановила индивидуальное развитие юного поэта, заставив его вернуться к стилистике ломоносовских од [5, с. 51]. В параграфе 2.2 скрупулезному анализу подвергается топика костровских од 1778–1789 гг., а «эмоции лирического героя» рассматриваются как их «тема»; доказывается тезис о зависимости стиля поэта от тематики, «предмета изображения», одического «случая». Параграф 2.3 содержит ценный аналитический обзор тех поэтических жанров, в кото-

рых «работал» университетский стихотворец. Кроме од, это: песнь, песня, эпистола, письмо, эклога, идиллия, эонические (новогодние) стихи, стихи «на смерть», переложение псалма, мадригал, станс, басня, «легкие» стихи, «застольные» стихи, стихи «на случай», пролог. В завершение главы А. Г. Маслова отмечает, что в одических стихотворениях Кострова формируется и воссоздается «образ идеального поэта» и образ идеального человека [5, с. 88–89].

Третья глава монографии имеет особую научную ценность, поскольку А. Г. Маслова впервые в отечественной филологии подвергает скрупулезному анализу мотивику и образность стихотворений Кострова. Несмотря на то что исследователи еще в XIX в. указывали на широкое использование Костровым, выходящем из духовной семинарии, библейских мотивов и образов, последние почти не были проанализированы в нашей науке. Параграф 3.1 рецензируемой монографии восполняет этот пробел. Наблюдения А. Г. Масловой позволяют утверждать, что в одах Кострова происходит христианизация и политизация ветхозаветных сюжетов, в частности оппозиции «Закон и Благодать» и идеи избранного народа (каковым у русских одических поэтов являются «Россы»); что определяющим в «аксиологической парадигме» поэта оказывается концепт «Кротость». Оригинальным исследовательским сюжетом в параграфе 3.1 является «метатекст» о митрополите Платоне (Левшине), которому Костров посвятил четыре стихотворения. В них создан образ мудреца, несущего пастве «священное слово» и «Божественный свет». Метафизике и символике Света не только в поэзии Кострова, но и в русской культуре кировский литературовед посвящает раздел 3.2 своей монографии. Анализ световых образов, мотивов и формул проводится на широком фоне, как литературном, так и научном. Материалом данного «микроисследования» стали 25 произведений Кострова разных жанров. Хотелось бы выделить раздел 3.3 монографии, посвященный образу Природы в стихах Кострова. Не будучи поэтом-живописцем и оставшись в этом смысле классицистом, он сумел использовать образы природы в их многообразных художественных функциях (прежде всего символических и аллегорических). Их анализ в данном разделе монографии можно считать образцовым для исследователей исторической поэтики. Немало нового А. Г. Масловой удалось сказать и о феномене Времени в поэзии Кострова (раздел 3.4), в частности в его эонических стихах (см. об этом наши работы: [6; 7]). В целом же наблюдения и выводы, сделанные в третьей главе рецензируемой монографии, имеют широкое, относящееся ко всей русской поэзии XVIII в. значение, в особенности к истории жанров и одической топики.

В заключительной, четвертой главе исследования А. Г. Маслова предпринимает интереснейшую попытку сконструировать «портрет Ермила Кострова» – воссоздать творческую индивидуальность поэта по его произведениям. По убедительно доказанному мнению исследовательницы, «феномен Кострова» складывается, во-первых, из его индивидуализированного восприятия образов античной мифологии (образы Муз, Беллоны, Фессалии, Иппокрены); во-вторых, в результате проецирования на себя облика Гомера – поэта, «не признанного при жизни» [5, с. 142]; в-третьих, в *творческом диалоге* с Г. Р. Державиным – интерпретатором 81-го и 18-го псалмов и мастером «словесной живописи» и индивидуализированных портретов «героев»; в *дружеском диалоге* – с А. В. Суворовым; наконец, в *диалоге метафизическом* – с Богом. В результате в костровских стихах возникает образ «московского» поэта, живущего в «стесненных материальных условиях» и чувствующего «трагизм собственного существования», желающего «учить поэзии с кафедры», занимающего твердую нравственную позицию, утверждающего идею «торжества света над мраком», преодолевающего греховные сомнения в благости Творца и в самом Его существовании [5, с. 158–163].

Завершается монография выводами и ценной библиографией.

Следует подчеркнуть, что книга А. Г. Масловой может быть полезна и интересна не только специалистам, изучающим историю русской поэзии и судьбы забытых писателей, но и широкому кругу читателей – любителей литературы.

Список литературы

1. Альтшуллер М. Г. В тени Державина: Литературные портреты. СПб. : Пушкинский дом, 2014. 616 с.
2. Костровский сборник: Провинциальная литература в контексте русской культуры. Вып. 1. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2002. 100 с.
3. Маслова А. Г. Интерпретация 81-го псалма в поэзии Е. И. Кострова // Libri Magistri. 2018. Вып. 6. С. 69–75.
4. Маслова А. Г. Поэтика времени и пространства в русской поэзии 1760–1780-х годов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. 212 с.

5. Маслова А. Г. Творчество Е. И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII века : монография. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2019. 182 с.

6. Петров А. В. Новогодняя поэзия в России (от Тредиаковского до Бенедиктова). Магнитогорск : МаГУ, 2009. 267 с.

7. Петров А. В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века : монография. Магнитогорск : МаГУ, 2005. 272 с.

8. Петров А. В. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и «Пантеон российских авторов» Н. М. Карамзина // Русская литература. 2007. № 3. С. 61–76.

Return of the forgotten Vyatka poet: Yermil Kostrov and Russian poetry of the XVIII century

A. V. Petrov¹, S. V. Kharitonova²

¹Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of linguistics and literary studies, Magnitogorsk State Technical University n. a. G. I. Nosov. Russia, Magnitogorsk.
ORCID: 0000-0002-3664-4487. E-mail: alexpetrov72@mail.ru

²PhD of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of linguistics and literary studies, Magnitogorsk State Technical University n. a. G. I. Nosov. Russia, Magnitogorsk.
ORCID: 0000-0002-4603-9387. E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Abstract. The scientific monograph "Creativity of E. I. Kostrov in the context of Russian poetry of the XVIII century" published in 2019 and written by A. G. Maslova, associate professor of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods of Vyatka State University, is reviewed. The publication of the book is timed to the 265th anniversary of the birth of the poet – a native of the Vyatka province. The monograph offers an original approach to the study of the phenomenon of the "forgotten writer" and makes a significant contribution to the development of Kirov (Vyatka) literary local lore. The analytical part of the study is presented in four chapters. The first chapter contains a detailed critical review of the history of "Kostrov science", starting from the XIX century and ending with the 10th years of the XXI century. The science of the poet has evolved from collecting "jokes" about a good-natured drunkard to pointing out Kostrov's serious contribution to translation studies, to the development of pre-romanticism, to the formation of Russian ornamental prose and philosophical poetry. In the center of the second chapter there is genre and thematic features of Kostrov poetry. It is emphasized that the position of the university poet, which did not imply the expression of personal feelings, but only required the observance of certain rules, as if stopped the individual development of the poet, forcing him to return to the style of Lomonosov's odes. The topic of Kostrov's odes and the poetic genres in which he "worked" are considered in detail. The third chapter is devoted to the analysis of biblical stories, motives and images; "metaphysics" and symbolism of Light; images of nature; the phenomenon of Time in the work of the poet. In the final chapter of the monograph, the "portrait of Yermil Kostrov" is constructed – his creative personality is recreated, which is formed in the crosshairs of dialogues – with ancient authors, with contemporaries, with God.

Keywords: E. I. Kostrov, Russian poetry of the XVIII century, Vyatka writers, historical poetics, lyric genres.

References

1. Altshuller M. G. *V teni Derzhavina: Literaturnye portrety* [In the shadow of Derzhavin: Literary portraits]. SPb. Pushkin house. 2014. 616 p.
2. *Kostrovskij sbornik: Provincial'naya literatura v kontekste russkoj kul'tury* – Kostrov collection: Provincial literature in the context of Russian culture. Is. 1. Kirov. VyatSHU. 2002. 100 p.
3. Maslova A. G. *Interpretaciya 81-go psalma v poezii E. I. Kostrova* [Interpretation of the 81st Psalm in the poetry of E. I. Kostrov] // Libri Magistri. 2018. Vol. 6. Pp. 69–75.
4. Maslova A. G. *Poetika vremeni i prostranstva v russkoj poezii 1760–1780-h godov* [Poetics of time and space in Russian poetry of the 1760–1780s]. Yekaterinburg. Ural University. 2013. 212 p.
5. Maslova A. G. *Tvorchestvo E. I. Kostrova v kontekste russkoj poezii XVIII veka : monografiya* [Creativity of E. I. Kostrov in the context of Russian poetry of the XVIII century : monograph]. Kirov. Raduga-PRESS. 2019. 182 p.
6. Petrov A. V. *Novogodnyaya poeziya v Rossii (ot Trediakovskogo do Benediktova)* [New year's poetry in Russia (from Trediakovsky to Benediktov)]. Magnitogorsk. MaSU. 2009. 267 p.
7. Petrov A. V. *Ody "na Novyj god", ili Otkrytie Vremeni. Stanovlenie hudozhestvennogo istorizma v russkoj poezii XVIII veka : monografiya* [Odes "for the New year", or the Opening of Time. The formation of artistic historicism in Russian poetry of the XVIII century : monograph]. Magnitogorsk. MaSU. 2005. 272 p.
8. Petrov A. V. *"Opyt istoricheskogo slovarya o rossijskih pisatelyah" N. I. Novikova i "Panteon rossijskih avtorov" N. M. Karazmina* ["Experience of historical dictionary of Russian writers" by N. I. Novikov and "Pantheon of Russian authors" by N. M. Karamzin] // Russian literature. 2007. No. 3. Pp. 61–76.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 1 (17) (2020)

16+

Редактор *М. О. Корякина*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. И. Чернышова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 03.07.2020 г.
Дата выхода в свет 14.09.2020 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,0. Тираж 100 экз. Заказ № 6345.

Подписной индекс журнала "Вестник гуманитарного образования"
в объединенном каталоге "Пресса России" – 41252

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36